

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1/2013

Гуманитарные исследования Внутренней Азии

Журнал издается
с 2012 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-50065 от 29.05.2012 г.

МИГРАЦИИ И ДИАСПОРЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Ответственные за выпуск

П.Н. Дудин, А.В. Михалев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.Б-М. Митупов, д-р ист. наук, проф.
(главный редактор)
М.Н. Балдано, д-р ист. наук, проф.
А.А. Буркина, канд. социол. наук, доц.
Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф.

А.Д. Цыбиктаров, д-р ист. наук, проф.
С.В. Васильева, д-р ист. наук, доц.
Е.Н. Палхаева, д-р ист. наук, доц.
Т.В. Паликова, д-р ист. наук, доц.

✉ АДРЕС РЕДАКЦИИ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
☎ 21-64-47, vestnik_history@bsu.ru

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
☎ 21-95-57, riobsu@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Мигунов К.Б.-М. Миграционные потоки диаспоральных групп населения	4	Канеширо Итоэ Кто «успешный» мигрант? (Некоторые заметки о социальной дифференциации в эмигрантском сообществе в Китае)	86
Балдано М.Н., Дятлов В.И. Диаспоры в монгольском мире	14	Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Миграционные процессы XXI в. в постсоветском пространстве: традиция как выталкивающий фактор	98
Намсараева С.Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта-Маймачен	21	Мендсайхан Х. Иммиграционная политика в Монголии (1921–1940)	106
Васильева С.В. Роль старообрядцев в освоении Байкальской Азии	46	Дудин П.Н. Статус гражданина в основных нормативных правовых актах Монголии в 1911-1960 гг.	118
Ванчикова Ц. П. Тибетцы в Бурятии: новое явление в культурном разнообразии республики	52	Чжон Бон Су, Цинадзе А.Г. Иммиграция и адаптация корейцев в Республике Бурятия: историко-правовые аспекты	132
Нацагдорж Б. Причины миграции бурят в Монголию: на примере ацинских цонгол-бурят	61	Бреславский А.С. Сельско-городская миграция и социально-экономическая трансформация пригородов Улан-Удэ в постсоветский период	138
Шагланова О.А. Монгольские иммигранты в современной Японии: мотивация и адаптация	76	Собольников В.В. Миграция в контексте криминологической безопасности (на примере азиатской территории России)	145

CONTENTS

<p>Mitupov K.B-M. Migration flows of diasporas groups in Buryatia in the 1990's 4</p>	<p>Kaneshiro Itoe Who is a «successful» emigrant? (Some notes about social differences among the emigrant community in China) 86</p>
<p>Baldano Marina N., Dyatlov Victor I. Diasporas in the Mongolian World ... 14</p>	<p>Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. Migration processes in Post-Soviet space: tradition as a extrusive factor 98</p>
<p>Namsaraeva S.B. Migrations in Inner Asia during the Qing Dynasty: diasporas in ‘ Kiachta-Maimacheng’ contact zone 21</p>	<p>Mendsaikhan Kh. Immigration Policy in Mongolia (1921-1940) 106</p>
<p>Vasilieva S. V. The role of Old Believers in reclama- tion of Baikal Asia 46</p>	<p>Dudin P.N. The status of the citizen in the basic laws of Mongolia in 1911-1960 118</p>
<p>Vanchikova Ts.P. Tibetans in Buryatia: a new phe- nomenon in cultural diversity of the Republic 52</p>	<p>Jon bon Su, Tsinadze A.G. Korean Immigration and adaptation in Buryatia: historical and Law aspects 132</p>
<p>Natsagdorz B. The purpose of Buryat migration in Mongolia: an example of atsink’s tsongol-buryats 61</p>	<p>Breslavsky A.S. Rural-Urban Migration and the Socio- Economic Transformation of Suburbs of Ulan-Ude 138</p>
<p>Shaglanova O. Mongolian immigrants in modern Japan: motivation and adaptation 76</p>	<p>Sobolnikov V.V. Migration in Criminological Security Context (an example of Asia territory of Russia) 145</p>

Миграционные потоки диаспоральных групп населения Бурятии в 1990-е гг.

В статье рассматриваются процессы формирования диаспор Бурятии: немецкой, еврейской, татарской, корейской, польской, азербайджанской, армянской, китайской. Автор пытается выявить причины этого явления, уделяя особое внимание миграционным проблемам в регионе в исторической перспективе.

Ключевые слова: диаспора, миграция, Бурятия.

© К.В.-М. Mitupov

Migration flows of diasporas groups in Buryatia in the 1990's

This article is considered the processes of formation of diasporas of Buryatia: German, Jewish, Tatar, Korean, Polish, Azerbaijani, Armenian, Chinese. The author tries to identify the causes of this phenomenon, paying particular attention to migration issues in the region in a historical perspective.

Keywords: diaspora, migration, Buryatia.

Радикальная реформа начала 1990-х гг., направленная на формирование рыночной экономики, резко обнажила слабости и проблемы народного хозяйства республики и привела к значительному ухудшению социально-экономической ситуации. Экономика республики, унаследовав деформированную структуру с преобладающей долей военно-промышленного комплекса, находилась в кризисном состоянии. Идея быстрого создания института частных собственников, который позволил бы повысить эффективность производства, провалилась. Ухудшение социально-экономического положения республики, а также изменения в общественно-политической сфере, связанные с распадом СССР и созданием независимых государств, привели к усилению миграционных процессов.

Таблица 1
Миграционное движение населения Бурятии в 1990-е гг.

Миграция	1991 г.	1993 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Прибыло	41 752	28 255	32 929	26 605	21 086	20 453	20 032
Выбыло	42 278	31 733	31 609	27 890	25 937	25 165	24 065
Миграционный прирост	-526	-3478	1320	-1285	-4851	-4712	-4033
Из него в результате передвижений в пределах РФ	-74	-3386	-1018	-2079	-5259	-4661	-4150

Таблица составлена по: Бурятия на рубеже веков: стат. сб. / Госкомстат РБ. – Улан-Удэ, 2001. – Ч. 2. – С. 60.

Экономические изменения последнего десятилетия XX в. нарушили основные тенденции развития коренных этносов республики. Доля мигрантов из сельской местности в городах резко возросла. Так, за 2000 г. количество мигрантов в возрасте от 16 до 29 лет составило 2,3 тыс. чел., или 72% всего оттока из сельской местности. Эти процессы стали оказывать значительное влияние на формирование городской социальной среды. Как известно, городская ассимиляция способствует утрате традиционных основ ментальности, благоприятствуя становлению новой городской культуры, формированию новых структур сознания, изменению значимых характеристик восприятия. Облегчает адаптацию к условиям города переселившиеся селян институт землячества, который становится средством формирования этнических стилей потребления. Характеризуя современные землячества, необходимо подчеркнуть, что они представляют собой городской феномен, а не продукт простого воспроизводства традиционных отношений. В определенной степени они помогают минимизировать риски адаптации и продвижения по социальной лестнице, создаваемые нестабильной средой. Фактически землячества представляют собой культурные ниши, дающие мигрантам возможность для новой самоидентификации. Вместе с тем они способствуют сохранению специфических форм социальной мобильности населения республики. Особо необходимо отметить многонациональный состав землячеств.

Основной причиной усиления внутренних и внешних миграционных потоков в 1990-е гг. являлась сложная экономическая ситуация в России. Республику продолжала покидать экономически активная часть населения, а внутренние миграционные потоки характеризовались движением в одном направлении – из сельской местности в города, преимущественно в Улан-Удэ. Существующий нерациональный характер миграции являлся потенциальной угрозой стабильности межэтнической ситуации, поскольку внешние и внутренние миграционные потоки носили ярко выраженный моноэтнический признак.

За рассматриваемый период имело место сокращение миграционного обмена Бурятии с территориями внутри России в 2 раза. В 1997–1998 гг. отток в другие республики, края, области России составлял ежегодно свыше 5 тыс. чел., в 1999 г. – 4,7 тыс. чел., в 2000 г. – 4,1 тыс. чел.

Значительные потери отмечались в обмене с центральными районами России, составив 3,8 тыс. чел. за период 1997–2000 гг., например, с Поволжским (5,5 тыс.). Отток отмечается в основном в Иркутскую область (4,8 тыс.). Массовый отток населения в Иркутскую область, начавшийся в 1992 г. с 360 чел., в 1993 г. составил уже 1 тыс. чел., а в 2000 г. – 1,2 тыс. чел. Выезд в соседнюю область обусловлен более низким уровнем безработицы и более высокими среднедушевыми доходами над величиной прожиточного минимума.

В национальном составе мигрантов преобладали русские: в 2000 г. – 67% и 71% в потоке прибывших – выбывших соответственно, буряты составляли 25% и 17%, украинцы – по 3%, татары – по 1%. Республику по-

кидали в основном русские, составляющие большинство населения. Бурятское население более интенсивно перемещается в пределах Бурятского региона. Их доля в этом потоке составила в 2000 г. 44%. К концу 1990-х гг. увеличился удельный вес бурят среди мигрантов с 26% в 1990 г. до 34% в 2000 г.

Сложная экономическая ситуация в Бурятии способствовала тому, что основная часть молодежи, получившей образование за пределами республики, не стремилась возвращаться. Несмотря на разработанную программу, связанную с привлечением молодых специалистов, республика стала терять интеллектуальный потенциал.

В 1990-е гг. появилась новая категория мигрантов – беженцы и вынужденные переселенцы. В 2000-е гг. было зарегистрировано 1566 беженцев и вынужденных переселенцев (из них 918 – русские). Этих мигрантов можно считать носителями социальной напряженности, но их незначительное число не может влиять на стабильность межэтнических отношений. При этом надо отметить, что большинство приезжающих из стран СНГ раньше работали или учились в Бурятии.

Этнический состав населения Бурятии претерпел значительные изменения. Если, по Всесоюзной переписи 1989 г., в Бурятии проживали представители 120 национальностей, то к началу 2000-х гг. насчитывалось около 113 национальностей. Из республики выехало большое число прибалтийцев, украинцев, белорусов, немцев и евреев. При этом лишь о части этнических групп Бурятии можно говорить как о диаспорах – прежде всего это немцы, евреи, татары, корейцы, поляки. Они имеют в Бурятии достаточно глубокие корни и свою историю.

В 1990-е гг. в связи с острыми межнациональными конфликтами в республиках Северного Кавказа и Закавказья увеличились потоки мигрантов в Россию, произошло увеличение численности кавказских диаспор. В Бурятии особенно заметны стали азербайджанская и армянская общины, которые быстро адаптировались в новых условиях общественной жизни региона. В процессе перехода к новым общественно-экономическим отношениям шло формирование новых диаспор, где особую роль стали играть китайцы. Пока это были экономические мигранты, но эта все больше укореняющаяся этническая группа стала приобретать черты общины.

Азербайджанская и армянская общины все чаще заявляют о себе в общественной, культурной, экономической и политической жизни республики. По сведениям местной прессы в 2000 г., азербайджанская община насчитывала свыше 5-7 тыс. человек, армянская – более 3 тысяч, в то же время грузинская не столь многочисленна.

В середине 1990-х гг., среди мигрантов резко возросло число беженцев и выходцев из сельских районов кавказских республик, что связано с безработицей. Они стали селиться в деревнях, где занимаются сельским хозяйством. Успешно интегрировавшись в экономику разных районов России, а затем в субъекты федерации на Урале, Сибири, кавказцы при-

носят на родину немалые денежные доходы. Так, азербайджанцы, по неофициальным данным, привозят на родину до 1 млрд долларов ежегодно. Кавказские диаспоры в Бурятии начали быстро оформляться и по сей день пополняются новыми мигрантами.

Первые же поселенцы – выходцы с Кавказа – появились в Забайкалье достаточно давно. По данным на 1907 г., в г. Верхнеудинске проживало 28 армян, 8 осетин, 27 грузин и т. д. Основным занятием которых была либо мелкая торговля, либо ремесло. Процесс формирования кавказских общин усилился после I мировой войны, когда возрос объем миграционной подвижности населения в России. В 1970-е гг. в Бурятии насчитывалось уже 124 грузина, 151 азербайджанец, 311 армян, 71 осетин, 16 чеченцев. В конце XX в. кавказские общины состояли в основном из вновь приехавших в республику в конце 1980–1990-х гг., но среди них было много и старожилов, которые прибыли сюда в 1960–1970-х гг. в разные районы Бурятии либо находились здесь на военной службе и др. Таким образом, кавказские общины в Бурятии стали формироваться еще с 1970-х гг., а в конце 1980-х – в 1990-е гг. этот процесс ускорился. Не надо забывать, что в конце 1960-х гг. ЦК КПСС приняло постановление, которое обязало все регионы Сибири принимать трудовых мигрантов-кавказцев.

Значительную роль в жизни всего Байкальского региона стали играть различные этнические группы. Эти диаспоры можно разделить на три группы.

Первая – исторически сложившиеся в республике в XIX–XX вв. «внешние диаспоры», состоящие из тех, чья историческая родина на данный момент находится за пределами Российской Федерации. Их представляют диаспоры немцев, поляков и евреев.

Вторая – диаспоры из представителей Юго-Восточной Азии, т.е. корейцы, вьетнамцы, китайцы. Именно они начинают играть важную роль в экономическом развитии республики 1990-х гг.

Третья группа, так называемые «внутренние диаспоры», объединяет тех выходцев бывших республик, чья родина входила в Советский Союз (а в ряде случаев входит и в состав Российской Федерации). Это прежде всего армянская, азербайджанская, грузинская, таджикская, киргизская, татарская диаспоры.

Такое деление весьма условно, т.к. уже в начале XXI в. проявились новые тенденции в развитии диаспоральных групп, в первую очередь формировавшихся на основе конфессиональных отношений.

В течение XIX–XX вв. диаспоры на фоне общих тенденций имели в своем развитии ряд особенностей, связанных в первую очередь с историей переселения и социальным составом этнических групп. Это отразилось на их современном состоянии и дальнейших перспективах развития, на участии в культурной, общественной и социально-экономической жизни республики.

Этнические группы отличаются друг от друга не только численностью, но и историей и временем своего поселения в республике. Это, как

правило, было связано с политикой правительства, проводимой в разные годы XIX–XX вв. Так, история польской и еврейской диаспор в Бурятии уходит своими корнями в XIX в. и связана с политикой колонизации. Население Забайкалья того времени росло очень медленно, и в связи с этим велась целенаправленная политика заселения края. Сюда ехали не только служилые, посадские люди и крестьяне, но и каторжане, отчего Забайкалье приобрело репутацию «каторжного края», куда ссылали преступников, провинившихся дворян и боярских детей.

В XIX в. оформилась польская диаспора, которая в основном состояла из сосланных на поселение повстанцев 1830–1831, 1863–1864 гг. В сибирской ссылке представлены все социальные слои из ссыльных поляков, особенно в последнее десятилетие XIX в. В то же время в Бурятии оказывалось очень много добровольных польских поселенцев, которые мигрировали сюда по разным причинам: государственная служба, родственные связи либо коммерческая деятельность. Также в Забайкалье попадали поляки, служившие в царской армии, как офицеры, так и нижние чины. В течение XIX–XX вв. польская диаспора пополнялась различными специалистами – врачами, инженерами, железнодорожниками, учителями и ремесленниками. После отбытия каторги поляки селились в разных районах Забайкалья и активно включались в общественную, культурно-просветительную, хозяйственную жизнь края. Численность польского населения в конце XIX – начале XX в. была весьма значительна. Если в 1901 г. в г. Верхнеудинске проживало 90 поляков, то, по данным однодневной переписи населения от 7 октября 1907 г., в городе уже проживало 303 поляка. Подтверждением этому может служить и тот факт, что в дореволюционном Верхнеудинске было два больших костела. Если в материалах Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Бурятии поляки не указываются в списках населения по национальностям, как и многие другие, то, по переписи 1970 г., в Бурятии проживало 363 поляка. В настоящее время в г. Улан-Удэ проживает 400 поляков и 10 тысяч лиц польского происхождения. Незначительная часть потомков ссыльных проживает в районах республики. В Муйском районе есть эвенкийское село, где большинство жителей носит польские фамилии. На сегодняшний день польская диаспора пополняется лишь за счет молодого поколения. Поляки принимают активное участие в общественной и культурной жизни республики и города.

Еврейское население Сибири формировалось в течение трех столетий. Репутация «каторжного края» не отпугивала евреев в отличие от других народов западных губерний Российской империи. Колонизация Сибири давала им шанс вырваться за границу черты оседлости. История появления и развития еврейской диаспоры в Бурятии сегодня активно изучается. В Забайкалье эта этническая группа сложилась во второй половине XIX в., хотя ссыльные стали осваивать этот край значительно раньше. Именно они стали ядром местного еврейского сообщества, позже были приписаны к крестьянским или мещанским. Кроме того, это учителя,

прибывавшие по приглашению общины для преподавания в учебных заведениях, это участники военных действий на Дальнем Востоке в начале XX в., которым было даровано право повсеместного проживания в Забайкальской области.

В 1897 г. в Восточном Забайкалье насчитывалось 1978 евреев, что составило 0,1% всего населения, в Западном Забайкалье этот показатель равнялся 1,6. В дальнейшем количество представителей иудейского вероисповедания увеличивалось. В 1887 г. только в Верхнеудинске проживало 530 человек. Начало XX в. было отмечено резким увеличением численности еврейского населения в Забайкалье, что объяснялось в основном бегством от участвовавших на западе еврейских погромов. Селились евреи в основном в трех округах: Верхнеудинском, Селенгинском и Баргузинском. С 1917 г. евреи получили право участия в политической жизни Забайкалья, где стали создаваться сионистские организации. В 1959-1989 гг. в результате эмиграции численность евреев в республике сократилась. Если в 1959 г. численность евреев составляла 2,7 тыс. чел., то в 1989 г. – 1,2 тыс. В 1990-е гг. в результате массового выезда на историческую родину численность еврейской общины Бурятии заметно сократилась.

Первые немецкие поселенцы в Забайкалье появились еще в конце XIX – начале XX в. Так, в городе Верхнеудинске в 1907 г. проживало 40 немцев. История современной немецкой диаспоры связана с военным и послевоенным временем, когда российские немцы были мобилизованы в трудовые лагеря. В эти годы в районы активного промышленного освоения республики прибыло достаточно большое количество немцев. В пос. Закаменск на строительство Джидакомбината прибыло около 3 тысяч немцев-спецпереселенцев. А в 1947 г. состав немцев пополнился новыми поселенцами. В Баунтовский район прибыли 272 бывших трудармейца из Вятлага для работы в комбинате «Баргузин-золото».

Также в послевоенные годы на строительство Тимлюйского цементного завода было мобилизовано 900 немецких поселенцев. Помимо так называемых мобилизованных в республике в течение почти восьми лет находились и репатриированные немцы. Еще в 1947 г. на территорию Бурятии для работы в золотодобывающей промышленности прибыло 134 человека.

А в 1955 г. после освобождения немцы остались жить в тех районах республики, где и работали. К сожалению, реальной картины о численности немецких поселенцев в Бурятии нет, так как по известным обстоятельствам многие из них скрывали свое происхождение. В 1959 г., по официальной статистике, в республике проживало немцев – горожан 310 чел. и селян – 97, а в 1970 г. – всего 1540. К концу 1990-х гг. в республике проживало более 2 тыс. немцев, в том числе в г. Улан-Удэ около 300. Местами компактного проживания являются Закаменский, Селенгинский, Северо-Байкальский, Кабанский районы, а также поселок Каменск, г. Улан-Удэ и Гусиноозерск.

Не освещена и история современной корейской диаспоры, корни которой уходят в XIX в. В 1970 г. в Бурятии проживало 190 корейцев, почти половина которых была сельскими жителями. Сегодня они представляют старшее поколение корейцев, которое стоит у истоков созданного в 1991 г. корейского центра культуры. Центр пытается восстановить национальные традиции и обычаи, национальные праздники и, конечно, национальный язык, которые были забыты в результате массовой депортации и насильственной ассимиляции. При этом необходимо отметить, что корейцы жили в Забайкалье еще в XIX – начале XX в., когда сформировался процесс переселения корейских беженцев на Дальний Восток и в Сибирь. Царская власть приняла иммигрантов и определила для них места поселения, посчитав выгодной обработку пустынных земель для заселения их мигрантами из европейской части России. Признавая их национальные достоинства и трудолюбие, власти ограничивали их в правах и требовали от них перехода в русское подданство и принятия православия. После того как Япония завладела Кореей, в середине XIX в. усилились преследования корейцев по всей России. В Забайкалье корейцы вместе с китайскими подданными работали на приисках, а также на строительстве железных дорог, так как «желтый» труд был самым дешевым и выгодным. Численность корейских рабочих в Бурятии установить очень сложно, потому что их количество не фиксировалось властями. В годы репрессий 1937 г. корейцы были насильственно переселены в Среднюю Азию и Казахстан. По переписи населения 1989 г., в Бурятии проживало 320 корейцев. В 1990-е гг. диаспора значительно пополнилась за счет строителей ТЭЦ-2 из КНДР, а также частично за счет корейцев из Средней Азии, бизнесменов из Южной Кореи и тех, кто, получив образование, остался жить в республике. Диаспора играет важную роль в культурной и экономической жизни республики. Некоторые корейцы владеют в г. Улан-Удэ рядом кафе, ресторанов, ночных клубов («Восточные ворота», «Кинсбургер», «Корея»).

Современная татарская диаспора состоит в основном из потомков переселенцев 1950–1960-х гг., хотя ее история насчитывает несколько веков, начиная отсчет примерно с середины XVIII–XIX вв. Первыми из татар в Забайкалье оказались (как и поляки, евреи, немцы) ссыльные, которые появились здесь в XVIII в. Однако постепенно дорогу прокладывали и другие – купцы, ремесленники. В Верхнеудинске татары занимались мелкой торговлей, но были и гильдейные купцы, торговавшие мануфактурой, галантереей, фруктами. Так, только в Верхнеудинске в 1887 г. насчитывалось около 30 татар, а в 1913 г. их уже было 400. Жили не только в Верхнеудинске или Троицкосавске, но и в сельских волостях. Например, в Мухоршибирской волости проживало около 30 человек. Основная масса все же оставалась в Верхнеудинске, где была образована мусульманская община, а в 1907 г. построена мечеть, при которой существовала воскресная школа. После революции в 1925 г. ее посещало уже 70 учеников. Существовало и татарское кладбище. При этом, несмотря на отличия в рели-

гии и культуре, татарская диаспора не замыкалась в себе и принимала активное участие в жизни города. Известно, что татарский национальный праздник «Сабантуй» традиционно отмечался в городе. В 1920-е гг. татарская община насчитывала уже около тысячи человек. Еще в 1925 г. «Бурят-Монгольская правда» выражала недовольствие тем, что татары Верхнеудинска группируются в основном вокруг мусульманской общины и молодежь посещает мечеть. И конце 1920-х гг. мечеть, воскресная школа и кладбище были закрыты. В начале 1950-х гг. советское правительство приступило к реализации организации переселения татар в Сибирь из европейской части СССР.

В 1952 г. первые 50 татарских семей были переселены в Бурятию из Поволжья. В результате активной переселенческой политики к 1959 г. прирост татар составил более 5 тыс. человек. Таким образом, численность городских татар сократилась, а сельских возросла на 5,5 тыс. человек. Их общее число в 1959 г. составляло 8 057, а в 1970 г. – уже 9 991. К концу 1990-х гг. проживало более 10 тыс. татар, они были заняты во всех сферах экономики, науки, культуры. В конце 1990-х гг. в Улан-Удэ проживало свыше 5 тыс. татар, создан национально-культурный центр, открыт торговый дом «Татарстан». При этом татарская община в Бурятии фактически не пополняется новыми мигрантами из Татарстана.

Усиление миграционных процессов на постсоветском пространстве в последнее десятилетие XX в. привело к формированию новых национальных диаспор не только в крупных городах, но и в различных областях и республиках России. Особенностью развития территорий Сибири и Дальнего Востока является то, что в 1990-е гг. здесь начался активный процесс формирования китайских диаспор. При этом в Бурятии сохранились остатки старой китайской общины, которая появилась в Забайкалье во второй половине XIX в. В основной своей массе это были мелкие торговцы и наемные рабочие, трудившиеся на золотых приисках, железной дороге и других промышленных предприятиях. Точную динамику численности китайцев в Забайкалье представить сложно. В 1887 г. только в Верхнеудинске проживало 43 китайца, а в 1907 г. их было уже 115. Судя по этим данным, местные власти не препятствовали проникновению китайских поселенцев на территорию Российской империи, особенно если учитывать дешевизну «желтого труда», их высокую трудоспособность и неприхотливость к тяжелым условиям работы. Со временем численность китайцев постоянно увеличивалась. По данным переписи 1970 г., в Бурятской АССР проживало 409 китайцев, из них 247 являлись жителями сельской местности.

Развал советской экономики и переход к формированию рыночных отношений, а также высокий спрос на китайские товары и услуги позволили открыть восточную границу. Это привело к мощной, фактически бесконтрольной волне китайской миграции в Россию в начале 1990-х гг. В эти годы шел активный процесс формирования китайской общины за счет новых мигрантов, ориентированных на постоянное жительство в

республике. В результате, по сведениям правоохранительных органов, в 2001 г. республику посетило 20 тыс. китайцев, но вид на жительство получили всего 366 человек. Пополнение идет не только за счет мелких рыночных торговцев и рабочих, но и за счет студентов и предпринимателей. Китайские мигранты все больше начинают интегрироваться в экономику, в социальные и культурные процессы республики.

Новые политические реалии побудили значительные группы людей двинуться в поисках лучшей доли. Огромный и неосвоенный рынок России привлек внимание значительного количества «челноков», которые после 1991 г. ринулись осваивать его. Не стала исключением и Бурятия, где начало 1990-х гг. знаменовалось появлением большого числа китайцев, монголов, затем узбеков, киргизов, таджиков, а вслед за ними кавказцев – армян, грузин, азербайджанцев.

Интересно, что последовательность приезда в Бурятию распределялась именно так. В 1991–1994 гг. поток китайских дешевых товаров хлынул в республику. Из России вывозили шапки, солдатские и офицерские шинели, скупали мужские костюмы и т.п. По Улан-Удэ в самые суровые морозы ходили группы китайцев без головных уборов. Первые челноки не отличались особой зажиточностью и хорошими манерами. Однако в городе чувствовали себя достаточно комфортно, т.к. население столицы Бурятии было к ним толерантно. Это уже позже, во II половине 1990-х гг., начинаются разбойные нападения и грабежи китайских челноков. Меняется и состав китайских мигрантов, зачастую это уже не мелкие торговцы, а предприниматели, стремящиеся заключить серьезные многотысячные валютные договоры. Проникновение в республику шло через местных китайцев, имевших советское гражданство.

Идея проникновения в чужую среду, в данном случае в Бурятию, предполагала экономическую опору на крупные договора и структурную поддержку в организационных вопросах. Идея вполне оправданная и дающая большие возможности в условиях демократизирующейся России. На первом этапе либеральных преобразований плодотворно и успешно решались задачи проникновения на рынок РФ через деловых партнеров.

Надо отметить, что первые контракты и дальнейшее получение высоких прибылей позволили распространить деловые связи в Москву, Иркутск, Новосибирск, Екатеринбург. Изменение парадигмы политического развития со II пол. 1990-х гг. привело к власти коррумпированные слои, которые вольно или невольно способствовали проникновению в сознание людей идеологии уголовного сообщества. Общинное мышление, коллективизм и некоторые особенности психологии советского общества определили основную идею системы социальных отношений, что привело к распространению «идеологии зоны». Это очень четко прочувствовали наши «гости» из-за рубежа. Если ранее миграционное проникновение в Байкальский регион шло по экономическим, в первую очередь торговым, легальным каналам, то с этого времени движение пошло по криминальному руслу. Более быстрое развитие рыночных отношений в федеральном

центре, Москве, где было аккумулировано более 80% всех финансовых средств и существовала явная криминализация «экономических» отношений, повлекло дефицит финансовых средств в провинции. Произошел спад предпринимательской активности, а вслед за этим и снижение уровня жизни.

Таким образом, можно выделить четыре волны миграции в Бурятии из-за пределов границ России:

I этап – конец 1980-х – начало 1990-х гг. (1993).

II этап – 1994–1996 гг.

III этап – 1997–1999 гг.

IV этап – 2000–2003 гг.

I этап: активный миграционный поток иностранных торговцев – монголов, китайцев – в связи с введением безвизового въезда и смягчением таможенного обложения.

II этап: временное снижение интенсивного миграционного обмена в связи с охлаждением отношений между РФ и КНР и введением визового въезда.

III этап: новое оживление миграционного потока китайских граждан в РФ и создание иностранных предприятий, занимающихся экспортом из РФ ресурсных материалов – леса, металла, угля. Данный этап отличается явной организованностью со стороны государственных и частных предприятий, а также криминальным сопровождением товарных потоков. В этот период происходит организационное сращивание национальных преступных группировок.

IV этап: 2000–2003 гг. – этап, характеризующийся упорядочиванием хаотичного движения иностранных торговцев и рабочих. Миграционные потоки фильтруются государственными службами. Численность китайцев, монголов, вьетнамцев сокращается и одновременно растет число представителей бывших союзных республик – киргизов, узбеков, таджиков, азербайджанцев, армян, грузин.

Главным итогом рассматриваемого периода стало появление совершенно иных отношений между местными национальными группами – русскими, бурятами и эвенками, и национальными диаспорами, занявшими разные экономические ниши. В начале XXI в. межнациональные отношения в республике определяются взаимодействием пришлого и местного населения. Внешний раздражающий фактор в виде экономически укрепившихся диаспор стали вызывать опасения у населения республики. Сегодня в городе насчитывается десяток ресторанов кавказской кухни, китайских закусочных, армянские и китайские бригады строителей, не говоря о торговцах-челноках. «Торговые меньшинства» в ходе рыночных преобразований в смешанном обществе, которое из себя представляет Бурятия, подтверждают выводы исследователей. Новые национальные диаспоры, «...с их рыночной ментальностью, воспитанной веками адаптивностью, умением мгновенно осваивать новые реалии, огромным опытом органического существования в разнородной этнической, культурной,

ценностной среде, оказались для этого (подключения традиционных обществ к мировой экономике) идеальным кандидатом». С этим трудно смириться, но, видимо, это действительно так.

Митупов Константин Бато-Мункич – доктор исторических наук, профессор, директор Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета.

Mitupov K.B.-M. – ScD, professor, director of Inner Asia Institute of Buryat State University.

УДК 314.745.3-054.7

© М.Н. Балдано, В.И. Дятлов

Диаспоры в монгольском мире*

В статье дискутируется вопрос о возможности инструментального применения термина «диаспора» при анализе этномиграционных процессов в монгольском мире.

Ключевые слова: диаспоры, миграции, этнические группы, адаптация, жизненные стратегии и практики.

© M.N. Baldano, V.I. Dyatlov

Diasporas in the Mongolian World

The article discusses the instrumental possibilities of «diaspora» using in the analysis of the Mongolian world ethno-migration processes.

Keywords: diaspora, migration, ethnic group, adaptation, life strategies and practices

Для того чтобы изучать некие социальные и культурные феномены (например, диаспоры) в монгольском мире, стоит специально определить авторское понимание этих понятий. При всей их видимой очевидности, возможно как раз в силу такой очевидности, не исключены различные понимания этих ключевых категорий анализа.

Монгольский мир в понимании авторов – это монгольское историко-культурное пространство, исторически рассеченное несколькими государственными границами, форматированное полутора веками нациестроительства в рамках и контексте нескольких государств. Как результат – существование как минимум в рамках трех государств нескольких самостоятельных народов (с собственными культурами, языками, историей, судьбой, историческими и культурными мифами). При этом сохраняется и воспроизводится ярко выраженное представление о культурном родстве, общих культурных, исторических корнях, общая мифология, родство языков и культурных норм.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-11-03001.

Фактор миграций в монгольском мире

Важнейшая сущностная характеристика монгольского мира – высокая географическая мобильность. Кочевое скотоводство было на протяжении веков не только укладом экономики, но и образом жизни. В процессе становления государств современного типа и адекватных им границ меняется, наполняется новым содержанием и традиционный механизм перекочевок и откочевок. В частности, катаклизмы XX в. породили многочисленные и массовые случаи беженства, в том числе и в форме откочевок.

Откочевка как уход на новую территорию в другое государство родовыми группами со скотом как основной экономической деятельности вела к автоматическому воспроизводству социальности, к трансплантации на новое место традиционной социальной структуры, системы властных и иных отношений, образа жизни, имущества и хозяйственного уклада. Поэтому не происходило деклассирования и маргинализации – и это принципиальное отличие от классического беженства. Не происходило и растворения среди родственного по культуре принимающего общества. В общем контексте модернизационных процессов это вело к формированию новых типов социальности и новых механизмов межгрупповых взаимоотношений. Формировался новый современный тип трансграничных миграций.

К этому следует добавить массовые по масштабам монгольского мира современные миграции за его пределы – в другие государства или за пределы традиционного ареала обитания в рамках собственных государств. И здесь важно посмотреть, что происходит там с мигрантами, каков диапазон их индивидуальных и/или групповых интеграционных стратегий (от ассимиляции до «закукливания»). Этнонациональная политика независимого Казахстана, важнейшей составной частью которой стала кампания по «возвращению соотечественников», остро поставила вопрос о групповой идентичности монгольских казахов.

Диаспора: инструментальные возможности для анализа этномиграционных процессов в монгольском мире

Это сравнительно новые процессы и феномены, зачастую они развиваются и формируются на наших глазах. Их изучение и понимание требуют применения разнообразного исследовательского инструментария, в том числе и ранее мало применявшегося. Наша задача – выяснить, насколько работающим и эффективно действующим может стать использование эвристических возможностей теории диаспор.

По словам Р. Брубейкера, «за последние годы термин *диаспора* сделал блестящую карьеру в социологии и других гуманитарных науках»¹. Научный спрос на термин определяется тем, что, по мнению Г. Шеффера, в контексте беспрецедентно больших масштабов трансграничных миграций

¹ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6.

«способность диаспор оказывать влияние на ход событий в культурной, экономической, социальной и, главное, политической жизни постоянно возрастает и будет возрастать и впредь»². Еще дальше идет У. Сафран: «В эпоху глобализации с ее интенсивными миграциями и активизацией культурно-информационного обмена поверх политических границ мы все более отчетливо осознаем, что «нация-государство» является некой странностью, анахронизмом, что идея устойчивости культур – иллюзия, а формирование культурно-гомогенных обществ – крайне трудно осуществляемая задача, не говоря о том, что это вряд ли вообще необходимо»³.

При этом использование термина без учета исторически заложенных в нем смыслов часто ведет к тому, что он становится таким клише, даже ярлыком. Нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных/этнических групп, живущих вне пределов соответствующих государств или национальных очагов. Подразумевается, что это не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому относятся по факту этнической принадлежности. Последняя также оценивается как природная данность. Такая «диаспора» многим видится организованным сообществом, корпорацией, иногда даже официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и оформленным членством. Термин пытаются иногда наполнить даже правовым содержанием.

В такой логике словом «диаспора» называется и механическая совокупность лиц, относящих себя (или относимых другими) к определенной этнической группе, и возможные связи и отношения между этими людьми на этнической основе, и их формальные объединения и институции. Когда одно слово обслуживает такие несовпадающие явления, причем обслуживает их в сознании и речи одного человека, то это может вести (и, по-видимому, ведет) к их отождествлению. Можно предположить и обратную логику, когда в сознании человека это действительно одно и то же, требовалось лишь слово для называния этого единого феномена.

Наиболее полный набор критериев/признаков диаспоры предложен У. Сафраном: 1) члены группы или их предки переместились из определенного исходного «центра» в один из более «периферийных» или «иностранных» регионов; 2) они сохранили коллективную память, представление или миф о своей первоначальной родине – о ее физическом местоположении, истории и достижениях; 3) они уверены, что не стали, а возможно, и не могут стать полностью своими для «принимающего» общества, и потому чувствуют себя в некоторой степени отчужденными и изолированными; 4) они считают родину предков своей истинной, идеальной родиной, куда они или их потомки в конечном счете, возможно, вернуться

² Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 163.

³ Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. – 2004. – № 4. – С. 138–139.

(или должны вернуться), когда позволят условия; 5) они уверены, что должны коллективно поддерживать существование, безопасность и процветание своей первоначальной родины или способствовать ее восстановлению; 6) они продолжают относить себя к этой родине, персонально и/или через коллективные идентичности, и этим обстоятельством в существенной степени определяются их этнокоммунальное сознание и солидарность; 7) они хотят оставаться меньшинством, передавая последующим поколениям культурное (религиозное) наследие родины предков; 8) их культурная, религиозная и/или политическая связь с родиной существенным образом отражается в их общественных институтах.

Как и всякая жесткая конструкция, типология У. Сафрана вызвала массу критики, возражений и дополнений. Но важно отметить то, что дискуссия происходит на предложенной им площадке, что свидетельствует об эвристической ценности его исследовательской модели. Не вдаваясь в конкретику дискуссии, стоит подчеркнуть, что она полезна и важна, т.к. помогает выявить и сделать операциональными те смыслы и значения, которые стоят за этим термином, исторически сконцентрировались в нем. Это разработка инструментария, без которого нет качественного научного исследования.

Менее плодотворны многочисленные споры о том, соответствует ли некая изучаемая группа набору этих критериев и является ли таким образом диаспорой или нет. Это легко может превратиться в довольно схоластическое и не очень полезное занятие. Намного важнее и интереснее инструментальное применение этого концепта.

Отличный пример такого подхода – концепция «диаспоры катаклизма» Р. Брубейкера. В ней сделана интересная (и потому дискуссионная) попытка применить диаспоральный исследовательский инструментарий для понимания характера такого нового феномена XX в., как меньшинства, образовавшиеся в результате распада многонациональных империй за пределами этнически родственного государства. Двигались здесь не люди, а границы. Поэтому «диаспоры катаклизма» рождаются мгновенно, вследствие резкой «перетряски» политического устройства, нередко травматической для ее участников⁴. Здесь важно не то, можно или нет назвать эти группы диаспорами, а то, как наработанные в рамках этого подхода смыслы работают на понимание изучаемой ситуации.

Не обойтись здесь без авторского понимания феномена «диаспоры». Представляется, что это не просто рассеяние, пребывание представителей какой-либо этнической группы вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства. Тогда неизбежны следующие вопросы – что такое этническая группа, кто такие ее представители и почему, что такое этничность вообще.

Нам чуждо примордиалистское представление о врожденном или автоматически унаследованном свойстве этничности, об этносе как вечном

⁴ Брубейкер Р. Указ. соч. – С. 6.

и неизменном субъекте общественных отношений. Поэтому диаспора понимается как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическая система формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей. Эти связи, стратегии и практики основаны на общности исхода с «исторической родиной» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтническом принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или несуществование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей могут быть, а могут и не быть диаспорой.

Типы диаспоральных групп, жизненных стратегий и практик

Эффективнее всего диаспоральный аппарат анализа работает при изучении современных миграций за пределы монгольского мира, особенно за границы государств. На семинаре, состоявшемся в октябре 2009 г. в г. Улан-Баторе, посвященном изучению миграций⁵, прозвучало много интересных докладов и сообщений о том, как монгольские мигранты в США, Великобритании, Германии, Корее активно формируют общины и землячества, создают свои общественные организации, газеты, интернет-сайты. Сохраняются и развиваются многообразные способы и механизмы связей с исторической родиной. Вся эта инфраструктура становится как механизмом успешной интеграции в принимающее общество, так и способом сохранения собственной национальной идентичности. Это классическая диаспоральная стратегия в эпоху глобализации, когда современные средства сообщения и связи позволяют мигрантам и интегрироваться в принимающее общество, и оставаться частью общества отпускаяющего. При этом нарабатываются специфически диаспоральные нормы и практики. Интереснейший опыт формирования устойчивой общинной жизни демонстрируют калмыки в США⁶.

Более сложен вопрос о миграциях в рамках одного государства, но за пределы традиционного социокультурного ареала монгольского мира. Учебная и трудовая миграция тысяч этнических бурят в Москву, Санкт-Петербург является, с одной стороны, частью общероссийского тренда «западного дрейфа» и обычного стремления провинциалов в столицы. Нет проблемы натурализации (если не брать в расчет специфической советской и постсоветской системы прописки и регистрации), минимальны трудности аккультурации (и они лежат больше в плоскости адаптации

⁵ Обзор работы семинара см.: Галиймаа Н., Дятлова Н.И. Монголия на перекрестке внешних миграций // Междунар. конф. в Улан-Баторе. Демоскоп Weekly. 2009. № 401-402, 7-20 дек. ([HTTP://demoscope.ru/weekly/2009/0401/nauka03.php](http://demoscope.ru/weekly/2009/0401/nauka03.php))

⁶ Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road». История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. – М.: Алетей, 2004.

провинциала к столичной жизни и культуре). Тем не менее даже в частых случаях безвозвратной миграции наблюдаются механизмы и практики диаспорального типа поведения: формирование общинных структур (особенно землячеств), густые неформальные сети и связи на этнической основе, тесные связи с Бурятией и мощная эмоциональная привязанность к ней⁷. Это большой и открытый вопрос, насколько диаспоральная модель здесь будет сохраняться и воспроизводиться, насколько ее будут поддерживать новые волны мигрантов и размывать дети мигрантов – теперь уже коренные столичные жители. Тем интереснее и важнее продолжить такие исследования.

Уникальна проблема трансграничных миграций в пределах монгольского мира. Она требует дальнейших серьезных исследований, нахождения новых исследовательских площадок, но и то, что сейчас уже описано и проанализировано, дает материал для важных выводов. Опыт почти вековой жизни бурят в независимой Монголии, уникальная «одиссея» шэнхэнских бурят⁸ свидетельствуют о том, что однотипность социально-экономического уклада жизни, глубокое родство языков и культуры, представление об общности истории и судьбы не стали здесь факторами и механизмами ассимиляции. Глубокая адаптация в принимающее общество не стала препятствием для внутренней консолидации этих групп, формирования особой самоидентификации и принятия диаспоральной модели устройства жизни.

Отдельно стоит очень сложная по характеру и последствиям проблема оралманов – этнических казахов в Монголии. Мощная этнократическая составляющая в стратегии нациестроительства в независимом Казахстане включает в себя и идею «собрания нации». Она заключается в признании права всех этнических казахов на казахстанское гражданство и в проведении специальной государственной политики по их репатриации. Это поставило монгольских казахов перед серьезным выбором и необходимостью этнического и национально-государственного самоопределения. Уже продемонстрировано несколько вариантов выбора: остаться в Монголии на положении ее полноправных граждан в качестве национального меньшинства; переселиться в Казахстан и принять его гражданство; переселиться в Казахстан и вскоре вернуться в Монголию. В любом случае формируется новая ситуация и новая роль казахского фактора для Монголии. Частью этой ситуации может стать принятие диаспоральной модели, формирование комплекса диаспоральных практик и идеологии.

Таким образом, гипотеза о различных формах и моделях диаспоро-строительства в монгольском мире имеет серьезные основания. Это предполагает необходимость изучения реальных и потенциально возможных последствий. Мировой опыт показывает, что наличие диаспор может

⁷ Гунтыпова Э. Мигранты из Бурятии в столичных городах России: практики адаптации // Диаспоры. – 2008. – № 1. – С. 148-163.

⁸ Балдано М., Дятлов В. Шэнхэнские буряты: из диаспоры в диаспору // Диаспоры. – 2008. – № 1. – С. 164-192.

стать и становится важным фактором развития как отправляющего, так и принимающего обществ, существенным элементом выстраивания межгосударственных взаимоотношений. Диаспоры могут быть инфраструктурой связей, обмена информацией, культурными ценностями, экономическими ресурсами, они по своему положению – идеальные посредники и переводчики. В эпоху глобализации значение таких функций и их носителей радикально увеличивается. Они могут становиться также и материалом для выстраивания идеологием («собрание нации», «разделенный народ»). Такие идеологемы могут иметь внутригосударственное предназначение, служить инструментом внутренней этнической консолидации. Однако в мировой истории были примеры и попыток использования манипулирования проблемой, что делало диаспоры не только соединительным мостиком между странами и народами, но и «яблоком раздора» между ними.

Литература

1. Балдано М., Дятлов В. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору // Диаспоры. – 2008. – № 1.
2. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. – 2000. – № 3.
3. Гунтыпова Э. Мигранты из Бурятии в столичных городах России: практики адаптации // Диаспоры. – 2008. – № 1.
4. Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. – 2004. – № 4.
5. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. – 2003. – № 1.

Балдано Марина Намжиловна, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, зам. главного редактора журнала «Вестник БГУ», серия «История».

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры».

Baldano Marina – ScD, professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, RAS (Ulan-Ude)

Dyatlov Victor – ScD, professor, Irkutsk State University, Chair of world history and International Relation

Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта-Маймачен

В статье рассмотрена цинская модель организации торговых зон в Северной Монголии и режим управления торговыми кварталами *маймаченами* в таких городах, как Кобдо, Улясутай и Урга, в рамках контролируемой маньчжурскими властями миграции в Северную Монголию. Поставлен вопрос об особенностях формирования этнических диаспор в этих кварталах и, в частности, процесс формирования мигрантского сообщества приграничного торгового анклава Кяхта-Маймачен¹, ставшего центром оптовой караванной торговли между Россией и Китаем в XVIII в. Известно, что в Кяхтинском маймачене жили маньчжуры, монголы, китайцы, туркестанские мусульмане, причем обитатели маймачена помимо этнического разделения были строго распределены на сословные группы – военных, чиновников и торговцев. Наша цель – рассмотреть торговый анклав Кяхта-Маймачен как уникальный феномен «контактной зоны» на колониальной периферии двух империй. Соседство маймачена бок о бок с не менее разнообразным населением Кяхтинской Слободы и крепости Троицкосавск (среди военных и торговцев были русские, немцы, бухарские мусульмане, евреи, бурятские казаки, ссыльные поляки, не считая западноевропейских торговцев и миссионеров, пересекавших Кяхту по пути в Китай) порождало уникальный опыт трансграничного взаимодействия и сосуществования. Статья базируется на широком круге разноязычных источников на русском, китайском и монгольском языках цинского периода и исследованиях последних лет.

Ключевые слова: континентальная колонизация, российско-китайская граница, Цинская империя, Монголия, маймачен, Кяхта, торговые диаспоры, контактные зоны, трансграничная караванная торговля

© S.B. Namsaraeva

Migrations in Inner Asia during the Qing Dynasty: diasporas in ‘Kiachta-Maimacheng’ contact zone

The article covers the issue of ethnic composition in Kyachta-Maimacheng border outpost which was the only frontier town at Russian-Chinese border opened for the whole sale caravan trade in 18th century Qing China. It was formed as a diverse migrant community consisting of various diasporic groups: Chinese, Manchus, Mongols and Muslims from Xinjiang similarly to *maimachengs* trade quarters in other settlements in Outer Mongolia such as Urga, Kobdo and Ulyasutai. It also rises the question how Qing authorities managed ethnic diversity in Maimacheng and the ways power hierarchy structured this frontier community. Close neighborhood with Russian frontier town Kyachta,

* Публикация выполнена в рамках исследовательского проекта «Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы» при поддержке гранта РГНФ 12-24-03002.

¹ Ныне это приграничный город Алтан-Булаг на российско-монгольской границе.

which also had a complex migrant's society, created a unique transborder experience for this colonial periphery. Therefore, author suggests to view Kyachta-Maimacheng not only as a trade outpost, but also as a cultural phenomenon of the 'contact zone' for both colonial empires (Russian and Qing) on depending Mongolian territories. Argumentation is based on wide range of archival sources in Russian, Chinese and Mongolian languages, recent scholarly research on the topic also have been considered.

Key words: continental colonization, Russian-Chinese frontier, the Qing Empire, Mongolia, Maimacheng, Kyachta, ethnic diasporas, contact zone, transborder caravan trade.

«...и не Россия и не Китай, а черт знает что».

Из заметок российского обывателя во время поездки в приграничный город¹.

Определение терминологии и временная хронология

В современной антропологической литературе под термином *контактная зона* чаще всего подразумевают приграничные фронтальные территории на рубежах колониальных владений, на которых происходит смешение и трансформация культур завоевателей и завоеванных. Мария Пратт (Mary Louse Pratt), социолингвист, изучавшая трансформацию испанского языка в бывших испанских колониях Южной Америки, описывает *контактную зону* как «особое социальное пространство, в котором между разными народами, ранее разделенными географически или исторически, с момента первых контактов устанавливаются, как правило, неравные отношения, связанные с конфликтом и подчинением завоевателям» [56:6]². По ее мнению, *контактные зоны* не стабильны, так как они возникают в условиях территориальной экспансии и планами по их дальнейшему расширению. Применительно к ситуации, рассматриваемой в данной статье, установление границ между двумя активно растущими континентальными империями (Цинской и Российской) с кон. XVII и 1-й половине XVIII в. прошло по большей части по землям, населенным монгольскими народами. Поэтому приграничные земли стали «своеобразной» контактной зоной не только между русскими и монголами, как это было с российской стороны в Забайкалье; между монголами и китайцами, как это происходило в южной и северной Монголии, но и между соперничающими империями – Российской и Цинской, которые, убедившись в соразмерности военной мощи друг друга после серии военных столкновений, приос-

¹ Интернет-ресурс <http://griphon-275.livejournal.com/47733.html>

² В оригинале «*The contact zone, that it is a kind of social space in which human groups previously separated by geography or history come into contact with each other and establish ongoing relations, usually involving conditions of coercion, radical inequality, and intractable conflict*» [56:6]. Здесь и далее перевод с иностранных языков авторский (Н.С.), за исключением случаев, когда в скобках указано другое имя.

тановили свои дальнейшие территориальные притязания¹ по линии установленных границ. Поэтому в дополнение к общему определению термина *контактная зона* можно сказать, что в монгольской контактной зоне наступающая сила метрополии была представлена двумя соперничающими сторонами (российской и цинской), а местное население, несмотря на новые политические реалии (разделенность границами, режим подданства и подчинения имперским властям, запрет на переход границ и т.д.), представляло собой единую культурную общность (этническую, языковую, религиозную и т.д.).

Далее мы подробнее остановимся на вопросе, каким образом происходило «наполнение» контактной зоны со стороны цинских властей и как регулировалась миграция населения в Северную Монголию из других концов империи и в Кяхтинский маймачен, в частности.

Миграции во Внутренней Азии цинского периода

Прежде всего необходимо пояснить, что активные территориальные захваты периода «ратного триумфизма»² (конец XVII в. – XVIII в.), когда Цинская империя достигла максимальных размеров, сопровождались значительными по масштабам миграциями разных групп населения во всех концах империи. Чаще всего это была вынужденная миграция под давлением следующих обстоятельств: дислокация войск, бегство от завоевания и репрессий, ссылка непокорных, нужды экономического освоения имперских окраин и т.д. В первую очередь, речь идет о перемещениях крупных формирований маньчжурских и монгольских знаменных войск, рекрутированных в Маньчжурии, Северной и Южной Монголии, для обеспечения господства цинов³ на всех завоеванных территориях, таких как собственно китайские провинции, Цинхай, Тайвань, Синьцзян и Тибет. Так,

¹ По мнению известного исследователя цинской истории Дж. Спенса (J.D. Spence), российско-китайские отношения в течение XVII–XVIII вв. прошли следующие этапы: начальная стадия «узнавания» (awareness) и накопления сведений друг о друге; «конфронтация» (confrontation), когда в течение нескольких десятилетий периодически происходили военные конфликты в Приамурье, в районе Нерчинска и Алабазина; период «разрешения конфликтов и установления соглашений» (settlement), оформленного в виде ряда межгосударственных договоров (Нерчинский договор 1689 г., Буриинский и Кяхтинский договоры 1727 г.) [58:151].

² «Martial Triumphism», по образному выражению Майкла Чана [51: 206] Период наивысшего территориального расцвета Цинской империи наступил после 1760-х гг., когда после разгрома Джунгарского ханства была образована провинция Синьцзян (*новые пределы* в переводе с китайского языка).

³ В данном случае *цины* – термин, обозначающий принадлежность к правящему слою Цинской империи (1644–1911), основанной маньчжурами. На службе цинского двора находились служилые слои из многих народов, включая монголов, маньчжуро-гунгусские племена, родственные маньчжурам, и китайцы. При этом китайцы восприняли установление маньчжурского господства в Китае как порабощение и считали маньчжуров «варварской» чужеземной династией. Подробнее см.: В.С. Мясников «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» [32].

например, крупное соединение, состоявшее из знаменных чахар-монголов, оказалось в Или на севере Джунгарии [10]¹, часть маньчжуров рода сибо была перемещена из Маньчжурии в Синьцзянь в составе знаменных войск [27].

Народы, не подчинившиеся цинскому режиму и оказавшие сопротивление, также жестоко наказывались, после жестоких карательных мер и репрессий их дробили на мелкие группы и ссылали в разные концы империи, чтобы они больше не представляли угрозы маньчжурскому господству. Так, например, группа ойратов – торгуты, входившие в состав Джунгарского ханства, были сосланы в Северную Маньчжурию, часть была направлена в Алашань [42]; барга-монголы после неудачной попытки перехода к российской границе подверглись жестокому наказанию, а оставшиеся в живых сосланы на службу в состав Хулунбуирского гарнизона [38]. Бунтовавшие жители Алтишара (городов-оазисов в Туркестане) после подавления восстания были сосланы на поселения в провинцию Ганьсу [27] и т.д. Активные военные действия и междоусобные распри также предопределили исход части северомонгольских и ойратских родов на сопредельные территории Алтая и Забайкалья в российское подданство.

Другой причиной насильственной миграции значительных групп населения империи были нужды, связанные с задачами экономического освоения завоеванных территорий и обеспечения провиантом крупных соединений цинских войск. Так, группа уйгуров-земледельцев (монг. таранчи) была перемещена из Южного Туркестана в Илийский край распахивать целину [27], другая группа оказалась в Хулунбуире, где они засеивали поля и строили ирригационные каналы в районе реки Халхин-гол [34]. На жительство в Синьцзянь в военные земледельческие поселения (бинтунь) были направлены десятки тысяч китайцев [53]. В XIX в. китайская колонизация (частью стихийная, частью организованная властями) распространилась на Южную Монголию, Маньчжурию, сопредельные Тибету районы провинций Сычуань, Юньнань, Ганьсу и Цинхай [54], [53] и [55].

Особое место среди перемещений по экономическим причинам занимают сезонные миграции челночного характера китайцев – торговцев, уроженцев северных провинций Китая, в прилегающие *фаньские*² земли. Цинское правительство уполномочивало представителей крупных торго-

¹ Ныне там образован Боро-Тала Монгольский автономный округ провинции Синьцзян.

² Вся земли Цинской империи подразделялись на три типа территорий: *застенный* Китай, к которым относилось 18 провинций собственно Китая; *особые* территории, включавшие в себя столичные округа и Маньчжурию; и *фаньские* земли (藩部 фань бу), к которым относились все завоеванные территории в южной и северной Монголии, Цинхай, Тибет и Синьцзян [48]. Каждый из этих типов территорий имел свою систему администрирования, законодательство и особый режим управления [46], [48].

вых домов провинций Ганьсу и Шаньси вести монопольную торговлю в сопредельных застенных землях. Так, например, торговцы из провинции Ганьсу могли отправляться торговать только по караванной дороге, шедшей в западном направлении из города Ланьчжоу в Цинхай, Синьцзян и Тибет.

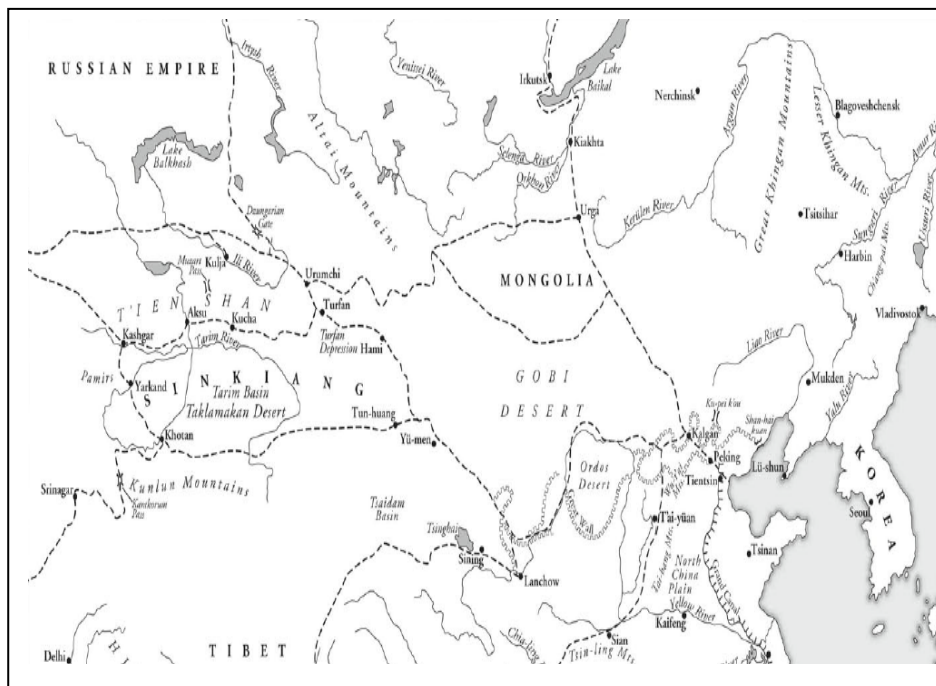

Рис. 1. Обзорная карта Внутренней Азии второй половины правления династии Цин (1800–1911 гг.) с указанием основных маршрутов караванных путей

Источник: Cambridge History of China. Ч. I, Т. X. NY: Cambridge University Press. с. 5.

Торговцы из провинции Шаньси, вернее, представители двенадцати крупнейших шаньсийских торговых кланов, вели торговлю в северном направлении – в Северной и Восточной Монголии, им разрешалось пересекать Великую китайскую стену только через проходы в Калгане¹ (монг. ‘калитка’), Шахукоу и Гуйхуачен (монг. Хух-хото) [28] (рис. 1). Эти правила, равно как и другие правила передвижения в *фаньских* территориях, носили характер императорских предписаний, поэтому нередко в монгольских кочевьях китайских торговцев называли ‘императорскими торговцами’ (皇商 хуаншан).

Особое ведомство при цинском дворе *Лифаньюань* (Палата Внешних Сношений)² было создано для того, чтобы управлять зависимыми терри-

¹ Современный город Чжанцзякоу.

² В дореволюционных переводах цинского законодательства на русский язык

ториями и народами, населявшими их, на основе специального законодательства *Лифаньюань цзэли* (Уложения Палаты Внешних Сношений) [28], [16]. Цинское законодательство в разделах, посвященных функциям цинских наместников в Северной Монголии (Урге, Кобдо и Улясутае), запрещало произвольные миграции монголов в китайские провинции, равно как и бесконтрольное проникновение китайцев в монгольские хошуны. Те, кто нарушил законодательство, подвергались наказанию по этнической принадлежности. Китайцы подвергались суду на основе судопроизводства Минской династии и этапировались в те провинции, откуда они прибыли. Для монголов были созданы хошунские суды и разработаны особые законы на основе обычного права монголов и маньчжуров «Их Цааз» [8] и «Халха Джирум» [18]. Помимо уголовных норм также было разработано военное уложение, когда монгольское население рассматривалось как боеспособное войско, приписанное к особым военно-административным единицам (*хошунам* и *сомонам*), составлявшим знамена (*ци*) [10] и [46].

Населению было предписано находиться только в границах своих кочевий, обозначенных территориально пограничными знаками *обоо* и зафиксированных на хошунных картах [43]. Хошунские власти несли охрану границ кочевий и докладывали о нарушителях ареалов кочевий как внутри хошуна, так и между хошунами. Среди архивных документов государственного архива Монголии сохранилось много докладов хошунских властей о китайских торговцах, пытавшихся торговать в хошунах без разрешения властей, в неположенных местах, с «просроченными» разрешительными документами или с товарами, не соответствовавшими заявленному списку [28]. Специальные статьи *Лифаньюань цзэли* [28] (или Уложения Палаты Внешних Сношений [16]) кодифицировали практически все конфликтные ситуации, которые могли возникнуть между китайцами и монголами, как то: убийства, грабежи, долговые обязательства, укрывательство преступников, дезертиров и прочих беглецов, и т.д. (например, статьи § 80, 102, 105, 106 и т.д. [16]). Таким образом, цинские власти постарались создать на территории Северной Монголии особый режим управления, который позволял контролировать не только внешние и внутренние миграции, но и регламентировать жизнь разных категорий людей на территории Монголии в соответствии с их этнической, сословной и профессиональной принадлежностью. Цинские власти создали специальную систему разрешительно-ограничительных паспортов (*照票чжаоцяо*, *限票сяньцяо*), разного рода командировочных свидетельств (*执票чжипяо*), охранных грамот (*保甲门牌баоцзямэнпай*,

название Лифаньюань (理藩院) было дано С. Липовцовым как «Палата Внешних Сношений» [16]; И.С. Бруннерт и В.В. Гегельстром [2] перевели как «Министерство зависимых территорий». Свои переводы названия также использованы Н. Бичуриным [3] и П.С. Поповым [10]. Переводы названия данного министерства на английский язык еще более разнообразны [58].

花名册хуаминцэ), подорожных, сопроводительных накладных об объеме и наименованиях груза и т.д., – словом, чрезвычайно детальную фискальную систему контроля над миграциями, призванную фиксировать сроки въезда в *фаньские* территории, маршрут следования, сроки пребывания и согласованный маршрут возвращения [23].

Как работали (или не работали) эти механизмы миграционного контроля, лучше всего проследить на примере торговой деятельности китайцев, которым цинские власти предписывали торговать только в городах и военных крепостях, расположенных вдоль караванных путей в Северной Монголии. В Урге, Кобдо и Улясуге были образованы особые кварталы *маймачен*¹, контролируемые зоны торговли и контактов между разноязычными подданными Цинской империи, прежде всего китайцами и монголами, обитателями степи и города, гражданским и военным сословием.

Маймачены монголо-китайской контактной зоны

Причины возникновения маймаченов заключены в том, что эти поселения возникли как особая форма диаспорного расселения китайцев в Южной и Северной Монголии. По мнению китайских историков Ци Мэйцин и Ван Даньлинь [47], компактные группы китайцев торговцев сначала появились в городах, расположенных у Великой стены, – Хух-хото (Гуйхуачен), Калган, Шахукоу, где происходил обмен китайских товаров на лошадей, живой скот, шкуры и меха, которые доставлялись из Монголии и Маньчжурии. Маймачены в Северной Монголии возникали либо при военных крепостях, как это происходило в Кобдо и Улясуге, где китайские торговцы больше играли роль интендантов – поставщиков зерна и продовольствия для нужд гарнизона, либо при крупных религиозных центрах – буддийских монастырях, таких как Урга (или Их Хурэ; иск. русс. Курен) и Долоннор в Южной Монголии, куда собирались тысячи паломников со всех монгольских кочевий.

Китайские и российские источники, представленные в основном описаниями цинских чиновников, служивших в Северной Монголии, и записками российских путешественников XIX в. ([11], [12], [14], [25] и т.д.), сообщают, что маймачены при военных крепостях Кобдо и Улясуге располагались вне стен крепости на небольшом расстоянии к южной стороне. Маймачены не были огорожены, и в соответствии с планировкой китайского города улицы были ориентированы строго по сторонам света и образовывали ряд маленьких кварталов. На пересечении главных улиц маймачена строилась китайская кумирня. Дома торговцев, как правило, двухэтажные, представляли собой одновременно и магазины, и склады, и

¹ *Маймачен* (или *маймайчен*) – слово китайского происхождения, состоящее из следующих иероглифов 買賣 (кит. *маймай* – купля, продажа, торговля) и 城 (*чен* – город, квартал), что можно перевести как «торговый квартал». Этимологии монгольского слова *наймачин* (торговец) также связывают с китайским термином *маймай* (торговля).

квартиры, где жили торговцы и их приказчики. Ввиду того, что торговцы в основном были из провинции Шаньси, то и постройки имели ярко выраженный архитектурный стиль, характерный для провинции Шаньси [47], [44], [45]. В одном из первых описаний Кобдо, составленном на маньчжурском языке цинским наместником в Кобдо маньчжуром Фушунем в начале XIX в., содержится несколько упоминаний о рынке при крепости:

«...[Крепость] Кобдо основана на 32-м году правления императора Цянлуна¹. Из четырех сторон – западная сторона длиной в 400 шагов. Если обойти кругом, то расстояние в два *газара*². С южной, западной и восточной сторон [крепости] есть ворота. У восточных и западных ворот нет рынка. Восточные ворота называются «встречающие дары», западные ворота называются «радость приумножающие», южные ворота называются «добродетель собирающие». За южными воротами на просторном месте собирается рынок, где идет торговля шелком...» [26: 17].

Далее Фушунь подробно описывает внутреннюю организацию крепости Кобдо и функциональное зонирование внутри крепости, которое в целом соответствует устройству других цинских военных крепостей в Северной Монголии:

«...Управление [крепостью Кобдо]. Ямынь *хэбэй амбаня*³ [наместника. – Н.С.] занимает внутренний квартал. Во внутреннем квартале, где ямынь амбаня, у его западных и восточных ворот есть канцелярия, где ставят печати [на документы о въезде и выезде из крепости]. Туда из Лифаньюань и военного министерства присылают по одному человеку. В южной части [крепости] расположено казначейство, там находится чиновник из Министерства финансов. В восточной части квартала построена тюрьма, в западной части квартала есть кумирня Гэсэра и кумирня Эрлик-хана. Квартал амбаня занимает северную часть внутри крепости. В южной части крепости расположили зернохранилище. За городом с юго-восточной стороны [там, где располагается рынок маймачен. – Н.С.] есть место поклонения – кумирня грома, дождя, туч, рек и скал⁴. За восточной стороной крепости – пахотные земли» [26: 18].

¹ Соответствует 1767 г.

² *Газар* (монг.) мера длины в 576 метров. Ввиду того, что в моем распоряжении был монгольский перевод маньчжурского оригинала, в тексте сохранена монгольская система измерения [26].

³ *Хэбэй-амбань* (монг.) соответствует китайскому титулу *цаньцзань дачэнь* (министр, сановник).

⁴ Здесь речь, скорее всего, идет о кумирне с даосскими божествами, в которых зачастую поклонялись духам природных стихий или божествам местности. Впрочем, Фушунь, будучи маньчжуром, мог плохо разбираться в деталях внут-

Описывая гарнизон знаменных войск в Кобдо, Фушунь перечисляет следующие этнические группы, входившие в его состав, и сроки их «прикомандирования» на службу в крепость.

«...Чиновник Военного министерства – один; чиновник из императорской канцелярии *Нэйгэ* – один¹. Он должен хранить печать, вести переписку, составлять и направлять доклады *цзоучжэ*² трону. *Дзанги*³ по монгольским делам – один, оформляет подорожные для уртонных служб на почтовых перегонах для посыльных и караванов, организует караульную службу халхасцев из монгольских аймаков⁴ на границах Кобдоского [наместничества], следит за их службой и выдает им жалованье. Один *дзанги* по пахотным делам, ведает посевом и уборкой урожая, производит выплаты жалования солдатам зерном. Один из этих *дзанги* по очереди ведет судебные дела. Маньчжурских солдат – 15, они сменяются раз в три года. Среди них четыре секретаря *битхеши*. При них служат 6 секретарей из монголов – кандидатов, ждущих назначения. У каждого *битхеши* есть по одному помощнику *бошго*, у «ожидающих назначения» – по два помощника *бошго*. Один офицер «зеленого знамени»⁵, служит телохранителем амбана и других высших *сайтов*⁶ – должностных лиц, он же разбирает дела китайских торговцев. [Знаменные] войска присылаются из Сюаньхуа⁷. Князя *тайчжи* из *ойратов* и *мингат*⁸ служат при амбане по одному году. От четырех халхаских аймаков присылают по одному представителю из князей в ранге *гунов* и *дзасаков* поочередно для службы *джаса*⁹. От Сайинной-оновского и Дзасактухановского аймака присылают по одному монгольскому *дзанги*, которые сменяются через каждые три месяца или

ренного убранства даосской (или конфуцианской) кумирни.

¹ Должности в центральных министерствах, как правило, занимали маньчжуры и китайцы. Монголы в основном служили в Лифаньюань.

² Официальная документация подавалась в сложенном гармошкой виде (*цзоучжэ*).

³ *Дзанги* (кит. *чжанцзин*) – одно из офицерских званий.

⁴ Имеется в виду переписка с ямынями сеймовых старшин 4-х аймаков Халхи, которые по очереди командировали войска в Кобдо для службы на границе и в пикетах.

⁵ Войска «зеленого знамени» состояли из китайцев, которые помимо ратных дел должны были возделывать поля вокруг крепости [55].

⁶ *Сайт* (монг.) – высокопоставленный чиновник.

⁷ Сюаньхуа – город во Внутренней Монголии, где был расквартирован гарнизон монгольских знаменных войск, состоявший в основном из тумэт-монголов [10].

⁸ Ойраты и мингаты – группы западных монголов.

⁹ *Джаса* (монг. *жасаа*) – очередь, смена, дежурство. Так называлась регулярная повинность в виде службы при канцелярии сейма или временное командирование от сейма в монгольские канцелярии при цинских наместниках в Кобдо, Улясутае и Урге.

раз в полгода. Они [*дзанги*] служат секретарями письмоводителями – *битхеши*. Из Тушэтухановского аймака, поскольку он отдален, присылают по одному *дзанги* сроком на 1 год» [26: 18-21].

Фушунь также подробно перечисляет состав гарнизонной военной школы, в которой обучались азам цинского делопроизводства на монгольском, маньчжурском и китайском языках будущие военные чиновники из числа местной родовой знати:

«...дурбэты – восемь студентов, от торгутов – два студента, от алтайских урянхайцев – четыре человека, от ойратов – двое, от мянгат и захачинов – по двое. Десять монгольских чиновников *тушемелов* обучают этих двадцать учеников» [26: 24].

Как следует из описания Фушуня, основной состав крепости Кобдо составляли знаменные войска маньчжуро-монгольского происхождения, состав которого подвергался постоянной ротации. Для них была построена кумирня Гэсэра – покровителя воинов, широко почитаемого у монгольских народов. Кумирня Эрлик-хана, владыки подземного мира и вершителя судеб умерших и погибших, также предназначалась для исполнения коллективных воинских обрядов как у монголов, последователей ламаизма, так и для знаменных из числа маньчжурских солдат – солонгов, дауров и сибо, которые были большей частью поклонниками различных шаманских культов. Китайцы, жившие за пределами крепости в его торговой части, построили свою кумирню, которую Фушунь называет кумирней «грома, дождя, туч, рек и скал».

Подводя итог сведениям, изложенным Фушунем, можно сказать, что торговля вне стен гарнизона облегчала доступ к рынку местных жителей и солдат, живших вне гарнизона на отдаленных караулах. В маймачене было достаточно места для складов с товарами, постоянных дворов для размещения торговцев, караванов и скота, пригнанного на продажу. Однако управление и организация торговли производились военно-бюрократическим аппаратом из самой крепости: чиновник Лифанюань, канцелярия, офицер «зеленого знамени», монгольские *дзанги* не только обеспечивали контроль за деятельностью китайских торговцев в Кобдо и окрестностях, но и обеспечивали охрану продвижения торговых караванов между уртонными станциями по основным трактам. Китайские торговцы нередко укрывались за стенами крепости в случае восстаний и погромов, как сообщает о таких случаях во время восстания дунган участник экспедиций Русского Географического общества М.В. Певцов, побывавший в Кобдо в 1878 г. [12: 20-21]. Таким образом, деятельность *маймаченов* в Северной Монголии следует рассматривать вкрупне с деятельностью местной цинской военной администрации, когда маньчжуро-монгольская военная бюрократия помимо контроля и регламентирования правил торговли китайцами также должна была обеспечивать безопас-

ность торговли. Зачастую местная цинская администрация выступала арбитром в торговых спорах между местным монгольским населением и приезжими китайцами. В государственном архиве Монголии хранятся указы цинских наместников в Кобдо, Улясутае и Урге с предписаниями главам монгольских хошунов и караулам о защите торговцев от разбоя, открытии новых торговых «точек» в удаленных стойбищах при ставках князей, местных монастырях и тяжбах между должниками, если с одной стороны выступали местные монголы [24: Ф.179].

Возвращаясь к описанию кобдоского *маймачена* М.В. Певцова 1878 г., стоит отметить, что с течением времени (почти через сто лет со времени описания Кобдо наместником Фушунем) присутствие китайских торговцев увеличилось до такой степени, что их постройки образовали город перед крепостью, а цитадель, в которой размещался гарнизон, стала как бы внутренней крепостью на северной стороне города:

«...В городе считается не более 60 домов из необожженного кирпича с дворами, обнесенными кирпичными же оградами. Жителей в Кобдо в 1878 г. было около 1 000 человек, в том числе 400 солдат гарнизона. Главную массу собственно обывателей города составляют китайские торговцы, почти исключительно шансийцы, проживающие в нем без семейств. Они только по временам, да и то не все, ездят на родину по делам и для свидания с родными. Затем в Кобдо проживает десятка два китайских семейств, переселившихся из Джунгарии еще в начале дунганского восстания. Они занимаются мелочной торговлей, отчасти приготовлением простой деревянной посуды для монголов, огородничеством и кузнечным ремеслом.

...Торговое значение этого города заключается главным образом в существовании в нем нескольких больших товарных складов, принадлежащих богатым китайским коммерческим компаниям. Часть товара из этих складов продается на месте приезжим монголам и мелким китайским торговцам, содержащим лавочки в городе, но главная масса его сбывается внутри страны. Компании отправляют товар в окрестности страны с приказчиками, которые развозят его по кочевьям, продают в лавках, открытых этими компаниями в монастырях, княжеских ставках и вообще бойких местах северо-западной Монголии.

...Вокруг Кобдо разбросано несколько десятков жалких юрт бедных монголов, питающихся поденной работой в городе и подачками зажиточных китайцев за различные услуги им. Часть этих бедняков находится в постоянном услужении или, лучше сказать, в кабале у китайцев» [12: 20-21].

Помимо внешних механизмов регулирования (указы центрального правительства, контроль со стороны местной администрации и т.д.) в *маймаченах* были выработаны различные внутренние механизмы самоор-

ганизации китайцев. Китайские историки сообщают, что община торговцев Китая делилась по принципу соседской и земляческой принадлежности на группы *цзя* (甲) по 10-15 человек. Как и в системе китайской круговой поруки *баоцзя*, группа *цзя* осуществляла систему круговой поруки и коллективной ответственности. Выборный глава группы – старшина *цзятоу* (甲头), был не только посредником между торговцами и военной администрацией, он также обеспечивал «контроль» за жизнью членов группы: должен был пресекать ссоры и конфликты, случаи пьянства, азартные игры и распутство [44]. Круговая порука заключалась во взаимном кредитовании, доверительном управлении капиталами, помощи в размещении транзитных торговцев на пути их следования через Кобдо (или Улясутай) и организация по доставке тела на родину в случае смерти торговца. Смерть китайца во время его пребывания в Северной Монголии была чрезвычайно обременительным и затратным происшествием. Дело в том, что цинское законодательство ограничивало китайцев в репродуктивных возможностях на территории северной Монголии, им не разрешалось привозить с собой жен, наложниц и служанок-китайнок, а также брать местных женщин (монголок) в жены [16: § 483]. Потомство, произведенное от местных наложниц, полукровки (монг. *эрлиз*), считалось незаконным, оно не имело наследственных прав и приписывалось в реестре к местному населению. Русские путешественники замечали, что в *маймаченах* не было детей и женщин, зато было много молодых, хороших собой приказчиков, что наводило на мысль о процветавшем в маймаченах мужеложестве (рис. 2). Впрочем, в императорском Китае это не считалось грехом.

Китайские торговцы один раз в год или реже навещали свои семьи, а в случае смерти на чужбине тело должно было быть доставлено домой на родину, чтобы сыновья могли произвести обряд погребения в соответствии с конфуцианскими нормами культа предков *сяо*. Поэтому тело зачастую хранили до отправления следующего каравана в Китай, и ждать приходилось в иных случаях до полугода. Если у несчастного не было денег или старшина не смог собрать денег у земляков на аренду верблюда и сопровождения тела, то его хоронили за городской чертой *маймачена* вместе с китайцами из числа слуг и бедных огородников. В путевых заметках Е. Тимковского [15], А. Позднеева, П. Ровинского [14] встречаются эпизоды, в которых они упоминают встречи в пути со «смердящим» караваном, который доставлял полуразложившееся тело усопшего на родину.

Рис. 2. В Улясутайском маймачене. Фото А.Я. Тугаринова. Зоологическая экспедиция АН СССР в Монголию 1926–1928 гг. Из фондов «ГАУК РБ Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В.А. Обручева», г. Кяхта. Публикуется впервые

Немногочисленные русские обитатели в китайских *маймаченах* стали появляться в конце XIX в., когда после подписания серии соглашений между Россией и Китаем (Пекинский договор 1860 г.) была расширена взаимная торговля в приграничной полосе и российским купцам было разрешено открывать торговые фактории в монгольских кочевьях. Как и китайские, российские купцы придерживались временного и сезонного характера пребывания в маймаченах, они также представляли собой земляческие кланы (бийские, кяхтинские) или крупные купеческие торговые предприятия (купца Морозова, Немчинова, братьев Бутиных и т.д.), способные осилить организацию подобных торговых представительств: организацию караванов, охраны, складов, привлечь торговых людей, говорящих на местных языках. Кстати, знание местного языка было большим подспорьем в ведении торговли и ведении меновой и кредитной доверительной торговли. Поэтому, как подметил Я.П. Шишмарев, российский консул в Урге, многие сибирские купцы хорошо говорили по-монгольски и, «беседуя друг с другом, они нередко переходили на монгольский язык» [22: 31]. В его отчете о 25-летней деятельности Ургинского консульства также содержатся подробные сведения о торговом обороте сибирских купцов в приграничной полосе, перечни их товаров. М. Певцов и М.И. Боголепов в «Очерках русско-монгольской торговли» подробно описывают фактории купцов Асановых в Кобдо, Киселевых и Богдановых в Улясутае и т.д. [12]

Ургинский маймачен в отличие от Кобдо и Улясутая, судя по впечатлениям китайских и российских торговых людей, отличался большим разнообразием событий и происшествий, в первую очередь, в связи с разнообразным составом обитателей монастыря и оживленной торговлей, процветавшей в Урге. По сведениям Я.П. Шишмарева, здесь вели деятельность более двухсот торговых домов: более сорока пекинских и более ста семидесяти шаньсийских [22: 83]. Здесь на пересечении основных караванных дорог с севера на юг и с востока на запад побывало большое количество путешественников, запечатлевших образ ургинского маймачена в разные периоды, включая живописные изобразительные материалы (и фотодокументы конца XIX – начала XX в. в основном в авторстве кяхтинского жителя и политического ссыльного Н.А. Чарушина). Пестроту ургинского колорита составляли разнообразные группы монастырских обитателей: монголы, тибетцы; и паломники с разных концов монгольских кочевий, включая российских бурят и калмыков, регулярно прибывавших в Ургу для поклонения богдо-гэгэну. Российские путешественники также писали о встречах с индийскими аскетами, прибывшими в Ургу с караванами из Тибета [15]. Кроме того, в Урге дислоцировался крупный контингент маньчжуро-монгольских и китайских знаменных войск, составлявших гарнизон цинского наместника.

По историческим свидетельствам, торговый квартал маймачен располагался в пяти верстах восточнее Урги, недалеко от ставки цинского наместника и военного гарнизона. В современном Уланбааторе это примерно соответствует расположению большого окраинного рынка Зах в юго-восточной части города. Самое раннее фрагментарное описание ургинского маймачена в русских источниках, пожалуй, можно найти в описании 1820 г. Е.Ф. Тимковского, пристава российской духовной миссии, направленной в Пекин к Русскому подворью [15]. Он пишет:

«...Ургинский маймачен гораздо более занимает пространства, нежели Кяхтинский, только в первом все строение деревянное и довольно ветхое. Улицы широки, но грязны; много лавочек с мелочными товарами» [15: Ч. I:111].

Однако внимание Е.Ф. Тимковского более занимала его встреча и беседа с дзаргучеем – одним из высших чиновников ямыня цинского наместника в Урге, которому было поручено управление ургинским маймаченом. В их беседе выясняется, что дзаргучей Хоай-лое в бытность свою чиновником Лифаньюань в Пекине преподавал маньчжурский язык студентам восьмой Русской духовной миссии Степану Липовцову и крещеному буряту Василию Новоселову¹ [15: Ч. I:112]. Более детальное описание ургинского маймачена содержат записи русского публициста и исто-

¹ Подробнее о нем см. статью А.Н. Хохлова [41].

рика П.А. Ровинского, посетившего Ургу в 1870-е гг., выдержки из которых приводятся ниже:

«..Ургинский маймачен ничем не отличается от кяхтинского. Также имеет он четырехугольную форму, окружен высоким палисадом, на четыре стороны ворота, внутри еще несколько ворот; на одних воротах, которые находятся на улице, идущей на полдень и ведущей к жилищу заргучея, вверху под крышей устроено нечто в роде клеток: там выставляются головы казненных преступников.

...Весь город пересечен прямыми узкими улицами и в каждом доме здесь лавка. Одни из них прямо выходят на улицу, так что с улицы вы подходите к прилавку и видите различные товары.

...Более же ценные товары, как шелковые материи, сукна, шертинги, меха, мелкие вещи из более ценного материала, – все это находится в задней комнате в сундуках и выносятся только по требованию покупателя. Другие лавки можно назвать магазинами: в них на улицу выходит стена с окнами, в которых вместо стекол бумага и такая же прозрачная дверь. Есть, наконец, лавки, которые находятся внутри двора. Через ворота вы входите во двор, вымощенный камнем; он чисто выметен; по середине нечто в роде жертвенника, столбик с каменной или с чугунной чашей, в которой наложены курительные свечи, несколько ёлок или сосенок; на вас высыплют собачонки, маленькие, косматые, так что у иной не видать ни глаз, ни морды, все они в красных ошейниках, униженных мелкими погрешками; кругом расположены – кладовые, конюшня, лавка, жилые комнаты. Лавка всегда прямо со входа, и рядом с нею, а иногда в ней самой, жильё. Дверь закрыта занавескою из стеганной на вате бумажной материи, по середине, поперек, перехваченная планочками, чтобы она сама падала вниз. В лавке вы встретите полки с товарами и сундуки, кое-что расставлено на полу; у окна конторка, и там постоянно сидит конторщик и пишет все счета кистью и тушью, перебрасывая по временам кости на счетах. Рядом, направо, жилая комната; тут у задней стены *кан* – широкие нары, которые снизу нагреваются посредством топки; по сторонам свернуты тонкие тюфяки; у самой стенки длинненькие, в роде валиков подушки; на кане же, с боков стоят сундуки темно-красного цвета, покрытые лаком, и на нем же в середине скамеечка, заменяющая стол. Стены украшены картинами на бумаге; над дверью надпись, род девиза, взятого из какого-нибудь знаменитого сочинителя; перед каном – печка с жаровней и на ней постоянно кипятится вода для чая. Вас сажают на кан и придвигают столик, и начинается угощение чаем, перепрелым, невкусным; в него кладется леденец, который не скоро тает и не размешивается, так что вы сначала сверху спиваете чай вовсе несладкий, а после остается почти один леденец, но вам опять доливают и т. д.

...Около собирается непременно толпа приказчиков, молодых парней, с красными, пухлыми щеками; разговор ведет старший, а прислуживают мальчишки. Трудно у них разобрать, кто хозяин, кто приказчик; это все больше фирмы купеческие, товарищества, в которых как хозяева участвуют и очень молодые люди; старики же как более опытные руководят делом, но без общего совета ничего не решают» [14: 288-289].

Как воочию выглядел ургинский маймачен тех времен, можно увидеть на фотографиях Н.А. Чарушина (рис. 3)¹, который был участником экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию в 1880-х гг. Однако в отличие от маймаченов других городов китайская торговля была сосредоточена и вне стен торгового квартала, прежде всего в «ламском городе», по пути ритуального шествия паломников вокруг буддийских святынь самого Их Хурэ. Я.П. Шишмарев пишет:

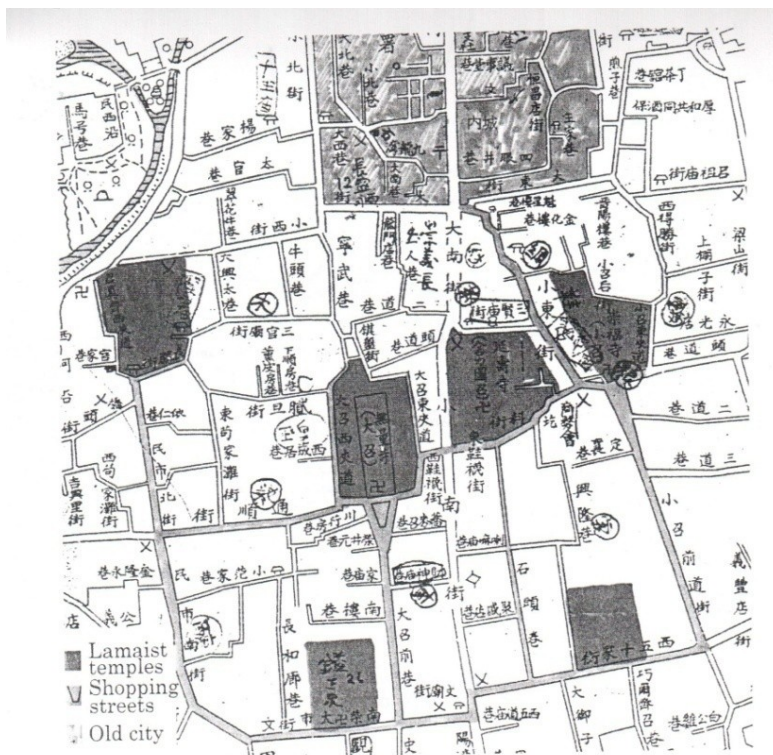

Рис. 3

«...Все пекинские лавки и сто шестнадцать шаньсийских построены в Курене, ламском городе, по западную сторону его, отделяясь от куреня большою площадью, на которой находится и базар; остальные шаньсийские лавки и почти все ремесленные заведения – в Китайском маймачене. Вся торговля производится в ламском городе. Маймачен служит лишь складочным местом для товаров» [22: 83].

¹ Из фондов «ГАУК РБ Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В.А. Обручева», г. Кяхта.

Китайский историк Бао Мупин, много лет изучающая китайские торговые диаспоры Северной и Южной Монголии, попыталась реконструировать архитектурные планы и особенности этих торговых кварталов, чтобы выявить социальное и этническое зонирование внутри разных маймаченов. Карта Урги и ее «ламской» части, воссозданная ею (рис. 4), показывает, что все основные проходы вокруг религиозных ламаистских комплексов (обозначены темным цветом на карте) были застроены китайскими лавками (светло-серый тон) [50: 220], которые как бы образовывали отдельные кварталы между монастырскими комплексами. Также она отмечает, что одной из архитектурных особенностей маймаченов помимо преобладания шаньсийского архитектурного стиля было то, что входные ворота в подворья китайских купцов были необычайно высоки, так как были рассчитаны на рост взрослого верблюда до верху груженного объемными тюками. Другой особенностью маймаченов, по ее наблюдению, была близость к источнику воды, чтобы обитатели маймачена могли сажать огород и выращивать овощи. Среди китайских торговцев существовала специализация на товары и услуги, и какая-то часть из них (не особо богатых) держала харчевни, поставляла овощи и другие продукты.

Жизнь ургинского маймачена в отличие от других в Монголии регламентировалась не только законами цинской администрации, но и закона-

ми, установленными монгольским богдо-гэгэном, «живым богом», и требованиями содержания святого места в особой духовной чистоте. Так, например, богдо-гэгэн запретил китайцам строить маймачен не ближе чем 10 *ли*¹ от монастырских построек и производить казни как меру, лишавшую жизни живых существ. Но цинские власти нашли выход и велели совершать казни провинившихся ночью, когда предположительно никто этого не видит, и определили специальное место за воротами маймачена на северном склоне горы Шар-хада, откуда не была видна священная гора Хан-ула, дух которой считался покровителем Урги и монастыря [17: 845]. Согласно местному поверью, дух священной горы мог разгневаться, увидев убийство, и наслать бедствия на Ургу и ее обитателей.

Бао Мупин также выделяет среди групп китайских торговцев группы китайских мусульман – хуэйцху (или回民 *хуэймин*) из провинций Синьцзян, Ганьсу и Цинхай, которые специализировались на доставке ревеня (大黃 *дайхуан*) из предгорий Тибета и Кукунора в Китай и далее до российской границы в Кяхте. В большом массиве цинских документов встречаются документы с особыми именами торговцев, когда перед фамилией ставятся иероглифы 穆 (*му*) или回民 (*хуэймин*), что обозначает сокращенно «мусульманин». Например, в 1822 г. торговец по имени 穆万春 (мусульманин Вань Чун), получивший от ургинского амбана лицензию на торговлю в Кяхте, написал отчет об обмене крупной партии ревеня на русские товары, которые намеревался, в свою очередь, продать в Ургинском маймачене [23: 102]. В документах на русском языке торговцы – мусульмане зачастую назывались «бухарцами», так как часть из них была из туркестанских городов – оазисов. Так, например, Е. Тимковский описывает встречу в Урге с бухарским караваном, груженным чаем на 140 верблюдах, которые за 40 дней добирался из Урги в Улясутай, расстояние, приблизительно соизмеримое с расстоянием между Калганом и Кяхтой [15: Ч. I: 138].

Ургинский маймачен, как не раз отмечали российские путешественники, напоминал им устройство кяхтинского маймачена. Однако описание внешнего вида маймаченов Кобдо, Улясутая и Урги свидетельствует о типологическом сходстве маймаченов Северной Монголии. Важным представляется и то, что в составе местной военной администрации под началом цинского наместника непременно был офицерский чин (*даргучей*), отвечавший за организацию торговой жизни в маймаченах. Вместе с тем маймачены обладали разными типами внутренней самоорганизации групп мигрантов (цеховой, земляческой, военной, религиозной и т.д.) с жестким взаимоконтролем в виде круговой поруки и различными ограничениями (запрет на укоренение через лишение репродуктивных возможностей, возвращение тела на родину в случае смерти и т.д.), которая позволяла маймаченам существовать как особым торгово-ремесленным профессиональным анклавам в форме этнической диаспорной самоорга-

¹ *Ли* – мера длины, равная 576 м.

низации. Тем не менее местные реалии не могли не влиять на функционирование маймаченов, тем более что вышеописанные маймачены возникли в монголо-китайской контактной зоне и были ориентированы прежде всего на сосуществование и торговлю с монгольским населением, будь то военные (знаменные или хошунные войска), верующие или простой люд. Однако особенность Кяхтинского маймачена состояла в том, что на границе с Россией взаимодействие происходило не сколько с местным монгольским населением, а с такими же торговыми представителями – ‘братьями по цеху’, под надзором и охраной такого же военного чина имперской колониальной администрации, как кяхтинский градоначальник.

Маймачен и Кяхта в российско-цинской контактной зоне

Кяхтинский маймачен и Кяхта образовали фактически первый торговый анклав на российско-китайской границе в XVIII в., который с момента основания обоих пунктов функционировал как парный приграничный торговый город. История становления торгового городка Маймачен, впрочем как и Кяхты, напрямую связана с историей становления российско-китайских отношений и развитием торговли между Российской и Цинской империями (1644–1911). Оба города были основаны буквально на «пустом месте» по воле имперских властей по нуждам политического характера, для того чтобы регулировать торговый оборот между двумя странами и пресекать нелегальную торговлю на границе. Поэтому население Кяхты и Кяхтинского маймачена представляло собой переселенческие сообщества, сформированные из различных мигрантских групп, направленных сюда по делам государственной и военной службы.

Что касается этнического и социального состава Кяхтинского маймачена, то он в целом повторял картину, описанную выше на примере других маймаченов Северной Монголии с той лишь разницей, что в Кяхтинском маймачене больше, чем в других китайских торговых анклавах, были представлены «бухарские купцы», поставлявшие ремень в Кяхту. Дело в том, что прежде практиковавшиеся частные поездки туркестанских купцов в Тобольск, Томск и Тюмень стали более невозможны. Государственная монополия, введенная в 1731 г. на торговлю ремнем, запрещала частную торговлю вплоть до смертной казни, и российские власти определили Кяхту единственным пунктом закупки ремня, который, в свою очередь, почти весь перепродавался в Голландию, Германию и Англию, где ремень чрезвычайно дорого ценился в XVIII в. из-за своих целебных свойств [19]. Среди бухарских купцов образовались своего рода постоянные поставщики, у которых по велению российского Сената покупались огромные партии ремня. В фондах ГАРБ сохранились тексты договоров российской стороны с бухарцами на поставку ремня [4: док. 748 от 1854 г.]. Известен указ сената 1740 г. о ремне, гласящий: «...бухарцу Мурану, чтобы он впредь негодного ремню в Россию не вывозил, ибо оной от него принят не будет» [9: 23]. Так, медик П. Реман, сопровождавший посольство Головкина в Китай, также писал о множестве бухарских купцов, заполняв-

ших маймачен и Кяхтинскую таможеню, когда они прибывали в осенний период с караванами в 30-50 верблюдов, груженными сушеным ревенем. Дальнейшее разграничение российско-китайской границы в Средней Азии по Пекинскому договору 1860 г. привело к тому, что под так называемыми «бухарскими купцами» стали подразумевать среднеазиатских подданных как Цинской империи, так и Российской империи, которые вели торговлю между собой либо напрямую в Чугучаке и транзитную торговлю через Кяхту. Так, например, в ГАРБ, в фондах Кяхтинской таможни сохранился ряд документов, разрешающих чугучагским купцам Амидасину Илтхидольсину и Галею Ахмедьевичу Кусаинову (российскому подданному. – *Н.С.*) беспошлинную перевозку байховых и кирпичных чаев из Монголии через Кяхту и пограничный пункт Бахти в Чугучак¹.

К 70-м гг. XVIII в. в Кяхтинском маймачене насчитывалось около 400 жителей, которых трудно назвать постоянными обитателями. Все они прибыли сюда на разный срок в зависимости от своих профессиональных задач. Так, представители военной администрации: маймаченский дзаргучей (монгол или маньчжур по национальности) и штат его чиновников должны были сменяться через каждые 4-5 лет. Военный гарнизон также подвергался постоянной ротации, из состава халхаских монгольских хошунных войск поочередно направлялись группы военных, прикомандированных на службу сюда от полугода до года [16: 210]. Во второй половине XVIII в., когда Кяхтинский маймачен был все еще единственным пунктом внешней торговли Китая с Россией и европейскими странами, на долю данного маймачена проходило около 70% всего экспорта Цинской империи. Весь этот груз доставлялся через Северную Монголию на верблюдах и воловьих повозках, которые предоставляли китайским купцам, и их сопровождали монголы, специализировавшиеся на транспортировке грузов от стен Великой китайской стены в различные маймачены по всей Северной Монголии. Как заметил Е. Тимковский, это приносило огромную прибыль монголам – владельцам верблюдов, лошадей и волов [15]. Люди, сопровождавшие караваны (погонщики, охрана и приказчики), постоянно курсировали между пунктами назначения и могли задерживаться в одном месте лишь на короткий срок в зависимости от времени года, стараясь избегать жары, крепкого мороза, весенней и осенней распутицы, чтобы в пути было достаточно травы и воды для вьючных животных. Таким образом, Кяхтинский маймачен, впрочем, как и другие маймачены, в течение года переживал сезонный наплыв временных обитателей, которые совершив торговые операции, вновь отправлялись назад за товаром. Здесь, на более долгий срок оставались лишь представители крупных торговых домов и их приказчики, которые сторожили свой товар на складе и, в свою очередь, скупали товар, доставляемый с рос-

¹ ГАРБ. Ф. 102. Док. № 409.49 от 1907 г.

сийской стороны. Примечательно, что китайские торговцы, получившие лицензию на право торговать и находиться в Кяхтинском маймачене, должны были сдать экзамен на знание азов русского языка, для чего они проходили специальные курсы торгового русского языка в течение полугода в Урге. Этот исковерканный язык, на котором разговаривали китайские торговцы в Кяхтинском маймачене, вошел в историю мировых пиджинов как «кяхтинский пиджин» (или маймаченское наречие) и представлял собой набор по большей части русских и некоторых монгольских слов в структуре китайского предложения [36] и [37].

Краеведческая литература по истории Кяхты изобилует примерами из разговоров на кяхтинском пиджине, приведем лишь несколько из записей С. Черепанова, который служил в Кяхте. Так, сочетание «рука-сапоги» в кяхтинском пиджине происходило от прямого перевода с китайского языка слова (手套 – *шоутао* букв. «руки-обертка»), имело значение «варежки», «перчатки». Сочетание «ума-кончайла» означало «сойти с ума», где окончание «ла» означает глагольное окончание завершения действия (了) в китайском языке и т.д. [21]. Интересны примеры смешения русских и монгольских слов в кяхтинском пиджине, когда многие монгольские слова были в обиходе не только китайских, но и русских купцов. Такие слова, как «архидачить» (пьянствовать, от монг. *архи* – спиртное), «адали» (монг. точно, подобно), «шанга» (монг. сильно, добротное), «бичи» (писать, от монг. *бичиг* – письмо), были перечислены Г. Осокиным в конце XIX в. в словаре местных забайкальских слов [11]. Поэтому выражение на кяхтинском пиджине «за моя бичи буду» означало «за меня запиши» или «за моя бичи-было» означало «сделал запись за меня», а монгольское «адали» нередко использовалось в сравнительных конструкциях. Как записал С. Черепанов, выражение «*На тебе посмотри адали леденец кушаху еса*» означало: «смотреть на тебя, все равно что леденец есть» и т.д. [21]. И. Попов записал следующий торговый спор на кяхтинском пиджине:

«...Разговоры кяхтинских и маймаченских купцов начинался вопросами о здоровье:

- Како поживу приятель? Хорошаньки? Како Клавдии? Верушки?

Затем китаец расскажет какую-нибудь историю или посплетничает. Затем перейдут к делам, и разговор принимает характер спора:

- Тиби скупы еси!

- А тиби еси хочи шибко дорожаньки!

- Тиби уступай буду ! Тиби приятель сердечна.

- Не хычу, не надо! Ходи прочь! Какой тиби еси приятель. Рази можно таки дорожаньки!

- А тиби какой цена постави еси?

- Моя ярава. Слова сказал и болеше не хычу.

- И моя ярава. Хычи тиби слова конча.

- Ну и моя хычи конча.
Ударяют по рукам. Дело сделано» [13: 40].

Как видно из этого диалога, кяхтинские купцы сами начинали разговаривать, коверкая слова на китайский манер, и, как бы ни возмущались они «варварскому» искажению русского языка китайцами, сами носители русского языка были не в состоянии выучить китайский язык и вести на нем торг. Таким образом, разноязычное мигрантское сообщество кяхтинского маймачена, которое внутри сообщества использовало несколько языков в зависимости от этнической принадлежности (китайский, монгольский, маньчжурский и уйгурский), также выработало специальный универсальный язык для внешнего общения и контактов с российскими купцами в виде маймаченского наречия. Стоит особо подчеркнуть, что кяхтинский пиджин помимо китайских и русских слов также использовал и монгольские слова, ввиду того, что формирование маймаченского наречия происходило в монголо-китайско-русской контактной зоне. Современные исследователи исторического кяхтинского пиджина (напр. Е. Перехвальская и Е. Оглезнева) в своих работах упустили этот момент, скорее всего из-за неспособности выделить слова монгольского происхождения в составе маймаченского пиджина и незнания монгольского языка.

В качестве предварительного вывода можно заключить, что маймачены Северной Монголии, которые мы рассмотрели на примере маймаченов в Кобдо, Улясутае, Урге и Кяхтинского маймачена, представляли собой сложные мигрантские сообщества, состоявшие из многих этнических, религиозных, профессиональных и сословных групп. Их формирование и функционирование происходили в рамках жесткого контроля над миграционными процессами в монгольских землях со стороны цинских властей, которые выработали особый бюрократический механизм управления каждой из этих мигрантских групп. Дзаргучеи – военные чиновники в составе местной цинской администрации, на которых было возложено как управление внутренней жизнью маймаченов, так и внешние торговые связи, как это было в Кяхтинском маймачене, должны были корректировать правила функционирования маймаченов в зависимости от конкретных условий контактной зоны и обычаев народов, населявших ее, с которыми цинская администрация не могла не считаться. Таким образом, образование и деятельность маймаченей можно считать результатом миграционной политики цинских властей в Северной Монголии и их экономических и политических интересов в регионе.

Литература

Источники

1. Барташев А.В. Памяти Козих // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Императорского русского географического общества. – Т. XV, вып. 3. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – С. 7-10.
2. Бруннерт И.С., Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. – Пекин, 1910.

3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Китай в гражданском и нравственном состоянии. – М.: Восточный Дом, 2002.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 92.
5. ГАРБ. Ф. 102.
6. ГАРБ. Ф. 472.
7. Добромислов О.А. ‘Обоюд’ или ‘Нарин’, ‘Цайлохо’ или ‘Гулянка’ // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Императорского русского географического общества. – Т. XV, вып. 3. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – С. 69-78.
8. Их цааз: памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова. – М.: Наука, 1981. URL.: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/
9. Барон Корф, Модест. Жизнь графа Сперанского. – Т. I и II. – СПб.: Императорская публичная библиотека, 1861.
10. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. с кит. П.С. Попова. – СПб., 1895.
11. Осокин Г.М. На границе Монголии. – СПб., 1906.
12. Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. – Омск, 1883.
13. Попов И.И. Минувшее и пережитое. – Л., 1924. – Ч. 1.
14. Ровинский П.А. Мои странствия по Монголии IV // Вестник Европы. – №7. – 1874. – М.: Университетская типография, 1874.
URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rovinskij_P_A/text2.phtml?id=8087
15. Тимковский Е. Путешествие в Китай. Ч. I-IV. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. I. – СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1821.
16. Уложение китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньч. С.В. Липовцова. – М.: Типография Департамента народного просвещения, 1828. – Т. I-II.
17. Фон Фохт Н.А. Китайская казнь // Исторический вестник. – № 6. – 1898.
URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1860-1880/von_Vogt/text.htm
18. Халха-Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. / пер. Ц.Ж. Жамцарано; введ., прим. С.Д. Дылыкова. – М., 1965.
19. Черепанов С. Кяхта и Маймачен // Байкал 1 (2011). – Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2011. – С. 158-175.
20. Черепанов С. Путелетатель и его письма, переведенныя нижеподписавшимся. Вып. 1. Обозрение России с птичьего полета. – Казань: Типография К.А. Тилли на Черно-Озерской улице, 1868.
21. Черепанов С.Н. Кяхтинское китайское наречие русского языка // Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности. – Т.2. – 1853.
22. Шишмарев Я.П. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства / под ред. Н. Единарховой // Русский консул в Монголии. – Иркутск: Отгиск, 2001.

На восточных языках

23. Люй Мэн шан дан' ань цзицуй. Хух-хот: Нэймэнгу дасюэ чу баньшэ. 2010. На китайском языке [Сборник архивных документов о караванной торговле в Монголии].
24. Монгол Улсын Үндэсний Төв Архивын сан хөмрөг дэх «Цайны зам»-ын түүхэнд холбогдох баримтын жагсаалт. На монгольском языке [Список материалов и документов по истории «Чайного пути», хранящихся в Монгольском национальном центральном архиве] Документ б.м.б.г., из фонда Монгольского национального центрального архива, г. Улаанбаатар, Монголия.
25. Чжан Бофэн (сост.). Циндай ге ди цзянцзюнь, дутун, дачэнь дэн няньбяо (1796–1911) Пекин, 1965. На китайском языке [Списки цинских наместников в ранге цзянцзюней, дутунов и дачэней (1796–1911)].
26. Фушунь. Ховдын засгийн хэргийн бугд цэс / Ойрад монголын туухэнд холбогдох сурвалж бичгууд . Улаанбаатар, 2001. [Полное описание дел кобдоского дзасака].
27. Циндай цзоучжэ хуэйбянь – нун'е; хуанцин // Чжунго ди'и лиши дан'аньгуань. Пекин, 2005. На китайском языке [Доклады трону. Сборник рапортов о земледелии и окружающей среде].
28. Циньдин Лифаньюань цзыляо цзили / под ред. Люй Ижан, Ма Дачжен, Ян Цзяньсинь. – Пекин: Центр изучения географии и истории приграничных земель КНР, 1988. На китайском языке [Высочайше утвержденное Уложение Лифаньюань и редакции Уложения периода правлений под девизами Канси, Цянлунь, Юнчжен и Цзяцин (вторая пол. XVII – первая пол. XX в.).]

Дополнительная литература

29. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). – Барнаул: АЗБУКА, 2013.
30. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). – М., 1980.
31. Границы Китая: история формирования / под ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. – М., 2001.
32. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – М., 1980.
33. Намсараева С.Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003.
34. Намсараева С.Б. Дилеммы цинской миграционной политики в приграничном Хулун-Буири на примере участи мусульман-таранчи // Гуманитарный вектор. – № 2 (30). – Чита: Забайкальский государственный университет, 2012. – С. 155-164.
35. Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. – М.: Восточная литература, 2005.
36. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания // Благовещенск: Амурский государственный университет, 2007.
37. Перехвальская Е.В. Русские пиджины. – СПб.: Алейтея, 2008.
38. Самбуева С. Некоторые вопросы этнической истории баргутов // Монголоведные исследования. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – Вып. V. – С. 107-119.

39. Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е гг. XVIII в. – 50-е гг. XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. – М., 1982.
40. Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – начала XIX в. Экономика и социально-культурные процессы. – Новосибирск, 1989.
41. Хохлов А.Н. Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань цзэ-ли» // История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – С. 70-72.
42. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII. – М.: Наука, 1990.

На восточных языках:

43. Алтанзаяя Л. XVII-XX зууны эхэн үеийн халх монголын хошууны нутгийн зургийн тухайд // Ephemeris historiae academiae doctrinae mongoli. Tomus III. Улаанбаатар, 2001. На монгольском языке [О картах хошунов Халха Монголии в XVII–XX вв.]
44. Гао Юй. Шаньси шанжэнь юй Цякэту мао'и // Шицзе болань, 2008 (14 ци). – С. 54-59. На китайском языке. [Шаньсийские торговцы в кяхтинской торговле].
45. Е. Байчуань. 17-18 шицзи Цинчао Лифаньюань дуй Чжун'Э мао'идэ цзяньду юй гуньли // Цинци яньцзю. 2012 (1). – С. 47-57. На китайском языке. [Надзор и управление российско-китайской торговлей со стороны Лифаньюань в XVII–XVIII вв.]
46. Нацагдорж Ш. Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх. 1611–1911 Улаанбаатар, 1963. На монгольском языке [История Халхи в период маньчжурского господства].
47. Ци Мэйцинь и Ван Даньлинь. Циндай Мэнгу дицюдэ маймайчен цзи ци шан'е тэдянь янюцзю // Минцзу яньцзю. – 2008. – № 2. – С. 63-74. На китайском языке [Исследование маймаченов Монголии и особенностей торговли в них].
48. Чжан Юнцзян. Циндай фаньбу яньцзю: и чженьчжи бяньцянь вэй чжун син. Хаэрбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 2001. На китайском языке. [Исследование фаньских земель Цинской династии: изменения в модели управления].
49. Чжао Юньтянь. Циндай Мэнгу чжэнцзю чжиду. Пекин, 1989. [Политическая и религиозная система управления Монголией в период правления династии Цин].

На английском языке

50. Bao, Muping. Trade Centers (Maimacheng) in Mongolia, and their Function in Sino-Russian Trade Network // International Journal of Asian Studies. Vol. 3. P. 2(July) 2006. P. 211-237.
51. Chan, Michael G. A. Court on Horseback: Imperial Touring and the Construction of Qing Rule, 1680-1785. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center/Harvard University Press, 2007.
52. Crossley, Pamela Kyle. The Manchus //Volume 14 of Peoples of Asia (3 ed.). Wiley-Blackwell, 2002.
53. Hansen, Mette Halskov. Frontier people: Han Settlers in Minority Areas of China. C.Hurst&Co (Publishers) Ltd. 2005.

54. Lattimore, Owen. The Mongols of Manchuria. NY: Howard Fertig, 1969.
55. Perdue, Peter C. China Marches West: The Qing conquest of Central Eurasia. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University, 2005.
56. Pratt, Mary Louise. Imperial Eyes: Travel writing and Transculturation. Routledge. 2000.
57. Reardon-Anderson, James. Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty// Environmental History, Vol. 5. 2000 (4). Oct. P. 503-530.
58. Spence, Jonathan D. The K'ang-his Reign / the Cambridge history of China. Vol. 9. Ed. by Willard J. Peterson. Cambridge: University press, 2002. P.120-182.

Намсараева Саяна Баировна (Sayana Namsaraeva), научный сотрудник Исследовательского центра Mongolia & Inner Asia Studies Unit (MIASU, Cambridge University); докторант ИМБТ СО РАН. Почтовый адрес: MIASU The Mond Building, Free School Lane, Cambridge CB2 2RF UK. E-mail: namsaraeva@gmail.com или sn444@cam.ac.uk

Namsaraeva Sayna – researcher in Center of Mongolia & Inner Asia Studies Unit (MIASU, Cambridge University)

УДК 94 (571.5)

© S.V. Vasilieva

The role of Old Believers in reclamation of Baikal Asia

The article is devoted to religious and ethnocultural diversity of proto-Imperial practice towards religious ethnical groups on Russian borders. Special attention is given to inland long distance migration streams of Old Believers in Baikal Asia as well as phenomenon of specific capability for adaptation and resilience of Old Believers.

Key words – confession, Old Belief, Baikal Asia, migration streams, compact areal, adaptation issue, inner-confessional well being.

© С.В. Васильева

Роль старообрядцев в освоении Байкальской Азии

Статья посвящена религиозному и этнокультурному разнообразию протоимперских практик в отношении религиозных этнических групп на русской границе. Особое внимание уделяется внутренним большим дистанциям миграционных потоков старообрядцев в Байкальскую Азию, а также феномену специфических возможностей для адаптации и устойчивости старообрядцев.

Ключевые слова: конфессия, старообрядчество, Байкальская Азия, миграционные потоки, компактный ареал, проблемы адаптации, внутриконфессиональное благополучие.

Russia has always been and still stays multiconfessional country. Its people have belonged and still belong to different trends of numerous religions –

Christianity (in the form of old Orthodoxy – Old Believers, Orthodoxy and Catholicism), Islam, Buddhism, Judaism and many others. Religious life of the country has never been easy and monosemantic.

From the second half of XVIII century population movement towards imperial borders (spontaneous and regulated by the state) is starting to be viewed in government and society as an expedient tool for political construction of the Empire.

Despite the settlement process of Old Believers in Siberia and Far East being based on free-will, penetration to the region of Baikal Asia was mostly done by exiled Old Believers. At the place where they were exiled they build up solid informal community which later became a core for traditional institutions of self-government. This fact made them to be pioneer frontiers and made them involved in diverse processes of reclamation of Baikal Asia.

During last years some changes have happened in the culture of Baikal region, as well as reconsideration of values of different cultures and religions, which vary according to the ethnic watershed: while Cossacks are oriented towards the cathedral Orthodoxy, towards the cultural historic achievements of their social class; Buryats are oriented towards cultural values of the Orient, Mongolian speaking world and Buddhism; Old Believers of Baikal Area – towards the cultural achievements of Russia. Such situation has existed for many centuries, but till nowadays it has existed mostly in the depth of national spirituality, pressed by the large – scaled experiment of creating new social culture. Such situation, being the reflection of geopolitical interests, can not fail to draw our attention to it.

Nowadays changes in attitude to cultural and historic confessional groups, that came to Baikal Area are very important. The history of their formation in Baikal Area is quite complicated and has a lot of peculiarities.

Old Believers of Baikal Area are considered to be a specific branch of Russian people. Because of the refusal to accept new rules and different innovations in Russian Orthodox Church in the 18th century the ancestors of Old Believers had to run to the remote parts of the country and abroad in order to escape from pursuit.

While living in Zabaikalye, Old Believers got the name «Semeyskie». This specific ethnonim (ethnic term) is connected with the fact, that Old Believers settled by big families. For Old Believers of Gorniy Altai the ethnonim was «kamenshiki», «polyaki», «kerzhaki». For Old Believers of Romania and Moldavia – «lipovane»; for Old Believers of South Ural – «kulguri», «harbinci» for Old Believers of the USA, «nekrasovci» for Old Believers of Turkey and so on. In the official documents of Russian Empire Old Believers were given the name «raskolniki» [1], or «splitters», and it was an offensive term.

The Culture of Old Believers (Semeyskie) in the period of adaptation had mostly traditional character, and its development had two tendencies: the essence of the first one was the self-preservation of conservative traditions of Russia in the 13th-17th centuries, that corresponded with the savings of cultural tradition. The essence of the second tendency – interdependence and influences of different social environments, various ethnic groups,

which were difficult to escape; thus, the result was – the innovations and changes in the culture.

The process of the formation of Old Believers in Zabaikalye was gradual. The researchers pick out [2] some stages in the development of this formation, which are characterized by meaningful changes that happened in life of Old Believers in different periods of time.

1. The first period starts from the beginning of schism in Russia in the 17th century till the formation of spiritual centers in Vetka (from where Old Believers of Zabaikalye were evicted).

2. The second grade is connected with the foundation of cultural and religious centers of Old Believers in Vetka (Today it is Gomelskaya Oblast in the republic of Belorussia). The culture of Old Believers had mostly been traditional, but in spite of quite a big degree of traditionalism, that could not fail to have some innovations still.

3. The third period of the formation of Old Believers' culture ran already in the Area of Zabaikalye, since their removal to this area till the second half of the 18th century. This period had a range of peculiarities: remoteness from the maternal ethnic group, uneven destiny of population, local migration process.

4. The fourth grade is considered to be the blossoming of the culture of Old Believers. In the second half of the 19th century there was a decrease of attitude to Old Believers from the Government. It was marked by the increase in the number of cultural buildings; by the growth of Old Believers population; by the economical welfare, which was accompanied not only by the delivery of goods to the market of Zabaikalye, but also to its boundaries; the development of folk creative work was characterized by the presence of various styles in the technique of wood engraving, house – painting, jeweler's art of Old Believers; folk tradition blossomed and enriched.

5. New period in the history of Old Believers began after the Great October Revolution, when the life of Old Believers changed a lot, because the Government began to influence all the confessions and ethnic groups in Russia. The main peculiarities of that period were: the disintegration of religious unions, leaving the Churches and temples for simple peasant's houses, «secret» Old Believers Unity, total removal of the population from Religion.

6. The next period can be connected with the beginning of the renaissance of Old Believers culture (the end of the 20th century). It was characterized by the process of the formation of the religious Old Believers unities. In Buryatia about 18 Old Believers Unions can be found (The Tarbagataiskiy Center of Family Culture, the Republican Center of Old Believers Culture Studies, the Union of Old Believers); religious communities (in the villages Hasutra, Bichura, Kuytun, in Ulan-Ude – Verchneudinskaya community, Old Believers Center). The first arrival of Old Believers of Zabaikalye in 1993 is considered to be the most important event in the first grade of the organized Old Believers movement, a specific moment in the confessional history in the contemporary conditions, the result of changes in the ideological worldview of Old Believers. At the first Meeting of Old Believers the official documents were adopted – the

Charter of Old Believers Community of Zabaikalye and the program of culture – developing activities during 1993–1996.

The beginning of the new century is connected with important events in the studies of history, culture and language of Old Believers of Zabaikalye. In October 2000 in Ulan-Ude Scientific Conference, devoted to the problems of history, culture and language of Old Believers of Zabaikalye, was held. June of 2001 is famous for the fact, that the capital of Buryatia became the place of holding the Russian Scientific Conference, concerning the problems of Old Believers of Siberia and Far East. In May 2007 in Ulan-Ude the International forum was held: Avvakum's Way, where not only the scientists, but also the representatives of Old Believers from all over the world met: from Canada, Poland, the Ukraine, Estonia, China, Japan and Latvia.

In comparison with the settlement process of Old Believers in Russia, Western Siberia and Far East, where it was voluntarily, in Zabaikalye they penetrated to the region either as exiles or as colonists. The essential meaning had the exile. This fact made the Government conduct very careful politics in terms of native population of the area, including the Religion matter.

From Verchoturye a lot of horse-drawn vehicles, carts and sledges, transporting the necessary house-hold implements, ran to unknown Siberia through the old Moscow highway. It was the way to Zabaikalye, where the runaway Old Believers from central Russia were sent.

The first period of the removal of Old Believers belongs to 1735, though more numerous settlements during that time to the territory of Zabaikalye had not been observed. The most numerous removal was in 1746, when 14 parties from 23 of Old Believers settled in Zabaikalye.

According to Bolonev's research we may define the number of the settlers, which was determined with the help of the facts, concerning the quantity of the food-stuff, given to Old Believers and their convoy, and also, concerning the route of Old Believers (Bug, Vinnica, Gorohov, Boh, Berdyaev, Starodubi, Vetka, Kaluga, Kazan, Tobolsk, Baraba, Altai, Zabaikalye). Old Believers from Poland were sent to Kaluga, then- through waterways by the Oka and the Volga to Kazan. There the parties of Old Believers were divided. One part (8 parties) was sent to Ekaterinburg, the other one (14 parties) was sent to Tobolsk, Verchorutye, after that Old Believers were sent to Altai and Zabaikalye.

During 60s–70s of the 18th century in Zabaikalye a lot of big peasant's villages appeared, situated in the drainage-basin of the river Selenga. Mostly Old Believers were settled at native old residents'.

So, by the end of the 18th century the process of sanctioned removal had obtained systematic and mass character. Being unevenly distributed on the territory of the area, the member of the settlers had been increasing constantly because of the migration processes and the natural growth of the population. As a result of the removal of Old Believers in the 18th century in Zabaikalye, the territory center of Old Believers was founded. So, about 5000 settlers of Old Believers had found place to live there, and in the 18th–19th centuries, because of the overpopulation of the villages along the rivers, local migration process

began, connected with religious ideology of different followers, lack of land and also with the growth of Old Believers family clans.

Since the middle of the 19th century the «distant» migrations had begun, when the Old Believers of Zabaikalye moved to the North Siberia and Far East. The removal to Ayanski Highway, which was not properly organized by the Government and severe climate conditions destroyed the plan to settle in Yakutia. So, some of them returned back to Zabaikalye, some – went to Far East. And it helped to integrate Zabaikalye to the political, economical and cultural sphere of the Far East of Russia.

The absence of the united religious center, united spiritual power among the defenders of Old Believers held to their splitting into different trends and directions. The general scientific classification distinguishes two main branches: those, who admit the necessity of clergy (Popovshina) and those, who deny its necessity (Bespopovshina). Also, both of these branches, especially Bespopovshina, are divided into small groups and unities.

The specific character of the religious life of Old Believers in Zabaikalye consisted of the diversity of different laws and agreements inside the main branches, that was a reflection of the organized search for the truth in the philosophical- religious understanding, change in ideological orientations, the main point of the confessional group, which is far from spiritual religious centers. It is necessary to stress that the ideology of Old Believers and their world outlook was formed deliberately. The only spiritual mentors of Old Believers in Zabaikalye were the priests, remoted from the official Orthodoxy, runaway priests and regulators. In the period of living in Zabaikalye the mass event for Old Believers was the denial of confession and communion in orthodox churches because of their religious beliefs. They did not cross their children in orthodox temples, but brought them up in the way of their old beliefs, for what they had been warned by the official church and the Regime.

The main peculiarities of the formation and the development of Old Believers in Zabaikalye consisted in the fact that the basis of their ideology was the religious ethics, which determined their attitude to the household activity, the surrounding population, and also to the state institutes.

Till the 20th century the main role in the Government in the working out of main principles of influencing Old Believers had the Ministry of Internal Affairs and the control after the region was carried out by the Secret Committee of Split [3].

The missionary activity of the Orthodox Church among the Old Believers of Zabaikalye [4] did not have many results, because for a long time the official church considered Old Believers to be heretics, deserving only punishment.

Old Believers, in their turn, resisted proclaiming of the united belief, showed their protest against oppressions, arrests of the priests, chapel's upsealing and illegally supported the rules of their old beliefs.

Russian laws were spread in Zabaikalye as well; they were common for the whole country. But the number of secret resolutions proves the fact that the

Government took into consideration some moments of the activity of Old Believers. It was connected with the fact, that Zabaikalye, being the most important region in communication of Russian State with Far East, Mongolia and China, played a great role in firm establishment of Russia in the East, concerning the foreign politics and internal matters of the Empire. The importance of the foundation of the new constant Russian population in the area and the importance of economic mastering of Zabaikalye by this population were taken into consideration. Old Believers were admitted as the most necessary branch of the settlers: they got used to any conditions, developed all the spheres of economics quite fast, and almost did not assimilate. That is why in the region of Zabaikalye the laws, limiting the position of Old Believers, were not always put into practice, or were not very strict.

The Government was much concerned about the spread of Orthodoxy. Russian Orthodox Church relied on the help of the Soviet Power. But in case, when the interests of the church ran counter to the research of this region, the government stayed for the latter. As a rule, the governmental politics in the sphere of religion was conducted according to the practical need of the region.

Considering Old Believers of Zabaikalye as local settlers [5], one can agree with the fact «...that for them such processes, as consolidation, interethnic integration, and then assimilation were natural. But the degree of their manifestation differed from time to time. During the first period of their removal and settlement consolidation had a great dominance, later, interethnic integration was observed. The process of assimilation was not spread much among Old Believers of the region of Zabaikalye. The degree of traditionalism and conservatism was too high in its culture, and also there were some elements of resistance to the influence of other cultures [6].»

Thus, the formation and the development of Old Believers in the region of Zabaikalye as a social phenomenon was determined not only by its inner reserves, inner processes of consolidation and unity, but also depended on politics, held by local administration, position of the Church, and on the support of local population, whose world outlook was based on the Orient mentality, traditions of shamanism and buddhism.

Reference

1. Vasilyeva S. V. Regime and Old Believers of Zabaikalye. (the end of the 17th century - the beginning of the 20th century). – Ulan-Ude. Buryat State University, Press, 2007. – P. 5.
2. Petrova E. Social and Cultural Adaptation of Old Believers in Zabaikalye. Ethnosociological Analysis. – Ulan-Ude, 1999. – P. 123-126.
3. GAIO. F.50. Op.8. D.556. L.67.
4. NARB. F.478. Op.2. D5a. L.89.
5. Vasilyeva S. V. Regime and Old Believers of Zabaikalye (the end of the 17th century- the beginning of the 20th century). Ulan-Ude. Buryat State University Press, 2007. – P.37.
6. Bolonev F.F. Vasilyeva S. V. Traditional Culture of Old Believers of Zabaikalye // The World of Old Believers. Issue 4. Living Traditions: the Results

and perspectives of complex research of Russian Old Believers. – М., 1998. – P. 400.

Васильева Светлана Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета.
Vasilieva S.V. – ScD, professor, Buryat State University.

УДК 317.72 (=584) (571.54)

© **Ts.P. Vanchikova**

Tibetans in Buryatia: a new phenomenon in cultural diversity of the Republic

The article examines the history of the formation of the Tibetan diaspora in Buryatia. The author considers the role of Tibetan lamas in the restoration of Buddhism in Buryatia. Special attention is paid to adapting Tibetan monks in a foreign linguistic and ethnic environment.

Keywords: tibetans, diaspora, Buryatia.

© **Ц.П. Ванчикова**

Тибетцы в Бурятии: новое явление в культурном разнообразии республики*

В статье рассматривается история становления тибетской диаспоры в Бурятии. Автор рассматривает роль тибетских лам в восстановлении буддизма в Бурятии. Особое внимание уделяется адаптации тибетских монахов в чужой языковой и этнической среде.

Ключевые слова: тибетцы, диаспора, Бурятия.

The republic of Buryatia is remarkable for its cultural diversity. This fact is due to different peoples living in it, each with their authentic culture and traditions. Nowadays representatives of more than 30 different nationalities inhabit the territory of Buryatia. The socialist theory of building «one great nation – that is of a soviet people (narod)» failed after the beginning of «perestroika». The new epoch have created challenges to which all peoples have responded with innovative discourses. Peoples of the former USSR of almost of all nationalities and ethnic groups either large or small began to seek for their ethnic roots. The same happened in Buryatia. By the beginning of 90-ies there appeared many public ethnic organizations and communities with the aim to restore and to revive their ethnicity and formerly forbidden ethnic traditions. All this made the social life of the Republic diverse and varied. These processes are characterized by several specific features. One of the quite innovative and remarkable features in these processes through which Buryat identity and Budd-

* Впервые опубликована в Улан-Баторе в материалах конференции «Cultural diversity of nomads», 2011. – P. 99-106.

hism have been constructed nowadays is connected with the Tibetan refugees settling down in Buryatia. The overwhelming majority of Tibetans are represented by Buddhist monks. In the paper a preliminary survey of the history of Tibetan monks' settling down in contemporary Buryatia will be given. It is closely connected with the process of broad revival of Buddhism beginning from 1990 after the issue of the Russian «Law on freedom of confession». The Buddhist church as well as other religious confessions was given help and assistance in gradual rebirth of monastic religious activities and educational system. Alongside with many changes in Buryat Buddhism the appearance of Tibetan monks and Tibetan temples in Buryatia became quite a new phenomenon. This is a multi-dimensional process.

First Tibetans in Buryatia

In the paper history of relations between Tibetan monks and the Buryat population will be looked upon as well as their influence on the local population. To start with I would like to give in brief a short history of former relationship between Tibetans and the Buryat people. As is known Buddhism was brought by several Mongol chieftains that fled away with their kinsmen from Mongolia between 1620-1760¹. They came with their Buddhist monks and started to conduct first sermons in felt yurts. They have settled down and mixed up with local people. The Buryats became interested in Buddhist teaching, received primarily knowledge from the comers, took novice's vows, etc. The process of Buddhist penetration was slow but steady. Later Buryat lamas themselves began to go to monasteries of Mongolia and Tibet for studying. The earliest known contacts of the Buryat people with Tibetans go back to the beginning of the XVIII century.

Scanty information about this time we find in Buryat historical records. Thus in the earliest records of Toboev and Yumsunov we find data about the arrival of 150 Tibetan and Mongolian lamas in 1712 who fled to Buryatia escaping from military clashes in Mongolia and Tibet². They wandered around different Buryat ethnic groups, mainly in the border area, and spread Buddhist teaching. Some of them became the first abbots of the first Buryat Buddhist temples, for example Agvan Puntsok and Lubsan Sheirab³.

¹ *Buryatskie Letopisi* (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Ulan-Ude, 1996. – P. 108.

² T. Toboev. *Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat* (Early History of Qori and Aga Buryats) in *Buryatskie Letopisi*. (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, 1996. – P. 15; V. Yumsunov. *Istoriya proiskhozhdeniya 11 khorinskikh rodov* (The history of origin of 11 khori tribes). in *Buryatskie Letopisi*. (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, 1996. – P. 43; G.-D. Natsov. *Materialy po Lamaizmu v Buryatii* (Materials on Lamaism in Buryatia). Edited by G.R. Galdanova. Ulan-Ude, 1998. – P. 31.

³ T. Toboev. *Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat* (Early History of

Also we find information that lamas from Mongolia and Tibet often travelled to Transbaikal region especially in the second half of the XIX and the beginning of the XX cc. They performed various religious sermons in different Buddhist monasteries¹. The Tibetan monks were mostly from Amdo region that is why monks of most of Buryat monastic schools studied according to the syllabus of the monasteries of that region. Among them there mentioned are several high ranked lamas from North West Tibet².

Many oral stories transmitted by Buryat elders tell us about huge amount of goods, cattle and money donated to them by the believers. This testifies the fact that Tibetan monks were quite popular among the Buryat population and were revered by them. According to the available data we can say that the relations between Tibetan monks and Buryats were quite stable and more or less regular. The more so Buryat monks and pilgrims used to go for pilgrimages to holy Buddhist places of Mongolia, Tibet and by the end of the XIX and beginning of XX cc. to China and India. This process ceased after the October revolution. From the end of 30-ies of the last century after the atheistic purges Buddhism officially ceased to exist, all monasteries were destroyed, lamas arrested and sent to concentration camps. It cannot be said that people completely obeyed the authorities, though believers were deprived of the possibility of public expression of their belief in temples, Buddhism was kept privately by the elders in everyday family life and in traditional consciousness.

A new stage in Tibeto-Buryat relations

After the World War II slight changes in the policy towards religions began. In 1945 it was allowed to open Aginskii and to build Ivolginskii Buddhist monasteries. Although this did not mean a change in general policy towards religion, at least Buddhism in Buryatia was allowed to exist as an officially recognized religion. Besides these 2 centres, where it was allowed to have only 20 monks, dozens of monks that were freed from concentration camps illegally served in villages almost in all regions of Buryatia. By 1970 only a few elder lamas remained. So till the beginning of «perestroika» there were only 2 functioning Buddhist monasteries that were under strict state control.

After the beginning of the process of «perestroika» some juridical actions were taken to execute constitutional rights of freedom of belief. After the liber-

Qori and Aga Buryats) in *Buryatskie Letopisi*. (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, 1996. – P. 15; V. Yumsunov. Istoriya proiskhozhdeniya 11 khorinskikh rodov (The history of origin of 11 khorii tribes). in *Buryatskie Letopisi*. (Buryat Historical Records). Ulan-Ude, 1996. – P. 43-44; G.-D. Natsov. Materialy po Lamaizmu v Buryatii (Materials on Lamaism in Buryatia). Ulan-Ude, 1998. – P. 6.

¹ G.-D. Natsov. Materialy po Lamaizmu v Buryatii (Materials on Lamaism in Buryatia). Ulan-Ude, 1998. – P. 139-141.

² G.-D. Natsov. Materialy po Lamaizmu v Buryatii (Materials on Lamaism in Buryatia). Ulan-Ude, 1998. – P. 56-58, 111, 127-129.

al law of 1990 of M. Gorbachev on the freedom of conscience, religious situation in Russia began to change. Religious confessions almost eradicated during the Soviet period began to revive. It was accompanied by active process of restoration of destroyed temples, the revival of forgotten religious traditions and rituals in everyday life of the people. This process was caused and connected with the increase of national self-consciousness and with the search of ethnic roots in which Buddhism was considered to be one of the main fundamental strongholds of national culture and identity¹. Nowadays there are 203 registered different Buddhist organizations in Russia, among them 56 are registered in Buryatia.

This time contacts with Tibetans were laid down by several visits of His Holiness Dalai-lama, the first being in 1979. During the first visit he discussed with Buryat Buddhist leaders the problem of revival of Buddhism that greatly depended on teaching and preparing younger generation of monks. This became possible since 1990 and 1991 when 2 Buddhist schools were opened at Aginski and Ivolginski datsans and several Tibetan monks were sent by Dalai-lama to serve as teachers at these schools. The most important step in this direction has been done about 20 years ago in accordance with kind permission of His holiness Dalai-lama when dozens of Buryat young boys have been sent to Tibetan Buddhist monasteries in India, to be trained in Dharamsala and Goman/Drepung monasteries. Now more than 50 students study there.

For teaching at these Buryat Buddhist schools, later transformed into institutes, well-educated Tibetan monks have been sent by His Holiness Dalai-lama. During these years the number of monks has increased, the best of them continue education at Tibetan Buddhist monasteries in India for several years and return back to Buryatia. Now there are about 1000 monks in all Buryat monasteries according to the data given by the Buryat head monk Damba Ayusheev to the Council for religious affairs of the government of Buryatia during discussion, but this data seems to be too exaggerated.

Buddhism in Buryatia is presented practically by all its main schools and denominations. Thus alongside with the teaching of traditional Gelugpa school some other schools of Buddhism, like Nyingma, Kargyu, Karma, Sakya started spreading. Tibetan esoteric Dzogchen is also becoming quite popular. In 1990-ies the hierarchs of all 4 main Tibetan Buddhist schools have visited Buryatia as well as many high-ranked Tibetan monks. In general there is a special kind attitude and interest towards all Tibetans from the side of the Buryat people. It has historic roots, as all Tibetans are associated with the name of Dalai-lama and Tibet itself, which was traditionally considered by Buryat believers to be a holy land inhabited by gods. Buddhists of Buryatia traditionally had and now have restored close relations with Buddhist communities of Mongolia and Tibet, presented by Tibetan

¹ Buddhism was not the only component for the revival of national self-consciousness and national identity. They were also based on shamanism, revival of the all-Mongolian idea of Chingis-khan and folk hero Geser.

monks from India. This gave a stimulus for the development of Buddhism here. Buddhists of Buryatia are quite active in some international political problems, in particular, regarding the status of Tibet. Lay communities like «Society of Friends of Tibet», «Green Tara», Agvan Dorzhiev's foundation, «Aryabala» promote active propaganda in support of the struggle of «Tibetan people for independence from communist China».

Tibetan monks in nowadays Buryatia

Of special interest is the missionary work of Tibetan monks-refugees. Since 1993 Tibetan monks regularly came for teaching Buddhist courses and helping in restoration of some religious sermons and rituals, like tantric and meditative practices as well as the Kalachakra tantric practice, etc. The more so we witness quite a new phenomenon for Buryatia that is connected with the process of migration and naturalization of Tibetan monks in Buryatia and appearance of Buddhist monasteries built and run by Tibetans. This time the movement is presented by Tibetans born in India, mostly by the second generation of Tibetan refugees.

The hierarchs of the Buryat traditional sangha are anxious with penetration of religious figures from abroad, especially from Indian Tibetan emigrants' diaspora. Tibetan refugee monks quite successfully conduct missionary work among the believers while Buryat Buddhist monks are not active in this aspect and that is why Traditional Buddhist sangha of Russia (mainly the Khambo lama Damba Ayushev) disapproves the activities of Tibetan Buddhist monks and organizations. This was openly declared by khambo lama in newspapers¹ not for once. One of the main reasons of this being competition with Tibetan monks.

At the first stage after coming to Buryatia Tibetans served at Buryat Buddhist temples together with Buryat lamas. Little by little they acquired their own followers and believers and began to occupy their own niche and to integrate in the society.

And soon the question of their official status in Russia has risen. Those Tibetan lamas who wanted to stay in Buryatia began to look for the ways to do it and how to receive Russian citizenship.

As it is known Russian citizenship can be received in accordance with the requirements of the Federal Law «About citizenship of Russian Federation» issued on 31 May, 2002 and the President's Decree No 1325, from November 14, 2002. It is quite a complicated bureaucratic procedure like in any other country. In order to receive a Russian passport a person has to live with Residence permit in Russia for 5 years without going out of the country, he has to

¹ For example in one of his interviews to the question about ethnic relations in Buryatia he answered: «In Ulan-Ude there became too many Tibetan monks. They left their monasteries in Tibet and India, this is not good. Lamas must not leave their monasteries» [Informpolis, 26 January, 2011. Ulan-Ude].

pass an exam in Russian and to testify that he can earn money for living. There are several exclusions giving less complicated possibility such as marriage to a Russian citizen. As far as it concerns the Tibetans there are several ways of their naturalization. Some of the Tibetans received citizenship before issuing the Law when the requirements were not so strict; some have received it in Kalmykia, where Buddhism was supported by the President Kirsan Ilyumzhinov and that is why it was much easier than in any other place, and some of them disrobe and marry native girls in order to obtain legitimate rights for staying in Russia. Some of them live with temporal documents – Residence permits. Those with Russian passports can freely travel in Russia and abroad and lead active religious work.

Some of Tibetan monks are good propagators and have acquired lots of monk and lay disciples. Particularly large numbers of disciples and followers have Yelo-Rinpoche and geshe Tinley.

One of the most vivid personalities is Eshe-Lodoi Rinpoche (his abbreviated name is Elo Rinpoche), Tibetan high-ranked monk. Eshe-Lodoi Rinpoche is considered to be the fourth incarnation of Elo-tulku and one of the well educated Tibetan Buddhist monks. He entered monastic school of Goman philosophical faculty of Goman monastery at the age of 6. He escaped from Tibet to India in 1959. From 1959 till 1969 he lived in Buxa Duar settlement in West Bengal. At the age of 20 he received monastic vows from His Holiness Dalai-lama. From 1969 up till 1961 he lived in Dharamsala and worked there as a head librarian at the Tibetan works and archives. In 1979 Eshe-Lodoi Rinpoche obtained the philosophic degree of geshe-lharampa at Goman monastery in India. In 1991 he was sent by Dalai-lama to Mongolia where he was a teacher at the Buddhist university at Gandantekchenling monastery. In 1993 he was invited to Buryatia for restoring Buddhist monastic education and Buddhist religious tradition. He was one of the first Tibetan teachers to come to Buryatia and teach during one of the most difficult period of restoration of the monastic educational system. In 1997 Elo Rinpoche has received Russian citizenship and settled down in Ulan-Ude. He has built one of the largest Buddhist temples in Ulan-Ude that is supposed to become a new centre for the further dissemination of Buddhism in the region. He regularly reads lectures and gives different types of initiations for his numerous disciples. Usually his lectures are published or distributed in electronic versions as well as general literature on Buddhist theory and practice. He is most popular among the population of the Republic and has a lot of followers in different regions of Russia. Several times a year he goes there with missionary purposes.

Also the name of another Tibetan Buddhist monk – geshe Jampa Tinley, the former representative of His Holiness Dalai-lama to Russia is to be mentioned. He came to Russia for the first time in April 1993 and in 1998 has received the Russian citizenship. He was born in 1962 in South India in a family of Tibetan refugees. He has graduated the 7-year courses at Sarnath Institute of Tibetan studies. At 25 he took monk's vows. He knows well English, has learned Russian quite well. In one of his interviews to local newspaper he told

that his main task is to help to revive Buddhism and Buddhist education for monks, to create Dharma centres for the lay people. Due to his proselytising talent his activities are quite successful. He has acquired lots of disciples all over the Russia who consider him to be their guru. The texts of his sermons and lectures have been published in Russian in large editions.

Judging from the activities of Buddhist missionaries in Russia, as well as in Buryatia we observe the emergence not only of a large quantity of just believers, but of certain communities of educated secular people, interested in Buddhist teaching, united by the same spiritual teacher. This is one of the most vivid results of Tibetan Buddhists monks' activities here and this can also be considered a hallmark of this period.

Tibetan monasteries in Ulan-Ude

There about 20 Tibetans in Buryatia serving mostly at 4 Buddhist temples built by Tibetan monks. Most of them serve at monasteries and small religious centres organized either by themselves or by Buryat monks. Some Tibetan monks rent houses and organise small temples in them, like Tibetan lama Genden Gyaltzen (his temple is named as Gundelling). There is no strict attachment to that or this monastery, some of the monks freely serve in several temples together with Buryat monks, often go with religious purposes to different regions of Buryatia or cities of Russia.

The largest of the temples is the temple of a regional Buddhist organization «Tibetan cultural centre «Rinpoche bagsha»», an independent religious organization that was organized in 2000, registered on 25.01.2001. «Bagsha» is a Buryat word for Indian guru – teacher. The chairman of the centre and the head monk of the temple is a Tibetan Rinpoche (Elo Tulku) – Eshe Lodoi Elo Rinpoche¹. As it is said in the registration documents it's main purpose is to con-

¹ Venerable Eshe Lodoi Rinpoche was born in Tibet in 1943. At the age of 3 he was recognized as the fourth incarnation of Elo Rinpoche. At the age of 6 he began his monastic education; at 7 he has taken primarily monastic vows, at 11 he began studying Buddhist philosophy. In 1959 he escaped from Tibet to India where he continued his education. In 1963 he received full monastic vows from his Holiness Dalai-lama. After graduating from the Buddhist University in Sarnath he has received an honorary diploma of achariya. Later he served as a chief librarian at the Tibetan Library and Archives in Dharamsala. In 1979 he received highest Buddhist scholarly degree of geshe-lharamba. In 1992 he was sent to Mongolia by Dalai-lama. In 1993 he was sent to Buryatia for teaching at the newly opened Buddhist institute Dashi Choinkhorling. He was one of the first Tibetan teachers who have greatly contributed to the restoration of the process of Buddhist educational system in nowadays Buryatia. He has organized sending Buryat young monks for continuing their education to Goman monastery in India. Beginning from 1996 Elo-rinpoche began missionary activities. He started reading lectures on Buddhist philosophy, explaining to ordinary people and to the believers the fundamentals of Buddhist teaching, giving consecrations and blessings. Little by little a lot of people of various nationalities and professions gathered around him and became his disciples. They officially found a community centre and named it as «Rinpoche

serve and to spread classic Buddhist teaching and culture of Gelugpa tradition. In 2000 the construction of a new temple was begun by Elo-rinpoche and his disciple geshe-lharamba Tenzin-lama in Ulan-Ude. Elo Rinpoche in 1999 received a blessing and a permission of Dalai-lama for the erection of a temple. It was finished and consecrated in 2004. In its construction financial help was given by different organizations, state and municipal, as well as by numerous followers of Rinpoche and donators.

There are approximately 20 monks in this monastery all together; 3-5 of them are Tibetans. The centre publishes its newspaper (Migjed) and last year it has created its own Web-site¹. The temple is being reconstructed and enlarged gradually. The largest statue of Golden Buddha was enshrined in the main temple in 2004, in 2005 eight stupas have been built, in 2009 the first in Russia large Buddhist bell was erected. For the short period of time the temple of Elo-rinpoche became an important religious centre for numerous pilgrims and believers.

Another large monastery has been built by geshe Jampa Tinley² who also has one of the most numerous communities of disciples. They have built a temple in Ulan-Ude and are building an all-Russian Baikal retreat centre not far from the Baikal lake. In Ulan-Ude he works in close cooperation with Green Tara community³.

bagsha», built a large temple and it became the place where they can gather and receive spiritual guidance. In 2009 and 2010 he led a group of Buddhists to India where His Holiness Dalai-lama gave for the first time special consecrations and teachings for the believers from Russia. He has his followers all over Russia and abroad, he has founded several Dharma centres. He is Professor Emeritus of the Buryat state university. He has written 7 books and a number of articles that were published in Russian.

¹ Available from <http://elo-rinpoche.ru/>

² Geshe Jampa Thinley was born in 1962 in South India in the family of Tibetan refugees. He has graduated from the Central Institute of higher Tibetan studies in Sarnath and received shastri degree. In 1994 he became a geshe – doctor of Buddhist philosophy. At the age of 25 received monk's vows. In 1993 he was sent to Russia by HH Dalai-lama as his representative. Since this time all his life is closely connected with Russia and Buryatia and the revival and development of Buddhism. Due to his active missionary work he has acquired many followers all over the Russia. He is a spiritual leader of several Buddhist dharma centres, such as Moscow Buddhist centre of lama tsonkapa, Chenrezi centre in Elista, Manjusri centre in Kyzyl, Tara centre in Omsk, Atisha centre in Irkutsk, Maitreya in Novosibirsk, Tushita in Ufa, etc. All his lectures have been published. In 2004 he disrobed and continues his missionary activities. There are 3-4 registered Tibetan monks serving at this centre. Available from <http://www.geshe.ru/>

³ Green Tara (Nogoon Dara eke) is an independent religious organization in Ulan-Ude. This community of Buddhists was registered on 01.07.1999. The head of the community is getsulma (Buddhist nun) Tenzin Choidron. Her lay name is Urbanaeva Irina S., she is a doctor of philosophy and works at the IMBTS SB RAS. This community was founded by the initiative of geshe Jampa Tinley.

Quite popular among the believers are Tibetan medical centres, such as Buddhist medical temple or centre, named as «Sorig oiling». This religious community was found in 2004 by Yamphel-lama (Yamphel Dondup Ganphel Jigme). In 2006 this group has built a new large building for the centre, which serves as a Buddhist temple also. There are approximately 3-4 Tibetans in this community.

All Tibetan temples work autonomously, most of them have their own parish and parishioners, but any other people can freely visit them and address their monks. There is no strict attachment to that or this temple.

On special occasions, for example, Tibetan New year all Tibetan monks come to the temple of Elo-Rinpoche and express their greetings for the coming year and participate in religious sermons. Also Tibetans gather during large religious ceremonies at the temple of Elo-Rinpoche when they are asked for. The spiritual authority of Elo-Rinpoche is quite high for all the Tibetans here.

Conclusions

There are several reasons of such successful activities of Tibetans in Buryatia.

1. The main reason for their success in Buryatia, in contrast to their missionary work in the West, lies in the fact that Buddhism in Buryatia has been a living tradition and has been preserved by the people, especially by the older generation. Despite decades of atheist persecution it was one of the driving forces of national consciousness growth with the beginning of the perestroika period. This made their mission much easier.

2. Tibetan monks were most needed for the restoration of broken lineage of Buddhist tradition of transmitting teaching from a teacher to a pupil. They participated in the revival of most religious monastic sermons and rituals.

3. The Tibetans for more than half a century of immigration and residence in a foreign linguistic and ethnic environment not only have acquired experience of survival, but also improved methods of preaching and missionary work. They have successfully adapted the complex parts of Buddhist teachings, presenting them in a simple and easy to comprehend way. That's why they managed to organize their circle of followers and believers in Buryatia relatively quickly.

4. Many Tibetan teachers can deliver their lectures in English. Moreover, the lamas who settled in Buryatia successfully master the Buryat and Russian languages in which they explain the meaning of key provisions of the Buddhist teachings and communicate with the people.

We can conclude that Tibetan monks took an active part in restoration of Buddhism in Buryatia. Tibetans, as well as Buddhist monks and lay people, have adapted themselves and their monasteries quite well to the modern society, especially if to take into consideration the fact that earlier they lived in secluded monasteries of India and their life differed greatly from modernity. They have quickly accepted the realities and accommodated themselves to the quite

different structures of the world alien to them and contributed their share in the formation of social and cultural diversity of the Republic. Tibetan diasporization for those who became Russian citizens in Buryatia as well as in Russia in general has proven to be successful and that it is still in the process of development.

References

1. Buryatskie Letopisi (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. – Ulan-Ude, 1996. – 198 p.
2. Khambo-lama. God zaitsa budet napryazhonnym (The Year of Hare will be tense) // Informpolis, 26 January, 2011. Ulan-Ude.
3. Natsov G.-D. Materialy po Lamaizmu v Buryatii (Materials on Lamaism in Buryatia). – Ulan-Ude, 1998. – 187 p.
4. Toboev, Tugulder. Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat (Early History of Qori and Aga Buryats) in Buryatskie Letopisi. (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. – Ulan-Ude, 1996. – P. 5-35.
5. Yumsunov, Vandan. Istoriya proiskhozhdeniya 11 khorinskikh rodov (The history of origin of 11 khori tribes). in Buryatskie Letopisi. (Buryat Historical Records). Edited by Sh. B. Chimitdorzhiev and Ts. P. Vanchikova. – Ulan-Ude, 1996. – P. 36-102.
6. <http://elo-rinpoche.ru/>
7. <http://www.geshe.ru/>

Ванчикова Цымжит Пурбуевна – доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии.

Vanchikova Ts.P. – ScD, professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies.

УДК 317.74

© Б. Нацагдорж

Причины миграции бурят в Монголию: (на примере ацинских цонгол-бурят)

В статье исследованы причины и характер миграции в Монголию в начале XX в. ацинских цонгол-бурят, потомки которых ныне проживают в сомонах Батширээт и Биндэр Хэнтэйского аймака и сомонах Мунгунморьт и Эрдэнэ Центрального аймака. Автором выявлены причины этого явления на основе большого объема исторических документов.

Ключевые слова: миграция, цонгол-буряты, бурятские казаки.

© B. Natsagdorz

The purpose of Buryat migration in Mongolia: an example of atsink's tsongol-buryats

In this article the author tried to explain one of the reasons buriat-mongol's migrations to Mongolia. The documents of the Buriat-mongolian migrants committee in Urga of the Mongolian State Archive show clearly that main reason of the migration of some part of buriats, was the ethno-religious conflict with the Russian orthodox old-believers (semeyskie).

Keywords: migration, tsongol-Buryat, Buryat Cossacks.

Миграции бурят-монголов в Центральную Монголию, или *Ара Монгол*, в начале XX в. посвящено несколько работ монгольских и зарубежных исследователей¹. Но по объективным историческим причинам некоторые острые углы этого вопроса, в том числе одно из основных обстоятельств, спровоцировавших миграционный отток бурят в Монголию, сглаживались или поднимались на недостаточном уровне. Необходимость объективной оценки исторических событий лежит в основе данной работы.

В национальном архиве Монголии, в фонде Бурят-Монгольского комитета в Урге (Ф-№37) хранятся документы и материалы, которые проливают свет на те события.

Бурят-Монгольский комитет (письм. монг. *buriyad mongyol-un kereg erkilekü qural-un yajar*), организованный в 1922 г. в Урге из группы бурят-монгольских интеллигентов, отправил несколько комиссий в места поселений бурят-монголов с целью выяснения их всеобщего положения. Комиссия была отправлена в Сэцэн-Хановский аймак. В Джонон-Вановском хошуне она получила от бурят, проживающих в местности трех караулов, заявление об их бедственном положении.

«...bida nar minji qarayul-un činadu аса-yin youl kemekü yajar on udatal-a idegesin sayuusan bölüge. *getele yurban jil-un urida oros-un ulayan-u kemekü čerig irejü čayan luγ-a neyilegsen kemen 76 ere kümün-i alaju körüngge mal-i degermedüjü süyidkegsen-ece qoyisi uday-a daray-a yasiyun jobalang küliyejü tür amaskin bayitala nidonon jil qabur čay baron unggiyerni-yin cerig-i jakiruyan tuvanov ülemji čerig-un qamtu ociju ulayan luγ-a neyilegsen kemen kedü kedün kümün-i alaju degermedün inaysi negүүлgen kögejü lamayin küriyen-ü činadu yurban qarayul-un nituy-tur orkiγsan. mön tuvanov-i nekejü yabuγsan ulayan čerig irejü čayan kemen basa kümün-i alaju körüngge mal-i buliyan degermedüjü burqan nom ba ger qoyil-i tüljü ebdekü jerge-ber darulan jobayaju süyidkegsen inu üneker-un tuyil-dayan kürčüküi, kemebečü ijayur üндүсү nige uγay-a törü neyilelčegsen inu dakin jobalang γasalang*

¹ Цэрэн Ц. Буриадуудын дүрвэлт, тэднийг хэлмэгдүүлсэн тухай асуудалд. – Улаанбаатар, 2002; Оюунтунгалаг А. Монгол улсын буриадууд. – Улаанбаатар, 2004; Тубчинов С.Д. О причинах миграции бурят в Монголию // Acta historica. – Улаанбаатар, 2007. 37-39-р тал.

tokiyalduqu-ügei jirγaqu jabsiyan-i olba kemen бүгүдегер байарлалцагсан биле»¹.

(...мы за Мензинском караулом, в местности, называемой Аца гол, с давних пор проживали. Три года назад /1919/ пришли так называемые красные русские и, обвинив нас в сотрудничестве с белыми, убили наших 76 мужчин и ограбили наше имущество и скот, и мы пережили крайне тяжелое положение. В прошлом году /1921/ весной приехал Туванов с многими войсками барона Унгерна и убил нескольких человек, с обвинением в том, что они примкнули к красным. И взял нас с собой и оставил за Ламским куренем в местности трех караулов. Тогда же преследовавшие Туванова красные войска, приехав сюда, убили людей, ограбили наше имущество и скот, сожгли наши бурханы и сутры, юрты и дома. Хотя мы попали в самое крайнее положение, обрадовались тому, что наконец присоединились к единокоренным братьям и больше не будем переживать кошмарные бедствия.)

Текст в монгольском варианте намного меньше текста на русском языке, с более подробным описанием этих же событий:

«...Через несколько часов вслед за ними прибыли конные солдаты в числе 80 человек и окружили с домом. Арестовали всех бурят и увезли их в деревню Асиновка, заперли в училище. После этого на завтра выехало в нашу сторону около 120 вооруженных солдат, часть их поехала грабить вверх по Чикою. А другая часть вверх по Аце, солдаты грабили, брали без разбору что попадалось. Затем во время грабежа избili двух стариков, которые после побоев погибли. Сложили в несколько десятков саней добычу, шубы 196, с хорошим мехом, крытые шелком, чичунчой и далинбой, 180 халатов, шелковых, чичунчовых и из простых материй, 5000 рублей, монет золотых и серебра, 20 золотых, золотые кольца и серебряные, часы, золотые с цепочкой, цена 120 рублей, романовские кредитные билеты 6000 рублей, женский наряд, драгоценные камни, шапки бобровые, выдровые, соболевые, рысьи, лисьи и 110 с лишним лошадей, 60 голов рогатого скота, на 70 лошадей сбруи, хомутов седелок, дуг, 30 телег, 66 саней, хлеба, зерна 1000 пуд, муки 500 пудов, 60 кож выделанных, невыделанных, 168 потников, седель 50 серебряных и простых 17 швейных машин, 80 тулумов, 58 котлов, 84 пудов мяса, 67 овчин, масла 8 пудов, жира 6 пудов. Затем через 3 дня после грабежа опять же приехали несколько вооруженных солдат и арестовали 5 мальчиков и увезли туда же и уволили 12 человек, после этого через день всех остальных бурят в числе 76 человек расстреляли и привезли на нашу сторону и закопали

¹ МУУГА. Ф-№37. Х/н-27, 6.

в одну яму. При судебном осмотре, произведенном мировым судьей 18-го участка¹ Макаровым при присутствии бурятского представителя Ванданова и прочих, оказалось, что пленные были зверски убиты, т.е. рублены топором. Руки и ноги отрезаны и переломлены, привязаны по 2 по 3 вместе, глаза выколоты, отрезаны уши, носы и даже отрезана половая часть и все оказались голые, без рубах и штанов... (сокр.) ...Кроме того, оставшиеся на родине наши родственники буряты, в особенности больные и не имевшие членов семейства, по слухам, убиты зверски, сожжены в живом виде в числе 43 человек, мужчин, женщин и детей... (сокр.) ...Добавляем, что в эту зиму, т.е. 1922 года в феврале, опять же прибыли из Мензинской станицы большевики под начальством Патракова, ограбили следующее имуществу: 17 коров, 5 лошадей и остальные реквизировали у семиозерских бурят 300 голов скота и лошадей и разные хозяйственные вещи, утварь. Кроме того, еще грозят, что перебьют всех когда-нибудь.»²

Кем были упомянутые выше большевики, ясно из другого документа, хранящегося в фонде Бурят-Монгольского комитета. Здесь они называют их прямо и ясно – **maγu mörtü degermečün šimeyišig nar** (семейские грабители со злым следом).

«olon-a ergügdegsen-u arban qoyaduγar on doluyan sarayin 8-u edür. bide egün-u dour-a γar-nud-iyān talbiju öggügčid, mongγol-un qori buriyad qosiyun-u čongγool-un sumun-u 71 erkütü ger-ud-un ejed-ece yeke küriyen-u mongγol γajar-a бүкүи buriyad mongγol-un kereg-i erkilegsen qural-un γajar-a quraldur-a oduqu tölügelügčü mordaγulun ilegeküi-yin küčün ügei manu čongγool sumun qoγosun ügegüü yadaraltan böged olongki manu önüčün ekener keuked aγsan-a ilerekeyilejü mön qosiyun-u terigün tüsimel čeden čedüb-un gegci-yi manu aji bayidal ami jayun бүкүи bayidal sayuri-yi medegseger aqu tulada, deger-e durasuyduγči qural-un γajar-a man-u sumun-u jon-ača sayulčaju man-u maγu mörtü degermečün šimeyišig nar-tu könügegdegsen siltayan бүкүи-yi ayildulčaju ečüs-tur toγtuγal-un učir-i biden-du medegülün ireküi-yi γuyuju dabqur nayiduly-a-yin qaγudasun bariγulju öber-üd-yin γar-un bičig γar-nud-iyān talbiju ilerekeyilegčü mongγol qori buriyad qosiyun-u čongγool sumun-u jayisang darm-a budayin. čongγool sumun-u ulus nayiduly-a-tai iregsen badm-a namsarai-yin bičig ülü medekü tulada niγur-un γuyulta-bar tabiγsan erdeni čerin-u»

(8-е число седьмого месяца двенадцатого года Многими Возведенного. Мы, нижеподписавшиеся, домовладельцы 71 семей Цонгольского со-

¹ В 18-й участок мирового судьи входили Урлущкая, Коротковская, Байхорская, Нижненаарымская, Красноярская волости, Укыр-Шонуйская отдельное общество и Мензинская станица [Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г., 1901. – С. 10, 11].

² МУУТА. Ф-№37. Х/н-27. 1-4.

*мона Хори-Бурятского хошуна Монголии выражаем свое бедственное положение и не можем снарядить и отправить своего представителя на съезд бурят-монголов, который состоится при Бурят-Монгольском комитете в Нийслэл-Хурене. Большинство из нас являются беднейшими вдовами и сиротами, поэтому мы доверили Цэдэну Цэдубуну, главному чиновнику из нашего хошуна, как знатоку нашего бедственного положения, присутствовать на съезде упомянутого комитета и войти с ходатайством от нас о нашем положении, о том, как мы были погублены со стороны грабителей **šimeyišig** со злым следом. Пусть он сообщит нам о постановлении съезда. На что мы ниже подписываемся. Зайсан Цонгольского сомона, Хори-бурятского хошуна Монголии Дарма Будаин. И за неграмотного представителя народа Цонгольского сомона Бадмы Намсараина подписался по его просьбе Эрдэни Цэрину.)¹*

Упомянутые **šimeyišig**, безусловно, являются семейскими или старообрядцами, которые были сосланы в Забайкалье Екатериной II из европейской части России в 1767 г.² Все селения, упомянутые в приведенном нами заявлении, в то время были населены старообрядцами [Ровинский, 1872. с. 123]. Эта группа русских в отличие от коренных сибиряков прибывала в Сибирь с семьями (отсюда и название семейские) и с самого начала своего пребывания в Бурятии не смешивались как с русскими старожилами (сибиряками), русскими казаками, так и с местным бурят-монгольским населением, в основном из-за религиозных мировоззрений. Вообще русское население в Забайкалье делилось на семейских, сибиряков и казаков, которые резко отличались от друг друга по укладу жизни, поведению и даже по облику [Русские, 1997, с. 74-75]. Сибиряки и казаки брали в жены буряток и в основном занимались скотоводством, особенно в приграничной полосе. Семейские считали их смешанными с бурятами и монголами и др., т.е. «недостаточно русскими», а по отношению к коренному бурят-монгольскому населению зачастую использовали уничижительный термин «тварь»:

«...Всех-то, говорят, было поселено до семи тысяч семей. Поселившись, долго вели войну с «тварью», т. е. с монголами, которые не хотели им давать земли и гнали их вон»³

«" Тварью " называют сибирские крестьяне буряты и по сию пору; даже къ крещенымъ, но еще не обрусевшимъ бурятамъ крестьяне относятся высокомерно, какъ къ низшей расе: " хоть крещеный, а все

¹ МУУТА. Ф-№37. Х/н-20, 36.

² Высочайше учрежденная подъ председательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссия для исследования и землепользования в Забайкальской области». Материалы. Вып. 6. Население, значение рода у инородцев и ламаизмъ // составили Н. Разумов и И. Сосновский. – СПб., 1898. – С. 10-12.

³ Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. – М.; Л., 1934.

же не далеко ушелъ отъ твари"», говорятъ они, и при малейшемъ столкновѣніи своихъ интересовъ съ интересами "твари" осыпаютъ эту последнюю градомъ отборнейшихъ русскихъ ругательствъ Конечно, такъ относятся только къ беднымъ "братскимъ"; съ богатымъ – дело иное: ему льстятъ, съ нимъ обходятся назойливо-фамиліарно, его угощаютъ и сажаютъ подъ образа, будь онъ даже не крещенъ; но за-глаза — и его не иначе чествуютъ, какъ „тварину" -, хотя ужь не въ презрительномъ, а въ злобнозавистливомъ тоне.» [На таежныхъ прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. 1891. – С.188]

Из числа бранных слов, которые использовались семейскими по отношению к бурятам, привлекает внимание слово *арцеед*. Это слово мы обнаруживаем в толковом словаре живого великорусского языка Даля: *арцеед* (бранно) – бурят, тунгус, монгол, тот, кто ест арцу¹ [Даль, 1978].

По мере роста численности старообрядцев и особенностей их жизненного уклада общины семейских стали испытывать возрастающую потребность в свободных землях для развития земледелия. Поэтому с самого начала их переселения в Забайкалье властями была спровоцирована конфликтная ситуация с бурят-монголами². Российская империя, чтобы обеспечить защиту своих границ с Цинской империей, вынуждена была опереться на местных бурят-монголов и хамниганов из-за невозможности переместить большой контингент войск из европейской части своей империи³. В лице бурят-монголов и хамниганов они получили отличную охрану государственной границы, включив их в казачье сословие. Став казаками, часть бурят-монголов и хамниган получила земельные наделы в потомственное владение и была выведена из ясачного положения. Это и подняло их на более высокую ступень социальной иерархии, по сравнению с их соседями – семейскими. Как казаки они и выполняли внутренние полицейские обязанности, и участвовали в подавлении волнений в среде тех же семейских.

Считаем необходимым привести один из примеров, в котором находит отражение специфика службы бурят-казаков в регионе, в качестве чрез-

¹ Арца (арса) – вид национальной молочной пищи монгольских народов.

² «Не то ожидало их со стороны бурят-казаков. Едва семейские пришли на место поселения, которое вперед обследовали их ходоки, как буряты кинулись на них, вооруженные нагайками и чем попало и стараясь потоптать их конями. Русские гуситы вооружились стягами, затаражились телегами и дали такой отпор, что они удалились. Но после еще были схватки и прекратились только вмешательством власти. Это было между 1798 и 1801 гг., потому что в одном документе 1789 г. видно, что еще не было на Бичуре семейских, в 1801 г. видно, что они уже там. У окинских семейских была такая же борьба». См.: Ровинский П. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО РГО. – Иркутск, 1872. Т. 3, № 3. – С. 127.

³ Васильев А.П. Забайкальские казаки. Т. 2. – Чита, 1916. – С. 210-216.

вычайно важного обоснования неприязни и частых конфронтаций между бурятским населением и семейскими. Так, например, российское правительство запрещало семейским открывать церкви и иметь в них кресты. Те церкви, которые были открыты без разрешения правительства, закрывались, и в подобных делах бурятских казаков зачастую задействовали как полицейскую силу:

«...Здесь монахи срубили крест с часовни. Казак из бурят (карым) влез на крест и стал его рубить топором. Один из семейских уже прицелился в него из винтовки, но был удержан товарищами»¹.

Такова была стратегия царского правительства, целью которого было поддержание вражды между бурятами-казаками и семейскими.

Рассматриваемые нами буряты из урочища Ацы стали казаками в 1764 г. и в основном были выходцами из племен *цонгол* и *ашабагат*, прежде входивших в одноименные административные «роды»². Когда в 1851 г. было образовано Забайкальское казачье войско, они были отведены 6-й сотне 2-го полка 1-го отдела и подчинялись поселковому атаману Ацинского поселка. Их место проживания, урочище рек Аца, Менза и начало Чикоя, покрыто частично густой тайгой, частично имеет плодородные луга, выгодные и для земледелия, и для скотоводства. Поэтому старообрядцы начали сюда проникать с самого начала их заселения. В 1770 г. возник первый земельный спор между ними, а в 1772 г. канцелярией пограничных дел был дан братскому шуленге Мамихалеву приказ, «чтобы в зимнее время по Мензе реке и в летнее по Большой реке и Аце реке никого из едущих не пропускать, кроме ходящих за промыслом»³. Со стороны царского правительства по известным причинам частью к бурят-монгольскому народу было проявлено несколько привилегированное отношение, когда к части самого русского населения отношение было совсем другое. И это породило конфликт и национальную вражду между бурят-монголами и семейскими. Вражда имела и экономическую подоплеку, связанную с земельным вопросом. Когда большевики взяли власть, семейские с большим симпатием отнеслись к ним, так как они обещали наделить всех земель в равной мере.

¹ Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. – М.; Л., 1934.

² Высочайше учрежденная под председательством статсъ-секретаря Куломзина комиссия для исследования и землепользования в Забайкальской области // Материалы. Вып. 6. Население, значение рода у инородцев и ламаизм / сост. Н. Разумов и И. Сосновский. – СПб., 1898. – С. 8.

³ Высочайше учрежденная под председательством статсъ-секретаря Куломзина комиссия для исследования и землепользования в Забайкальской области // Материалы. Вып. 6. Население, значение рода у инородцев и ламаизм / сост. Н. Разумов и И. Сосновский. – СПб., 1898. – С. 8.

«...Они – наши помещишки, обычно говорят тамошние крестьяне и выражают весьма энергичные претензии завладеть частью бурятской земли. Несколько лет тому назад была назначена особая комиссия, которой произведен был осмотр бурятской земли и намечены были участки для передачи крестьянам. **При большевиках эти участки были утверждены за крестьянами.** Но в настоящее время эта земля остается пока объектом претензии крестьян» [Селищев, 1920, с. 9]. В таких ситуациях разгоралась гражданская война, и семейские, прикинувшись большевиками, начали отбирать бурятские земли и в некоторых местах учиняли настоящие погромы бурятского населения, о чем и свидетельствует приведенный нами документ. Элбек-Доржи Ринчино описал эту ситуацию в своем докладе на II съезде представителей бурятских эмигрантов при Бурят-Монгольском комитете.

«...man-u buriyad nar eb qamtu nam бүкүй жөблөтү жасай-тур уауун-дур dur-a үгеи болба кемебесү орос җажар қубисқал җарҗу байиқу үйе-дүр buriyad луҗ-а қолиҗалдун саууһсан таријаҗин орос нар биде нар улаған nam-un күмүс кепен нер-е јегүјү buriyad-un җажар nutуҗ-и buliyan abqu alaqu degermedükü jerge-ber eldeb samayun yabudal-i degdegeksen-ü qarҗai-bar ta nar uҗir medekü үгеи бүдүгүлиг buriyad nar улаған nam-un күмүс бүгүде degermeҗin кепен санаqu болжуқи.»

(...Наши буряты почему не любят коммунистическую власть? Когда произошла революция, те русские крестьяне, которые чересполосицей живут между бурятами, стали захватывать бурятские земли, заявив, что они стали красными. Они грабили и убивали. Поэтому наши буряты стали думать, что все красные – это бандиты и грабители)¹.

Потеряв свое привилегированное положение вместе со своей землей, бурятские казаки встали на противоположную сторону семейских, которые объявили себя красными, и, потерпев поражение в борьбе с ними, они были вынуждены искать убежище в соседней братской Халха-Монголии².

¹ МУУГА. Ф-№37. Х/н-34, 14-17.

² Уполномоченный чиновник северо-восточного края Чулуун жаловался, «җауантан 6 күмүн-и бариқу-бар җериг идамсүрүнг нар җурбан қарауул-ун җажар күрҗү қулаҗай нар-и surbaljilbasu 1 inu buu jebseg-iyen orkiju barayun emün-e жүг ороба. busud anu җурбан қарауул-ун јегүн қойиту етеged obun кемекү аула-yin öbür-tür buriyad nar-un қаууҗин байиулуһсан baising-dur urida җауан-у җериг-ту уабују olan-и түйебеgejü уабуһсан buriyad җойибсүрүнг јерге орос buriyad nar луҗ-а neyileldün бүгүде қорияд күмүн болжу саујуу байн-а gekü suray sonusuҗad oҗiy-a geküle tengdeki buriyad оута suray kelekü байитуҗай улау-а ögkü-үгеи alba-tai gekü» (цирик Идамсүрэн и др. преследовали белогвардейцев 6 человек и достигли местности трех караулов, и при расспросе оказалось, что один из них, выбросив оружие, бежал на юго-запад. Остальные в местности Обон укрываются в старом бала-

Элбэк-Доржи Ринчино в своем выступлении на заседании политбюро ВКП(б) в октябре 1920 г. привел этот факт, и Ленин в известном письме от 13 октября 1920 г., где говорится об автономии бурят и калмыков, приказал расследовать этот случай и наказать виновных¹. Но так как шла война и насильные захваты продолжались, ацинские буряты в 1921 г. вышли в Монголию вместе с разбитым унгерновским сподвижником Ц. Тубановым. Их положение было действительно удручающим, что видно из следующего документа.

Ононгольский хори-бурятский хошун Монголии									
Сомон	Балджинский	Ононский	Хамниганский	Бархинский	Агацинский	Балджиханский	Цонгольский	Хурхинский	Всего
Семьи	66	85	50	54	104	63	82	114	618
Мужчины	161	202	112	130	214	138	130	273	1360
Женщины	139	178	90	135	229	141	157	271	1340
Всего	300	380	202	265	413	279	287	544	2700
Верблюды								4	4
Лошади	116	242	157	277	160	192	100	272	1516
Коровы	335	1044	274	1272	706	326	150	1420	5527
Овцы	229	789	648	1109	430	149	10	1709	5073
Козы	76	268	87	335	74	10		362	1212

(Число скота и домовладельцев Онон-гольского хори-бурятского хошуна Монголии. МУУТА Ф-№37. Д-1. Хн-4. Л.163).

Положение переселившихся в глубь Цэцэнхановского аймака цонголов было идентичным с состоянием их сородичей в Джонон-вановском хошуне.

гане бурят для охоты и присоединились к банде бывшего белогвардейца Чойбсуруна. Когда мы хотели дальше расспросить об этом, тамошние буряты ничего не говорят и отказываются выдать подводы) // МУУТА. Ф-№37. Х/н-27. Л. 14; «...mongyol yajar-a büküi buriyad nar-un kereg erkilegsen qural-un yajar-un tüsimelber ene qosiyun dotur-a oros çayan qulayai nar luγ-a qolbuγdaju qoγudan bayiqi ulus bui böged, sonusburi-dur olangki anu çongyol oboγ-tan ajiγu.»(представитель Бурят-Монгольского комитета сказал, что, в пределах этого хошуна скрываются белогвардейцы и вместе с ними укрываются буряты и, по слухам, большинство из них являются цонголами) [МУУТА. Ф-№37. Х/н-1. Л. 31а]. Отсюда видно, что симпатия ацинцев была на стороне белых и даже некоторые отчаянные оказывали последнее сопротивление в горах, при тайной поддержке. Именно здесь и был поймаан Ц. Тубанов.

¹ Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ, 1994.

«...По границе хошунов Дархан-Чин-вана и Далай-Дархан-Бэйлэ, а именно по р. Керулену и его притоку Терельдже, находится 56 юрт бурят Хоринского аймака и 32 юрты Чикойского аймака (из района Менза), которые объединились в настоящее время в сомоны; первые эмигрировали преимущественно до революции, а вторые – начиная с 1917–1918 гг. У обеих групп преобладает младший возраст. Затем у хоринцев средний, а у чикойцев – старший. В семье у хоринцев в среднем 5 человек. Источник пропитания у хоринцев – скотоводство, а у чикойцев – работа у монголов; у первых в среднем в семье коров 5, лошадей 1-2, у последних почти ничего нет. В большинстве живут у монголов, нанимаясь в пастухи или исполняя другие работы по хозяйству и, редко составив артели, строят хашаны, дома и кумирни и прочее. При организации административных единиц хоринцы стараются отмежеваться от чикойцев, так как последние, являясь казаками, несли военную службу, часть их участвовала в гражданской войне и потому боятся, что их будут обвинять в контрреволюции. И здесь, конечно, также не исключено издавна сложившееся у бурят деление на племена, к каковому приурочены деления на аймаки... слова «орос» и «большевик» были равнозначущи...Вообще гражданская война в южной части Забайкалья среди бурятского и русского населения, благодаря их отсталости, переходила по времени из борьбы партий в борьбу национальную, как, например, события по Мензое, Асе, Бырце и Улхану»¹.

Ознакомившись с положением бурят из документов комиссии Бурят-Монгольского комитета, Народное правительство Монголии приняло ряд мер по обустройству беженцев из урочища Аца. Они были освобождены от государственного и аймачного податей на три года. От Бурят-Монгольского комитета был отправлен протест в ДВР в Бурят-Монгольское автономное управление с требованием наказать виновных в грабеже бурят-монголов, проживающих в Джонон-вановском хошуне Цеценхановского аймака и в дальнейшем не допустить подобных налетов². Ацинские беженцы были включены в Хори-бурятский хошун, образовав Цонгольский сомон. Решение переселить часть семей, возглавляемых вдовами, в Ургу, в силу их крайней бедности и одолженности местному населению, было отменено. Потомки этих людей теперь населяют сомоны Батширээт и Биндэр Хэнтийского аймака. А та часть, которая поселилась по реке Тэрэлж, вошла в состав Хэрлэнгольского бурятского хошуна и теперь составляет сомоны Мунгунморьт и Эрдэнэ Центрального аймака.

¹ МУУТА. Ф-№37. Х/н-2. Л.21.

² МУУТА. Ф-№37. Х/н 27, 10.

Заключение

Причины миграции бурят в Монголию в начале XX в. имеют разный характер, но одной из основных причин, на наш взгляд, является конфликт на национальной почве. Бурятские казаки с XVIII в. несли государственную службу, после 1918 г. они потеряли привилегированное положение и вместе с тем свои земли и даже подвергались смертельной опасности. Поэтому они переселились в братскую Монголию, которая обладала огромными площадями земли и приняла их у себя.

Приложение 1

Буряты Чикойского хошуна Селенгинского аймака Ацинского сомона, эмигрантов Монголии в числе 60 юрть, пока проживающихся в караулах Гурбан-Караул Кумыли и по реке Онону.

Сем заявляем, что в 1919 г. в декабре месяце были неожиданные события в нашей родине, т.е. в Ацинском сомоне, именно следующие. Граждане Верхнеудинского уезда Коротковской волости, села Асиновского 2 человека появились якобы делегаты от этих селений: Асиновское, Шимбиликское, Захарово и Фомичово с требованием сдать оружие именно Алексей Кузьмин и Семен Ермолаев. В случае неисполнения их требования будет объявлена гражданская война. На это мы ответили, вопрос этот будет обсужден нашим сходом, имеем мы быть с завтрашнего числа в 8 часов утра и согласия будет, нет, дадим вам знать. Затем во время схода опять же приехали 12 человек, в том числе новодеревенский учитель и Цыбылов и Зиновой Козлов в вооруженном виде, без малейшего отлагательства исполнить предыдущее наше требование, на это мы убедительнейше просили дать нам отсрочку, пока мы доводим до сведения в хошуне и в станичное правление. Названные товарищи согласились на это с тем условием, чтобы нарочно отправляем по ихним подводам, говоря, что они будут снабжены бланковым билетом для взимания подводы. Вследствии чего мы нарядили два человека и отправляли. Между тем промежуточно этих лиц задержали и арестовали в Красноярской волости. После чего на третью ночь пришли наступать в вооруженном виде в числе 400 солдат под начальством тов. Попова в двух группах, одна с верхней стороны, а другая с нижней стороны, и окружили улус. Открыли стрельбу по улусу и с криком «ура» вошли в улус, также мы со страхом открыли по ним огонь. От этого удара они отступили. Назавтра же привезли наших 4 арестованных при сопровождении двух крестьян и заявили нам, что чем проливать кровь, лучше же обойтись мирно и заключить миролюбный договор. На это мы согласились. Для этой цели мы собрали сход, между тем во время нашего схода прибыло 11 человек, вооруженных, во главе их тов. Фильгин. Они предложили мирно сдать оружие, и мы сдали около 50 винтовок, берданов и трехлинеек и заключили миролюбный договор. Затем тов. Филь-

гин заявил следующее: дать 2 быка на мясо, 10 подвод и еще раз собрать сход от каждого дома по 1 человеку для объяснения советского режима и для выбора сомонного председателя. Собрали сход. Сход продолжался до вечера, затем во время схода опять явился тов. Фильгин с 6 товарищами. Через несколько часов вслед за ними карьером прибыли конные солдаты в числе 80 человек и окружили. Вслед за сим в последующих числах мая месяца 1921 г. выступил отряд Тубанова из Монголии. Прибыв в местность Аца, расстреляли 2 бурят, признав их якобы соучастниками большевиков. При отступлении этот отряд в силу оружия выдворил в Монголию около 60 семей, при этом не захватив никаких движимых и недвижимых имуществ. Теперь же ощущаем весьма острые нужды, терпим голод и холод, нагие и босые. Семейства состоят из стариков и старых вдов, женщин, детей и сирот. Кругом лишённые средств существования, живут в шалашах, в избушках в лесу и даже имеется несколько малолетних детей без призрения и родственников. Таким образом, мы переживаем весьма тяжелые время и жизненное расстройство с одной и другой стороны. О вышеизложенном просим доложить представителю бурятского народа Цыдену Цыдыпову. Примите на себя труд ради великодушия и человеколюбия войти с ходатайством куда следует, заступиться за нас, попавших в крайне критическое положение. Додоходят до нас слухи, о том, что они еще раз собираются сделать нападение, а мы находимся в весьма отчаянном положении. Кроме того, из Кыринской станицы напали на нас 8 большевиков под начальством Бурундуковского и путевода Цынды Будаева и реквизировали 5 лошадей и разного рода хозяйственную утварь. Неграмотные граждане: Ранга Жигжитов, Абида Дармаев и Ринчин Дармаев, Цыбик Зориктуев, Даши Цоктоев, Гумбе Шарапов, Цыбик Болоев, Бато-Мунко Долотов, Доржи Зориктуев, Самбу Шандаржеев, Самбу и Ванчик Банзаракцаевы, Лубсан Цыренов, Лубсан Тугутов, Гарма Аюшеев, Чагдур Цыбиков, Бато Очиртаров, Агван Баинов, Аюши Мункуев, Цыбик Дугаров, Цыбик Доржиев, Балжит Ванданова, Сыбжит Доржиева, Балжит Намсараева, Пагма Шандапова, Ханда Галданова, Балма Болоева, Пагма Бальчинова, Дари Цоктоева, Долма Юмсунова, Юмжир Занданова, Дарима Очирова, Сагандари Бухугулова, Санжа Долодоева, Дулма Шойдоржиева, Дулма Бадмаева, Намсалма Зориктуева, Намсалма Чиканова, по личной просьбе которых расписался Боди Намсараев. Расписался Бадма Очиров.

bitede cerindorji-yin cerin cebig-un ringcin sangdug-un tamjida payibal-un dejide batu-yin genen sangji-yin cerm-a garm-a-yin edener-un bicig ülü medekü tula niyur-ud-un yuyulta-bar yar-nud-i öbürü-yin yar tai tabiysan badm-a sambuu cebanу dorji-yin 1922 года февраля 30.» [МУУТА. Ф-№37. X/н 27. Л.1-4]

Приложение 2

Именной список вдовых женщин и сирот Чикойского хошуна

<i>Имена и Фамилия</i>	<i>Число душ в семье</i>
1. Юмжить Занданова	4
2. Сыбжить Гынинова	3
3. Ринчин Арьяева	2
4. Дулма Бадмаева	3
5. Дарима Очирова	1
6. Дулма Жамбалова	5
7. Самобальзань Намсараева	2
8. Намсалма Зориктуева	3
9. Намсалма Чакунова	1
10. Дыжить Очиртарова	3
11. Гынин Цоктоева	2
12. Очирсу Дармаева	2
13. Дулмасу Найданова	1
14. Дулгар Пунцукова	1
15. Балма Болоева	2
16. Бытить Ширнинова	2
17. Дулма Шандоржиева	4
18. Гарма Аюшиева	2
19. Серма Намсараева	1
20. Цагандарь Цыбенова	2
21. Сондуй Долодоева	2
22. Сагандарь Бухугулова	1
23. Сыбжить Жамцуева	1
24. Дулгар Болоева	2
25. Дарима Галинова	3
26. Бадмасу Баирова	1
27. Гурумь Зориктуева	2
28. Балжить Павлова	3
29. Чимитсу Санжиева	1
30. Намить Галданова	5
31. Тамжид Павлова	3
32. Жигमितь Вамбуева	1
33. Добдон Долодоев	1
34. Дугар Доржиев	2
35. Лупсан Шадапов	4
36. Пагма Бальчинова	5
37. Сындыма Найданова	1

[МУУГА. Ф-№37. Д-1. Х/н 2. Л. 14]

Приложение 3

Выписка из протокола заседания президиума Бурмонавтупра от 8-го декабря 1921 г. за №80.

Слушали: Письменный доклад члена Чикойской комиссии [утрачено]... на от 21 ноября 1921 г. за №176 о том, что в Ацинском сомоне из 80 семейств осталось лишь два семейства, остальные [утрачено]... гражданской войне или перебиты или уведены отрядом Унгерна или разбежались. Имущество брошено на произвол судьбы и похищено окрестными крестьянами. Остались постройки и те похищаются. Необходимо принять меры к охране. Постановили: Ацинский сомон Чикойского аймака расположен среди русских селений, далеко от бурятских населенных пунктов. Почти все население Ацинского сомона или истреблено, или скитается в степях Монголии и Забайкалья. На возвращение оставшихся в живых бурят Ацинского сомона в названный сомон при существующих судебных отношениях граждан с бурятами надежды нет, по крайней мере в ближайшем будущем. Судьба сомона [утрачено]... уже предрешена. Ему не возродиться и он должен исчезнуть, оставшиеся две бурятские семьи придется переселить в другое место. При таких условиях охрана оставшейся [утрачено] имущества не возможна и этому имуществу угрожает неотменная гибель. По этим соображениям президиум Бурмонавтупра постановил:

1. Образовать особую комиссию в составе члена Чикойского аймачного управления, по назначению последнего, председателя Верхне-Чикойского хошуна и представителя аймачной милиции и одного из граждан Ацинского сомона, для выяснения оценки всего оставшегося имущества и продажи с публичного торга той его части, охрана которой надлежащим образом не может быть обеспечена.

2. Имущество, хранение которого в целостности и исправности примут на себя ближайшие родственники или соседи [утрачено]...ствующих сдать на хранение пол соответствующие [утрачено]... исключив его из продажи.

[утрачено]...имуществу продать за валюту или пушнину. Если таковых покупателей не окажется, комиссии телеграфировать, какие товары, в каком количестве могут быть [утрачено]...учтены за имущество и как они могут быть реализованы.

4. Комиссии выяснить также дальнейшую судьбу оставшихся граждан, останутся ли они на месте или должны быть переселены; в утвердительном смысле – куда.

5. О всех затруднениях при исполнении сего комиссия по телеграфу запрашивает указаний Бурмонавтупра.

6. По окончании сего поручения Комиссия представляет Бурмонавтупру исчерпывающий доклад со всем делопроизводством и вырученными деньгами или контрвалютными товарами.

С подлинным верно:

Делопроизводитель Бурземотдела /ДМИТРОЧЕНКО/

[ГАРБ. Ф.1608. Оп.1. Д.42. Л.5]

Литература

1. Высочайше учрежденная подъ председательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссия для исследования и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 6. Население, значение рода у инородцев и ламаизмъ / сост. Н. Разумов и И. Сосновский. СПб., 1898.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978 (цит. по: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/204142>).
3. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. – СПб., 1891.
4. Оюунтунгалаг А. Монгол улсын буриадууд. – Улаанбаатар, 2004.
5. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г. – Чита, 1901.
6. Ринчино Элбек-Доржи. Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ, 1994.
7. Ровинский П. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО РГО. – Иркутск, 1872. Т. 3, № 3.
8. Русские. – М., 1997.
9. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы: семейские. – Иркутск, 1920; Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. – М.; Л., 1934. Цит. по: <http://prijev-ig.ru/index.php?p=sibur&st=starover>
10. Тубчинов С.Д. О причинах миграции бурят в Монголию // Acta historica. – Улаанбаатар, 2007. – С. 37-39.
11. Цэрэн Ц. Буриадуудын дүрвэлт, тэднийг хэлмэгдүүлсэн тухай асуудалд. – Улаанбаатар, 2002.

Архивные документы

- МУУТА. Ф-№37 – Буриад-Монголын хэрэг эрхлэх хурлын газрын фонд.
МУУТА. Ф-№37 х/н, 2.
МУУТА. Ф-№37 х/н, 6.
МУУТА. Ф-№37 х/н, 27.
МУУТА. Ф-№37 х/н, 34.
МУУТА. Ф-№37 х/н, 36.
ГАРБ. Ф.1608. Оп.1. Д.42. Л.5.

Нацагдорж Б. – научный сотрудник Института истории Академии наук Монголии.

Natsagdorzh B. – researcher, the History Institute of the Academy of Sciences of Mongolia.

УДК 314.742 (=512.31) (520)

© О.А. Шагланова

**Монгольские иммигранты в современной Японии:
мотивация и адаптация**

В статье анализируются социальные и культурные практики адаптации монгольских иммигрантов, имеющих различное гражданство в японском обществе, воспроизводятся представления о принимающем сообществе и стране исхода, что оказывает большое влияние на их практики адаптации к социокультурной жизни Японии.

Ключевые слова: иммиграция, монголы, Монголия, Внутренняя Азия, Япония, Китай, Россия.

© О.А. Shaglanova

**Mongolian immigrants in modern Japan:
motivation and adaptation**

This paper considers some social and cultural practices of adaptation of Mongolian immigrants with different citizenships in Japanese society. Among these immigrants, there are different perceptions about both receiving and sending societies, which affect their adaptation practices in social and cultural life in Japan.

Keywords – immigration, Mongolian peoples, Mongolia, Inner Mongolia, Japan, Russia, China.

Монгольская иммиграционная среда является сравнительно немногочисленным и молодым социальным организмом в японском обществе. Однако она содержит разнообразные качественные характеристики и богатый исторический опыт, которые делят представителей этой среды на монголов Китая, монголов и бурят, выходцев, граждан трех стран – Китая, Монголии и России. В данной статье рассматриваются особенности их адаптации в японской среде и характер восприятия элементов чужой культуры и понимание своей национальной идентичности.

Монголы Китая и японская среда

Мотивацией для иммиграции у современных внутренних монголов выступают два основных взаимосвязанных фактора – представление о Японии как благополучной, экономически развитой стране и личный идеологический настрой иммигранта против современной политики Китая, все больше растворяющей национальные черты монгольской культуры в АРВМ.

Монголы Китая воспринимают Японию как страну, где им предоставляется возможность свободно выражать монгольскую идентичность, поддерживать через символические ритуалы национальную культуру и помнить без цензуры об историческом прошлом. В их настроениях присутствует стремление противопоставить свою монгольскую культуру полити-

ческой культуре Китая через адаптацию самих себя в японском обществе. И именно поэтому монголы Китая чаще всего настроены на постоянное проживание в Японии и пытаются найти способы для успешной адаптации в новом обществе. Кроме того, идеологические мотивы подталкивают иммигрантов к принятию радикальных решений – отказ от китайского гражданства и получение японского паспорта, смена китайского имени на японское. Такой тип иммиграции определяется западными социологами как конфликтная (conflict migration) и предполагает, что политический иммигрант (political refugee) не может легко и свободно вернуться в страну исхода [Bretrell, 2000: 99].

В свою очередь в принимающем обществе подобные примеры смены гражданства воспринимаются с пониманием и поддержкой. Японцы полагаются на конституционные права своей страны и считают, что они также должны защищать своих новых граждан:

«Теперь этот человек гражданин Японии. Его имя и паспорт японские. Если китайские власти будут его преследовать за его взгляды, японское правительство обязано будет вмешаться и защитит своего гражданина. Я считаю, что это очень важно поддержать своего гражданина за его идеи и взгляды» (японка, 32 года, Осака).

Один из известных японских монголоведов профессор К. Танака высказался следующим образом: «Внутренние монголы чувствуют себя ближе к японцам, чем к китайцам. Они считают, что японская традиция и язык, которые в свое время привнесли японцы во время оккупации Внутренней Монголии и существования государства Манчжоу-Гоу служат основой для того, чтобы противостоять китайской националистической политике. Японцы построили школы и учили японскому языку внутренних монголов до окончания японско-китайской войны в 1945 г. Поэтому внутренние монголы сохранили память о японском вторжении в Китай и культурном влиянии японцев на внутренних монголов, и этот факт рассматривается как положительный момент в их истории» [ПМА, 2011].

Собственная точка зрения внутренних монголов на актуализацию своей национальной идентичности в японской среде отражает стремление самоидентифицировать себя в чужом окружении:

*«У нас осознание себя как монгола происходит тогда, когда мы выезжаем из Китая. В Японии внутренние монголы начинают познавать свою культуру и обычаи, объединяются для проведения национальных мероприятий (внутренний монгол, 37 лет, Сендай).
«Наши монголы – уже не монголы, потому что все они китаизированы сильно, а в Японии они пытаются быть монголами или делают вид, что они монголы» (внутренний монгол, 43 года, Осака).*

Из контекста социальной поведенческой практики очевидно, что подобная саморефлексия монголов Китая является отражением внутригосударственной политики, развивающейся вокруг решения национального вопроса в Китае. Методы этой политики не позволяют выражать национальные чувства и поддерживать культурные ценности, в частности, внутренним монголам. Поэтому успешная адаптация в китайской культуре позволяет монголам Китая приобрести важные ресурсы для социально-экономического благополучия в существующей политической реальности. И, напротив, смена политической реальности и культурной среды позволяет монголам Китая восстановить свою национальную идентичность хотя бы для того, чтобы самоидентифицировать себя в чужом, сильно структурируемом и контролируемом поле японского социума. Теоретическое осмысление данной социальной практики усиления и уменьшения интенсивности этнического самосознания может рассматриваться как фактор включения и исключения в конкретное общество. Менее интенсивное выражение своей этнической идентичности в китайском окружении внутренними монголами служит базой для конструирования социального сцепления и верности данному обществу. В японском социальном окружении, напротив, необходимость выразить этническую идентичность может быть продиктована желанием самоопределиваться в новом окружении через дихотомию мы-они. О подобной практической функции этничности писал Р. Коэн, рассматривая этничность как комплекс включенных противопоставлений исключения и включения. ... Этничность – место и причина для поддержания дихотомии мы/они [Cohen, 1978:385].

В процессе социальной адаптации в Японии монголы Китая, численность которых составляет примерно 10 тысяч человек¹, оказываются в более благоприятном положении. Они приезжают в страну с определенным опытом изучения японского языка, с представлениями об историческом прошлом Японии и Внутренней Монголии, что позволяет им сформировать более реалистичный образ о стране и японцах. Более того, большую роль в жизни новоиспеченного иммигранта играют социальные сети, выстроенные предыдущими иммигрантами в принимаемом обществе. Хотя нельзя однозначно сказать, что социальный капитал у монголов Китая является мощной и влиятельной силой, как, например, сети китайцев и корейцев, проживающих в Японии. Однако, как справедливо заметил А. Портес, «социальный капитал в широком смысле подразумевает способность индивидуума распоряжаться скудными ресурсами на основании их членства в социальных сетях» [Portes, 1995:44]. Поэтому социальный капитал внутренних монголов позволяет им решить важные моменты при адаптации, включая и саму возможность приезда в Японию.

¹ Точное число внутренних монголов, проживающих в Японии, можно определить лишь по примерным подсчетам, поскольку в общей статистике они отражены как граждане Китая.

Так, например, для въезда в страну наиболее вероятным и относительно легким способом получения японской визы на длительный срок является прикрепление к учебному заведению. Как правило, монголы Китая устанавливают связи с преподавателями и профессорами японских учебных заведений через своих близких друзей, ближайших родственников и знакомых, которые уже проживают в Японии. Довольно часто встречаются воспоминания, характеризующие функциональность социальных сетей в решении этой проблемы: *«Мой брат помог мне найти руководителя в университете, и я смог приехать в Японию и поступить на курсы магистров» (внутренний монгол, 26 лет, Сендай). «Я помог моему земляку найти преподавателя и устроиться в первое время в Японии. Помог деньгами, которые он так до сих пор мне не вернул» (внутренний монгол, 45 лет, Осака).*

В повседневной жизни для монголов Китая характерно поддержание тесных контактов между собой: семейно-родственных, земляческих и дружеских. Именно эти тесные социальные связи, на наш взгляд, позволяют пережить социально-психологическую адаптацию в японском обществе. Халха-монголы высоко оценивают адаптационные способности внутренних монголов, подчеркивая не только их языковую подготовку, но и крепкие социальные сети, которые позволяют последним существовать в Японии без помощи государственных институтов и финансовой помощи из Китая и своей семьи.

Важным моментом является организация мероприятий, позволяющих самоидентифицироваться монголам Китая в японской социальной среде. Так, например, в Осаке монголы ежегодно проводят весенний праздник поклонения культу Чингис-хана, также в Сендае ежегодно проходит весенний национальный праздник. На этих мероприятиях демонстрируются основные атрибуты монгольской культуры: юрта, национальная борьба и танец орла, монгольская национальная одежда в модернизированных стилях, блюда монгольской кухни, игра на морин-хуре и исполнение песен.

Социокультурные сложности, переживаемые монголами Китая в период их жизни в Японии, воспринимаются в сравнительном аспекте с теми сложностями, которые они испытывали, находясь в Китае. Поэтому часто высказывания типа *«у нас нет выбора»*, *«мы вынуждены здесь жить»* или *«у нас нет родины, мы ее отдали китайцам»* становятся определяющими и мотивирующими жизнь в Японии.

Из опыта адаптации монголов в японской среде

Монголы представляют Японию прежде всего как высокоразвитую экономическую страну и их иммиграция в большинстве случаев определяется экономическими мотивами и рассчитана на приобретение определенного человеческого капитала.

По официальным данным Японской иммиграционной ассоциации, численность монголов, проживающих на территории Японии, существенно снизилась по сравнению с предыдущим годом (табл. 1).

Таблица 1
Численность монголов, проживающих на территории Японии

Год	Общая численность	Мужчины	Женщины
2010	4 949	2 122	2 827
2011	4 774	1 976	2 798

По половозрастным категориям по-прежнему преобладают иммигранты мужского пола в возрасте 20-24 лет, а женского в возрасте 25-29 лет. Если за период с 2008 по 2010 г. общая численность монголов постепенно увеличилась всего на 196, то после катастрофы 11 марта 2011 г. наблюдается резкое снижение иммигрантов, которое составило 175 человек (табл. 1). Основной отток приходится на студентов, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. Так, в 2011 г. (1 511 человек) число студентов сократилось на 167 по сравнению с данными 2010 г. (1 678 человек). Во все предыдущие годы отток и приток в этой категории мигрантов находились в плавном увеличении без резких скачков. Например, за три года (2008–2010 гг.) численность монголов со статусом «иностранный студент» (留学) увеличилась на 416. Прирост численности именно в этой группе монголов оказывал существенное влияние на монгольскую иммигрантскую среду в Японии.

Адаптация в японской среде не является важным аспектом жизни монголов, хотя основные культурные модели и язык также осваиваются активно. Социальные сети монголов развиты слабее и менее функциональны, нежели у внутренних монголов. Приезд в Японию может быть организован как через неформальные социальные сети, так и через официальные институты¹, которые финансируются японским правительством по линии программ поддержки развивающихся стран, где Монголия занимает одно из особых мест².

¹ Одной из главных правительственных организаций, обеспечивающих общественно-культурные связи Японии с Монголией, является Японское агентство по международному сотрудничеству (Japan International cooperation agency – JICA), офис которого появился в Улаанбаатаре в 1990 г. URL:<http://www.jica.go.jp/mongolia/english/activities/index.html>

² До установления в 1972 г. дипломатических отношений между Японией и Монголией первые межгосударственные контакты между двумя странами начали развиваться с 1957 г., когда были достигнуты соглашения о взаимной дружбе и сотрудничестве, в рамках которых активно развивались торгово-экономические взаимоотношения. Эти контакты двух восточноазиатских стран имели определенный успех и развитие, несмотря на то, что два государства принадлежали к разным политическим идеологиям, господствовавшим в то время в мире и экономика их базировалась на разных принципах. Япония всегда была заинтересована в развитии экономических отношений с Монголией и оказывала большую финансовую и техническую помощь, рассчитывая получить доступ к ее богатым природным ресурсам.

Официально история взаимоотношений между Японией и Монголией берет

Несмотря на вполне благоприятные внешние условия, которые мотивируют приезд в Японию через правительственные организации граждан Монголии, их адаптация сопровождается глубокими эмоциональными переживаниями. Вне зависимости от сроков пребывания в японском обществе монголы успевают испытать болезненные ограничения своей свободы, что выражается в осознании того, что физическое и социальное пространство вокруг них жестко контролируется хозяевами. Так, например, монголка, приглашенная по программе ЛСА, высказалась о своем ограничении свободы в Японии в следующих тонах:

«Наши условия вроде бы с одной стороны прекрасные – привезли за свой счет и поселили в общежитии и дали стипендию. Мы посещаем занятия и учимся у японцев передовым знаниям. Но все это подается нам так, что мы не чувствуем свободы, нам строго запрещено приглашать друзей в гости или ходить друг к другу в общежитии. Все наши действия контролируются и мы себя чувствуем изолированными от жизни. Я испытала стресс от отсутствия общения и культурный шок от японцев. Я приехала на два месяца и не могу дождаться, когда уезду домой, кажется, что я здесь нахожусь очень долго, и это место мне напоминает тюрьму, где трудно дышать» (халх-монголка, 28 лет, Осака).

Подобные переживания сохраняются и у тех, кто прожил длительное время в стране. Монгол, получивший докторскую степень по программе Джайка, описал собственные ощущения от проживания в условиях, предоставленных японцами:

«Я прожил здесь три года и очень устал от тотального контроля и давления со стороны японцев во время обучения в Джайке. Я не имею возможности сам что-либо делать по своему выбору, все решается японцами. Поэтому хочу быстрее вернуться домой и вздохнуть свободно. Я не чувствую себя свободным человеком здесь, жду-не дождусь, когда я уеду домой» (халх-монгол, 28 лет).

Существующая хронология официальных отношений между Монголией и Японией может лишь свидетельствовать о взаимоотношениях, основанных на экономических интересах двух стран. Восприятие монголами Японии строится на основе современных партнерских или экономиче-

начала с установления японско-монгольских двусторонних дипломатических отношений в феврале 1972 г. В рамках этого межгосударственного соглашения торгово-экономические интересы двух стран продолжают определять общую направленность международных взаимоотношений. (См.: Буянтогс. Монгол японы эдийн засгийн харилцаа, онгорсон ба одоо // Монгол-японы харилцаа: онгорсон ба эдугээ (XX зуун). Улаанбаатар, 2011. 123-133 н.).

ских взглядов и в этой иммиграционной стратегии Японии не рассматривается как место для постоянного проживания и реализации жизненных планов. Как правило, после определенного этапа накопления человеческого капитала монголы стремятся вернуться на родину и реализоваться в своей стране. Один из наших респондентов сообщил нам о своих планах:

«Я приехал сюда на деньги, которые дала мне моя семья. Сейчас я учу японский язык и еще изучаю экономику Японии. После завершения курса обучения я обязательно вернусь в Монголию и буду там применять все, чему меня научили здесь. Монголия сейчас развивается очень быстро и там есть большой потенциал для нас, чем жить в чуждой стране с чужими традициями. Я очень уважаю японцев, но жить в их стране я не собираюсь» (монгол, 24 года, Осака).

Для халх-монголов характерно стремление подчеркивать закрытость японского общества и сложность взаимоотношений между его членами. Поэтому весьма важным фактором, исключающим возможность адаптироваться в Японии, они считают традиционные модели поведения японцев, характеризующиеся эмоциональной сдержанностью и закрытостью, что не совпадает с собственными представлениями о коммуникативной культуре.

«Если ты идешь по улице, то не увидишь японцев, свободно и открыто выражающих свои эмоции. Они идут, как роботы, без эмоций, задавленные своими правилами и этикетом. Здесь долго жить невозможно, потому что у тебя начинается депрессия, многие покидают эту страну» (монголка, 45 лет, Осака).

Сложность социального пространства японцев и его физическая при-своенность и управляемость осознаются халх-монголами на разных уровнях социального поля. Так, столкнувшись с профессиональным сообществом японцев, монгол передал ощущение ограничения своей социальной свободы в японском обществе следующим образом: *«Как только ты приезжаешь в Японию, тебя забрасывают бумагами и подписями, правилами и ограничениями» (монгол, 35 лет, Осака).*

По сравнению с внутренними монголами халх-монголы определяют для себя более важным национальный праздник *Наадам*. Во время его празднования в Монголии в середине июля халх-монголы, проживающие в Японии, собираются за праздничным столом с семьей, друзьями и земляками. Кроме того, монголы активно участвуют в ежегодном монгольском весеннем национальном празднике в Токио.

Как мы уже говорили, основная часть монголов не рассматривает Японию как постоянное место проживания. По концепции временного пребывания (*concept of sojourner*) возвращение на родину является изначальной стратегией иммигранта, даже если возвращение часто отклады-

вается. Иммигранты приезжают с определенной целью – заработать денег, приобрести человеческий капитал, после достижения своих конкретных задач они возвращаются на родину для внедрения полученных денег и знаний в своей стране [Brettell, 2000: 100]. Вероятно, именно поэтому в среде иммигрантов из Монголии вопрос самоидентификации в японском обществе не переживается так остро, как в случае с внутренними монголами.

Буряты в японской среде

Буряты из России, Китая и Монголии заполняют по своей численности¹ небольшую часть иммиграционной среды монголов в Японии и вследствие разнообразия исторических судеб они демонстрируют разные адаптационные практики и взаимоотношения с принимаемой средой.

Существуют едва заметные устремления бурят, оказавшихся в Японии, объединиться в некое сообщество внутри монгольской иммиграционной среды. Для этой цели активно используются интернет-пространство и национальный новогодний праздник Сагаалган. Однако социальные сети между бурятами этих трех стран развиты слабее и менее функциональны в силу культурно-языкового барьера. Особенно отдалены от монгольской среды буряты из России, которые с момента адаптации в японской среде поддерживают контакты с русскоязычными иммигрантами.

Мне проще найти общий язык и взаимопонимание с русскими в Японии, чем с монголами или другими бурятами» (российская бурятка, 34 года, Токио).

Адаптационные практики в среде бурят России сопровождаются переосмыслением себя с позиции российской истории и далекого монгольского прошлого.

Мы являемся частью российской культуры и образования, нам европейский менталитет намного ближе, чем восточный. В особенности японский менталитет является чрезвычайно специфическим. Да, мы часть монгольского мира, история нас связывает с монголами, но сейчас мы совершенно отличаемся от монголов не только в языковом плане, но и культурой и менталитетом, поэтому я не могу сказать, что они мне ближе, чем россияне (российская бурятка, 36 лет, Токио).

Основной мотивацией для иммиграции российских бурят в Японию можно считать экономическую и культурную привлекательность этой

¹ По неофициальным данным, не более чем 100 человек, из них бурят из Монголии и Китая насчитывается не более 10.

страны, позволяющую рассматривать ее как благоприятную страну для приобретения человеческого капитала и определенного социального опыта. Как правило, для российской части бурят характерно восприятие японской среды через призму культурных моделей, которые они усвоили еще в России. Однако сложности адаптации в новой среде ведут к определенным разочарованиям и усиленной саморефлексии. Так, например, в среде российских бурят существует мнение о том, что японская культурная традиция напоминает восточнобурятскую культурную традицию.

Японцы очень сдержанны в выражениях эмоций и намерений, поэтому нам сложно понять, что у них на уме и о чем они не говорят в лицо. В большинстве случаев они не говорят конкретно, все оставляют в неясном и недосказанном виде, и это мне напоминает наших восточных бурят, которые редко выражают свои мысли открыто и твердо. В то время как мы, западные буряты или современные буряты, имея на себе влияние русской культуры, привыкли обсуждать проблемы открыто и прямо выражать свои эмоции (российская бурятка, 39 лет, Токио).

Монгольские и шэнэхэнские буряты, которых насчитывается единицы, активно включены в социальные сети монголов, внутренних и внешних, но при этом сохраняют стремление поддерживать связи с российскими бурятами. В среде монголов российские буряты воспринимаются совершенно оторванными от монгольского мира, что выражается порой в самых острых словах:

«Вы не знаете своего языка и забыли свою культуру, вы уже русские, не буряты. Вас нужно называть не буряты, а орос» (монгол, 56 лет, Осака).

По высказыванию профессора К. Танаки, «буряты были закрыты совершенно и потеряли всякую связь с монгольским миром во время советской идеологии. Бурятам нужно вернуть прежнее имя *Бурят-Монголия*, чтобы символически сохранять связь с остальным монгольским миром. В научном плане буряты были мало изучены монголоведами и ими занимались в основном русисты, сибиреведы. Но как о части монгольского прошлого о них мало кто писал в Японии. Японские ученые узнавали о бурятах через европейских исследователей. В сравнении с внутренними монголами буряты получили сильное влияние русской культуры, почти не знают языка. В Бурятии почти нет радиопередач и газет на бурятском языке, которые слушали и читали бы все буряты. Даже вывески самых обычных социальных учреждений не имеют названий на бурятском языке. Каждый народ должен сохранять свою независимость, чтобы сохранить свою культуру, иначе это будет судьба инородца в чужом политиче-

ском и культурном окружении, кем и являлись буряты в России» [ПМА, 2011].

В большинстве своем российские буряты являются временно пребывающими и не рассматривают Японию как свое постоянное место проживания. Однако среди тех, кто не решил этот вопрос, важными переживаниями становятся тоска по родине и именно эта причина, известная как концепция соудаве (saudade) [Brettell, 2000: 100], зачастую выталкивает их из японской среды. Важным пояснением для этого чувства у бурят, также как у других российских граждан, является разница менталитетов, которую они понимают как европейская – российская и восточная – японская.

Заключение

Сравнение разных групп монгольских иммигрантов, проживающих в Японии, позволяет нам говорить о существующей разнице в иммиграционных мотивациях и адаптации в новой среде. Неодинаково всеми воспринимается японская культура и собственная аутентичность в ней.

Для внутренних монголов социальные сети играют большую роль в приобретении иммигрантом социального капитала в процессе адаптации в принимаемом сообществе. Поэтому их социальное поведение встроено в структуру социальных сетей. Личные взаимоотношения среди акторов и встроены в структуру (embeddedness) являются основой существования, творчества и усиления социального капитала [Heisler, 2000:83]. В то же время социальные сети других групп иммигрантов не столь развиты и функциональны в силу разных причин – в бурятской среде отсутствует сама структура по причине их малочисленности и разобщенности вследствие разного происхождения.

Важным дифференцирующим моментом является прошлый исторический опыт, который у рассматриваемых групп монгольских иммигрантов существенно отличается и ведет к разному восприятию Японии. Если для внутренних монголов эта страна связана в первую очередь с историей военной оккупации и вследствие этого ее культурным влиянием в прошлом, то для монголов японские связи рассматриваются преимущественно в экономическом ключе, как возможность приобретения определенных ресурсов. Для немногочисленных российских бурят-иммигрантов привлекательность Японии заключается, также как у халх-монголов, в экономической мощи страны, но и немаловажным привлекательным фактором является японская культура.

Работа подготовлена при поддержке Японского фонда

Литература

1. Statistics on the foreigners registered in Japan. Japan Immigration Association (Зайрю: гайкокудзин то: кей -在留外国人統計入管協会 2011年東京日本). Japan, 2011.

2. Буянтогс А. Монгол японы эдийн засгийн харилцаа, онгорсон ба одоо // Монгол-японцы харилцаа: онгорсон ба эдүгээ (XX зуун). Улаанбаатар, 2011. 123-133 н.
3. Полевые материалы автора. Япония. 2011-2012.
4. Brettell С. Theorizing Migration in Anthropology // Migration theory. Talking across disciplines. Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. New-York; London, 2000. P. 97-135.
5. Cohen R. Ethnicity: problem and focus in anthropology // Annual review of Anthropology. Vol. 7. New-York, 1978. P. 379-403.
6. Heisler В. The sociology of immigration // Migration theory. Talking across disciplines. Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. New-York; London, 2000. P. 77-96.
7. Portes A. Economic Sociology and the Sociology of immigration: a conceptual overview // The economic sociology of immigration. New-York, 1995. P. 1-45.

Шагланова Ольга Андреевна – стажер-исследователь Японского фонда, Университет Тохоку, Япония.
Shaglanova Olga A. – Reseacher of Japan foundation, Tohoku University, Japan.

УДК 314.743

© **Kaneshiro Itoe**

Who is a ‘successful’ emigrant?
(Some notes about social differences among
the emigrant community in China)¹

This work reveals the social differences that immigrants’ ‘success’ bring to their native village in China. Author first illustrates the situation surrounding migration and then elucidates and analyzes the image of ‘successful’ immigrants in the eyes of native villagers as well as the code of conduct expected from these immigrants.

Keywords: emigrant, success, social differences, China.

© **Канеширо Итоэ**

Кто «успешный» мигрант?
(Некоторые заметки о социальной дифференциации
в эмигрантском сообществе в Китае)

Эта работа раскрывает социальные различия, которые привносит в родную китайскую деревню иммигрантский «успех». Автор иллюстрирует ситуацию вокруг миграции, освещает и анализирует образ «успешных» иммигрантов в глазах родной деревни, также как нормы поведения, ожидаемые от этих иммигрантов.

¹ This work is part of my paper «Stratification in cultural context: cased from East and Southeast Asia», which will be published (2013 March) in »Stratification and Inequality series» of the Center for the study of Social Stratification and Inequality, Global COE Program, Tohoku University, Japan.

Ключевые слова: эмигрант, успех, социальные различия, Китай.

1. Introduction

The purpose of this paper is to clarify the social differences that immigrants' 'success' bring to their native village in China. In order to do so, I first illustrate the situation surrounding migration in the surveyed area and then elucidate and analyze the image of 'successful' immigrants in the eyes of native villagers as well as the code of conduct expected from these immigrants.

At first, from the viewpoint of movement to the foreign countries, the people who living in South China is the highest move to the foreign countries than other people who living in China. South China is known as these areas make use of a geographical advantage to be near to the sea, and having performed overseas trade frequently for a long time. And, this area has traditionally been a region of major emigration abroad. Especially, Fujian and Guangdong have a lot of emigrant communities which called «qiaoxiang(僑鄉)» in Chinese.

To borrow Chen Ta's phrase, «emigrant community» is «an emigrant community ...means a community from which considerable numbers of persons have for some time emigrated, and continue to emigrate abroad, non-emigrant community is one where such emigration is rare» [Chen Ta 1939:4, note 3]. In addition to this definition, Watson regarded «emigrant community» as «villages that have a high rate of international emigration as opposed to internal or rural-urban migration» [Watson 1979: 1]. So the word «emigrant community» in here I use is same mean as Watson's view.

Past studies on emigrant communities in South-Eastern China have mainly focused on social change, identifying the impacts that immigrants have had on the traditional social structures of the emigrant community and the process of how village societies have responded to such shifts (for example, see Chen 1939, Watson 1995 [1975]). As expected, immigrants have had an enormous influence on village economy and society. These effects are evident in the changes in the economy and traditional social structures of farming communities (for example, Chen 1939). On the other hand, it was also noted that immigrants have become one of the forces maintaining the traditional social structures, and so called 'conservative transformations' (Watson 1995 [1975]) have been observed.

The enormous wealth brought to the homeland was one of the direct causes that led to these changes. In South-Eastern China during the period between the end of the Qing dynasty and the Republic of China, especially in the Guangdong and Fujian societies, restoring and maintaining shrines, graves and village infrastructure with one's own funds was an important means to elevate one's social prestige. This measure continues to be adhered to by the many immigrants who follow the same path today (1).

As we shall see through the discussion below, the influx of capital brought by the immigrants has changed the exterior look of emigrant community and contributed to creating an image of wealthy villages. However, when we look

at what is occurring inside such villages, especially at the individual and family levels, we can observe disparities particularly in the level of financial income among families who have dispatched immigrants in the same manner.

While living in the village, I had many opportunities to hear about the financial situations of different households, which also often suggested the widening financial divide between 'successful' and 'unsuccessful' overseas immigrants. However, the villagers themselves rarely spoke directly of or compared each other's income or assets. In fact, the villagers' conversations suggested that their focus was more on how the acquired assets were consumed. Wealth was expended according to the village's internal cultural code. Indeed, how the capital was used was an indicator in terms of the creation of a 'successful' immigrant image.

Based on this view, in this paper I illustrate how the wealth, acquired by the immigrants is consumed in the village's social life and then discuss how the residents attempt to differentiate themselves from others. To begin with, I present an overview of our survey area, Village X in Fuzhou City, Fujian Province, then explain the background of why Village X began to dispatch immigrants, their destinations and the various situations surrounding immigrants, such as immigration methods. Based on this, I'd like to offer a glimpse of the economic and social condition of an emigrant community, and then examine villagers' narratives about «successful emigrants» to explore how villagers conceive socio-economical gap.

2. Overview of the survey area

Fujian Province is located in the south-eastern part of China, bordering Zhejiang Province in the north, Guangdong Province in the southwest and Jiangxi Province in the west. Flat land is scarce in mountainous Fujian Province, but the coastal areas have flourished via domestic and overseas trading in the form of marine transport since the Song Dynasty. As farmland was limited, people did not hesitate to immigrate overseas to explore new opportunities when the population reached saturation point.

My survey area, Village X, is located in the township or zhen (鎮) T of Fuzhou City in the north eastern region of Fujian Province (Figure 1). Fuzhou City is the capital city of Fujian Province as well as its political and economic center. Fuzhou City is located in the coastal area and like many other cities, has flourished as a hub for marine transport trading. Village X is located near the mouth of Fujian Province's largest river, Min River (閩江). Village X has a population of 4,152 with 1,447 households (Editorial Committee of Zhen Journal of Village X 2010). However, this figure simply shows the number of people registered as residents. As most immigrants do not deregister when they go overseas, the number of residents actually living in the village would be much smaller. I estimate the number of villagers who actually reside in the village to be around 2,000 through my conversations with the villagers. The majority of the residents are Han people and most speak the local dialect, but they also understand a certain amount of the Mandarin.

Figure 1: Location of Fuzhou City

As described below, a large proportion of the residents of Village X have already left the village to work and live overseas or moved to other cities for job opportunities. The current population of Village X is mainly composed of the 'elderly', women, children and migrant laborers from the inner regions of China known as Waidiren (外地人)(2). The village is equipped with a post office and banks offering foreign currency exchange services. The post office even has a small electronic bulletin board at the front where villagers can check the current exchange rate for US dollars. It is not rare to see people exiting with a large amount of yuan, which is another indication that the villagers' livelihoods have a close relationship with overseas remittance funds.

Being surrounded by mountains on three sides, Village X was not an ideal location for agriculture with limited arable land. However, it had the advantage of being connected to the cities via rivers and developed itself as a hub for long distance trade from the end of the Qing Dynasty to the Republic era, while it also functioned as a market town servicing surrounding villages. From 1949 onwards, policies to increase farming productivity were introduced but failed to bring intended outcomes. Instead, most people relied on natural resources from the mountain and engaged in stone material processing. Today, we hardly see any business activities in the village. Some people raise livestock such as ducks and chickens for their own consumption and grow vegetables in small plots; however, these endeavors do not seem to be contributing to their income. In-

stead, the unemployed, mostly comprised of the 'elderly', are busy with their 'consumption' lifestyles, spending time gambling and working on their hobbies.

3. The immigrants' situation in Village X

As previously stated, Village X has dispatched many overseas immigrants since the 1980s. There are two types of immigrants recognized in Village X: 'immigrants based on legal measures' and 'immigrants based on illegal measures'. The latter in particular are known as *toudu* (偷渡), and while their destinations spread to various regions of the world, in this paper I focus on immigrants to the US.

While I was conducting interviews on immigrants in Village X, someone mentioned the phrase 'Going (to the US) is stupid but not going is also stupid'. When I inquired what this meant, they told me that it was ironic that those who choose to spend a fortune to travel overseas are only met with tough days of hard labor. Then again, those who do not go when everyone else is going would lose their face or *mei mianzi* (没面子). A lot of villagers choose *toudu* (偷渡) to go to the US.

According to many informants, the reason why the residents of Village X began to aspire to go overseas was largely to do with poverty and conditions in the surrounding villages at the time. Following the socialistic policies enforced by the Chinese Communist Party since the founding of the People's Republic of China in 1949, Village X introduced various policies aimed at increasing agricultural productivity. However, they did not achieve a significant result as land was limited to begin with. The focus gradually shifted towards stone material processing, but people's lives remained very tough. The informants who reflected on those days all said, 'we did not have any possessions or food. We raised any livestock and cultivated any crops we could think of. Still, our life was really tough'. Once the reform and open policy was introduced, people in the coastal area of Fuzhou region, including the *T zhen* (鎮) region, began migrating to developed countries such as the US, Japan and the EU.

Years later, as the funds acquired by migrant workers gradually returned home, the infrastructure of the village was upgraded and luxurious common facilities and houses were built, giving the village a modern look. When one visits the villagers, one can see that not only are most households equipped with electrical appliances such as televisions: most elders use mobile phones and many even own personal computers. A lot of the elders seem to be communicating with their children and grandchildren in the US via the Internet and spend their leisure time gambling, playing mah-jong and cards, watching TV and chatting on the street. Households comprised of only elderly members often hire helpers called *baomu* (保姆)(3) to do the household chores such as cooking and washing. This is why outsiders see the village as a 'wealthy village'.

4. Conditions for 'success emigrant'

When villager referred to «successful emigrants,» they seem to have certain measures of evaluation in their mind. The first determining factor is whether or not immigrants are financially stable. More specifically, have they repaid their travel expense debt and are they able to remit money back home? As we saw above, in many cases the purpose of immigration is to find means to alleviate poverty, so most villagers are not capable of saving the travel expenses themselves. In such cases, they borrow money from friends and relatives and repay the debt from the salary they get paid at their destination. Most people initially start off by working in China Town in New York City, and informants say that they can usually repay the travel debt within the first four years. Whilst repaying the debt, they start sending small sums back home once they begin accumulating surplus. The average sum or frequency of remittance in Village X is hard to grasp. Some seem to be making regular remittance while others send money only when it is needed for a particular purpose. The situation seems to vary on an individual basis.

The next important factor to take into account when determining whether or not the immigrant is successful is the immigrants' 'status'. When the villagers talk about immigrants, the presence or absence of a Green Card is the most frequently mentioned issue. Generally speaking, the residents of Village X immigrate through illegal measures, so they start off their lives in the US as illegal immigrants. Once they arrive in the US, they strive to achieve financial stability and to acquire a Green Card. Once they successfully acquire this certification, they can be freed from psychological and legal instability and as Shen indicates, the possibility of achieving financial security will increase as this brings many benefits such as greater occupational opportunities (Shen 2004). At the same time, the acquisition of a Green Card means that they can now return home. As explained later, the immigrants can show off their success on their first homecoming by inviting friends and relatives to a spectacular feast and offering various gifts.

A few years after acquiring a Green Card, immigrants can sit a test to obtain citizenship. Immigration of their families becomes significantly easier once they acquire US citizenship, so most people sit the test. When they successfully pass, not only do they acquire 'American citizenship', but also bestow a great honor on the family who has produced an immigrant of the highest 'status'.

5. Actions expected from a successful immigrant

As we have seen above, immigrants' success can first be confirmed through their financial stability and acquisition of status and it is considered ideal if their status allows them to return home or move without restrictions. From then on, there are a few actions that need to be taken to accentuate their success in the village. Let us now look at these measures.

5-1. The feast to be held upon their first homecoming

The immigrants who left the village between the 1980s and 1990s usually took more than five years to return home. Back then, they were not even sure if they would reach their destination safely. Therefore, news of safe arrival was greeted with great delight, worthy enough to take action such as the dedication of a theatrical play to the shrine. Also, when returning home, immigrants had to prepare various gifts in addition to paying for the return airfare. As returning home alone required large amounts of money, to be able to afford this was enough of an indicator to show that one had become fairly wealthy.

For example, Informant C (sixties, male) said:

When someone returned home in the 80s and the 90s, we used to have spectacular feasts. The immigrant himself acted as the host and invited friends and relatives to enjoy the reunion. He brought gifts from the US, such as Western liquor (whisky and wine) and tobacco. Sometimes cash was given out, not in yuan but, say, a \$100 note in a little envelope. But homecoming has become quite common by the 2000s, especially in the last five to six years. People no longer have special feasts at homes but they still invite friends and relatives to a restaurant in a nearby town and offer gifts. These days, they bring us American medicine and household goods.

We can see here that homecoming required lots of preparation and cost a lot of money. As this informant said, homecoming had become such a common event by the 2000s that people no longer went to the trouble of hosting a large feast at home. However, they still invited their close friends and relatives to restaurants or offered various gifts.

5-2. Home renovation

As Watson (1995) has pointed out, one of the immigrants' most clear-cut manifestations of wealth was home renovation. The renovated houses look different from the conventional style, arranged with a 'modern' and 'Western' design, and this trend goes for Village X as well.

Between the 1980s and the 1990s Village X underwent a construction boom. Those who accumulated wealth by working overseas raced to spend their assets on housing construction. Until then, houses in Village X were built of wood or bricks, but from the late 1980s to the 1990s, four to five story houses made of concrete, with colorful tiles on the exterior walls, were built one by one. The higher the house, the better it was. People also paid great attention to the interior design, which attracted the eyes of visitors and became a point of differentiation. Many of the houses I visited featured huge chandeliers at the entrance hall and a TV surrounded by sofas in the living room.

It is said that the immigrants themselves hardly ever return home to live in the luxurious houses. Instead they were usually occupied by family members left in the village, often the elderly couple or sometimes an elder by themselves, or they were left completely empty. Needless to say, it was not possible

for the elder generation to use all the space in the house by themselves, which meant a lot of the space simply remained closed. In many cases, the houses were maintained with outside help such as relatives visiting for regular cleanups or by casual cleaners. This is one of the facts that indicated that people were no longer trying to build a house to fulfil a comfortable and functional 'modern' lifestyle, but more as a symbol to show the level of success achieved by working overseas.

However, the trend of home renovation became obsolete by 2000 as more and more people began to choose to migrate to nearby cities. The reasons behind this migration requires further discussions, but people often cited purchasing an apartment in the city as an investment property given the soaring real estate values in the city area or being able to enjoy advanced services such as access to hospitals and schools. Even then, these people usually do not sell their old or renovated houses.

5-3. Donations and contributions to the shrine

Village X has a shrine that village members are deeply devoted to, especially the immigrants. Many pray for their safe journey and the success of their business before departing, and once their prayers are answered, they present offerings to thank the gods, often in the form of plays and movies.

Photo 1: play for the God

When a play is to be offered, the sponsor invites a theatrical company that specializes in this field and offer performances day and night. Prior to this, it is customary to post a notice, in red paper, on the village bulletin board indicating the details of the play such as who invited the company, when and for what reasons. Being able to enjoy a play is one of the very few entertainments available for the elderly in the village, so when the day arrives, they all flock to the theater.

The quality of theatre companies varies and so does the cost involved in inviting them. For example, if one wishes to invite a company from the provincial theatre school, it would cost about 10,000 yuan, but one may get away with spending 2,000 to 3,000 yuan for a local company. Given that the villagers are aware of the cost and quality of each company from their past experiences as audiences and knowledge gained from those who have actually invited companies in the past, the performance tends to have a significant influence on the appraisal of the host. Generally, it is regarded that the larger the audience the better, so the host often gets creative trying to attract more people to attend the play. Some may even add sentences such as ‘it is going to be really enjoyable so please make sure you come’ to the bulletin board. At the end of the day, when choosing the company, the hosts need to carefully balance the budget and the quality of the company in order to ensure attendance and to save face.

5-4. Contribution to public works projects

In Village X, the ‘Public Service Works Foundation’ (公益事業基金会) was established in 2000. It is an organization whose purpose is to accept donations from overseas immigrants and is managed by the board members of the Elders Society. ‘Public service works’ refers to projects that benefit the whole village such as the construction of public facilities or maintenance of roads. This is the most visible form of contribution to the hometown and such acts are often realized by individuals donating a large amount of funds. Let us look at the case of Mr. R, one of the most prominent overseas immigrants of Village X.

In 2011, the respect-for-the-aged facility opened a new section to commemorate its contributors, in celebration of its tenth anniversary (Photo 2). Here, the photos of the contributors are framed and adorned on the wall, each with the sum of donation stated at the bottom. The photos are laid out in the shape of a pyramid where the positions of the contributors are determined by the amount of donations – the higher the contribution, the higher the contributor’s photo. We can see from here how donation has become a representative tool to elevate one’s reputation in the village, as an individual’s prestige can be clearly recognized through this highly public display.

Photo 2: Recognition of the contributors through photo display

5-5. Lavish Funeral

The funeral has now become the most prominent occasion for the host to show off their wealth in Village X.

While conducting fieldwork in Village X, I once encountered a magnificent funeral procession featuring several bands and groups of dancers marching through the village (Photo 3). According to the villagers, from around the 1990s funeral processions of immigrant for burial became a trend, headed by bands and dancers, followed by families and attendees, and a large-scale feast was held after the burial.

Photo 3: Funeral procession marching through the village

From previous studies it was found that the basic structure of the funeral rites of Han people is generally uniform from death to the departure of the casket, but the ritual expressions seen in this process and those conducted at the burial and afterwards are quite diverse (Watson 1994). In the case of Village X, people obediently follow the legitimate ritual processes but also focus on how extravagant the funerals can become in areas where arrangements are allowed.

This can be observed most prominently in the feast following the burial. The family of the deceased who hosts the rituals usually invites 200–300 guests to the funeral. All guests are then invited to the feast held after the burial where they are treated with sumptuous food and gifts of household items such as oil, drinks, fruits and even cash. Here, wealth is consumed competitively. In the case of cash, it is common to give out 300–500 yuan per guest, but there are cases when USD 100 notes were handed out. People will start talking about the contents of the gifts and the amount of cash distributed straight after the feast and the more money spent at the feast, the more envious people become.

6. Conclusion

In this paper, I have reviewed the images and codes of conduct expected of ‘successful’ immigrants, as seen from the eyes of the residents left in the village. Now, let us review our discussion.

In Village X, financial stability and the acquisition of ‘legitimate status’ are highly valued as the basic conditions for immigrants’ ‘success’. In addition, it became evident that there are certain tools that manifest the ‘success’ of immigrants and these social acts can only be achieved by those who have fulfilled the basic conditions. In the case of Village X, the homecoming, the feast and home renovations were considered the barometers of ‘success’ in the early days of immigration from the 1980s to the 1990s. However, by the 2000s, such acts became outdated as homecoming became quite a common event and more people felt that buying a new apartment in the city was more profitable than renovating their homes in the village.

Provision of funds still continues today in the form of donations and offerings of plays to the shrine and donations to fund the village’s public service projects. Those who make donations are recognized through having their names engraved or having a color photo displayed in public. In other words, these acts of donation are methods to visibly elevate an individual’s social prestige through recognition in highly public open spaces.

In addition, the display of wealth, as seen in lavish funerals, has provided a new ‘contention ground’ for successful immigrants to boost social dignity in the village society. The mass consumption of wealth at feasts and through funeral processions are not only easy ways to gain recognition but also allow them to maintain their dignity for many years to come through talk and gossip in the village.

It is also characteristic that the various forms of displays of wealth are all targeted toward those who remain in the village. The methods of consuming wealth, essentially the ‘weapon’ at the contention ground, are based on the cul-

tural code shared within the village society and are regarded as indicators in the creation of a 'successful' immigrant image.

Furthermore, the series of phenomenon in the native village of China may be interpreted as the revival of accumulation and show of personal wealth that had once been denied by socialism. In other words, the social hierarchy that was equalized by the socialist policies is once again seeing disparities among the villagers who acquired the opportunity to elevate themselves financially through immigration. In this regards, it can be said that the quantity of wealth still remains an important factor in the manifestation of social status.

However, while there are successful immigrants who achieve their cultural ideals, there are also many 'unsuccessful' ones who fail to achieve their goals. In the interviews, the villagers hinted at the presence of immigrants who do not reach the villager's 'ideal'. In brief, these are people who do not conform to the conditions for success we have seen so far, that is, those who have not repaid their debts, have not begun remittance, have not acquired a legitimate 'status' and have not returned home. People rarely speak directly of these cases, but rumors about them often spread through the village. The disparity between the 'successful' and the 'unsuccessful' is clearly evident. I would like to end the discussion here by saying that the oligopoly of wealth may generate a renewed level of social differences.

Notes

1) This is reported collaterally, particularly in studies related to the 'revival' of the patrilineal group known as *zongzu* (宗族). For example, in recent studies, Fan (2002) reported how large sums of donations from powerful overseas immigrants and local magnates have been used to rebuild the shrine as the symbol of the *zongzu* and how they are contributing to the integration of the *zongzu*. Similar cases have been confirmed at the author's survey site.

2) *Waidiren* began to move into the area since the 1980s. They rent houses in Village X and work at nearby factories. Today, they form the major workforce when conducting festivals and ceremonies in the village.

3) 'Baomu' are usually women in their fifties and above and are from the surrounding farming villages. Some commute on regular basis and some live with their clients. The average monthly wage for the former is around 1,000 yuan and the latter is around 1,500 to 2,000 yuan.

Bibliography

Japanese

1. Chen T. (1939 (1939)), *Nanyō Kakyō to Kanton, Fukken shakai* (Southern Ocean societies and Guangdong and Fujian societies), Yukitake Sakae (trans.), *Mantetsu Tōa Keizai Chōsakyoku* (Mantetsu East Asiatic Economic Investigation Bureau, Tokyo).
2. Pan Hongli (2002), *Gendai tōnan chūgoku no kanzoku shakai: Min Nan nōson no shūkyō soshiki to sono henyō* (The religious organizations of Min Nan farming villages and their transformation), Fukyosha, Tokyo.

3. Watson J.L. & Rawski E.S. (eds), (1994(1988)), *Chūgoku no shi no girei* (The death rituals in China), Heibonsha, Tokyo.
(Death ritual in late imperial and modern China. University of California Press)
4. Watson J.L., (1995(1975)), *Imin to soūzoku: Honkon to London no Man shi ichizoku* (Emigration and the Chinese lineage: The Man Family in Hong Kong and London), Masahisa Segawa (trans.), Aunsha, Kyoto.
(Emigration and the Chinese lineage: the Mans in Hong Kong and London)

Chinese

5. Yanqing (2004) *Fujian new immigrant in United States-Case study on illegal immigrant in Fuzhou district in the 1990s*. World Ethno-National Studies Vol. 1: 53-59, the institute of Ethnology and Anthropology, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing.
6. Editorial Committee of Zhen Journal of Village X (2010) *Journal of Village X*. Fujian People's Publishing House, Fujian.

Итоэ Канеширо – аспирант, Центр северо-восточных азиатских исследований, Япония.

Itoe Kaneshiro – Ph.D. candidate, Center for Northeast Asian Studies. Japan.

УДК 314.72

© М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов

**Миграционные процессы XXI в. в постсоветском пространстве:
традиция как выталкивающий фактор***

Современное состояние миграционной ситуации в России характеризуется возрастающей активностью движения населения из стран ближнего зарубежья, в частности из бывших республик Средней Азии, в направлении Сибири и Дальнего Востока. В Бурятии увеличивается число мигрантов из Кыргызстана, в связи с чем возникает важный вопрос – чем обусловлена миграционная активность граждан, в частности, Кыргызстана? Исследование явления трудовой миграции в антропологическом ключе позволяет осуществить исследование социальной действительности, на фоне которой и формируются миграционные настроения граждан Кыргызстана.

Ключевые слова: миграционная активность, фактор, традиция, кыргызы, Бурятия.

© М.М. Sodnompilova, B.Z. Nanzatov

**Migration processes in Post-Soviet space:
tradition as a extrusive factor**

Current status of the migration situation in Russia is characterized by increasing activity of population movement from neighbor countries, particularly from the

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-01-00495а.

former republics of Central Asia in the direction to Siberia and the Far East. In Buryatia, number of migrants from Kyrgyzstan increases. And important question – what caused the migration activity of citizens, particularly from Kyrgyzstan? Study of the phenomenon of labor migration in the anthropological way allows the social reality research, which forms migration attitudes of Kyrgyzstan citizens.

Key words: Migration activity, factor, tradition, Kyrgyz, Buryatia.

Для большинства семей трудовых мигрантов из стран/республик бывшего Советского Союза стала уже устоявшейся такая реальность – люди трудоспособного возраста зарабатывают деньги в России а их престарелые родители живут на родине, опекая внуков и получая деньги на их содержание, обучение, выплачивая кредиты. Но экономический фактор далеко не всегда является главным в мотивах миграции граждан из ближнего зарубежья и, в частности, из стран Средней Азии. В данной статье будет сделана попытка вскрыть и представить «границы» пространства экономических потребностей отправляющего сообщества на примере Кыргызстана.

Население Кыргызстана в демографическом отношении молодое: 39% составляют дети и подростки, 51% – лица трудоспособного возраста (где большую часть составляют молодые люди до 30-летнего возраста) и 10% – лица старше трудоспособного возраста. Проведенный кыргызскими исследователями анализ внутреннего рынка труда показывает, что за последние годы рост численности населения в трудоспособном возрасте в 1,5 раза превысил рост занятости. При этом естественный прирост трудовых ресурсов происходит за счет вступления в трудоспособный возраст молодых людей. Ежегодный прирост трудоспособного населения в ближайшие годы сохранится на уровне 75-80 тыс. чел.¹. А это означает, что спада миграционной активности в ближайшем ожидать не стоит.

Экономическое процветание=щедрость является доминантой жизненной стратегии народов исламских регионов, в традиции которых гостеприимство – главный маркер национальной культуры. С этих позиций общество Кыргызстана не является исключением. Как отмечают Н. Шахназарян и Р. Шахназарян, исследовавшие особенности экономических практик кавказских народов, *экономическое процветание* – это ценность и добровольная обязанность, поскольку означает включенность в структурные обмены. Эта включенность характеризует члена общины как «нормального», доказывая его *витальность*. *Щедрость* выступает как один из ключевых ингредиентов кодекса доминантной маскулинности, поскольку подтверждает экономическую состоятельность (добытчик), жизнеспособность мужчины².

¹ Джаманкулов Э. 2006 – февраль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060319000219679>

² Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умаслить, отблагодарить»: курсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах / *Laboratorium* 2010. – № 1:50. – С. 72.

В кыргызском обществе стремление соответствовать социальным ожиданиям выражает каждая семья. Английский антрополог Мадлен Ривз приходит к выводу, что очень важное место в мотивах трудовой миграции в Россию занимает престижная экономика. Она особо выделяет из всех экономических практик «ритуальную экономику», под которой подразумевается финансовое обеспечение наиболее важных в жизненном цикле социума событий, требующих обязательного участия общества, сопровождаемых обрядами и празднествами (тоями). Это свадьба, юбилей, рождение ребенка (бешек той), обрезание сына (суннот той), похороны. Проведение такого рода мероприятий требует больших затрат. «В Таш-Булаке и окрестностях издержки на подобные мероприятия часто исчисляются в головах скота или каких-то разовых крупных покупках. Отвечая на мой вопрос касательно размера суммы, затраченной на свадьбу ее дочери, 50-летняя Арапат выразилась просто: «На это ушла одна машина» (бир машинага кетет). Вступление в брак легко поглощает заработок нескольких лет, показывая, что в семьях молодые мужчины, идущие на это, умеют зарабатывать деньги»¹.

Одним из самых ключевых, необходимых и дорогих элементов ритуальной экономики являются похороны. Строгое соблюдение погребальных обрядов – долг каждого мусульманина². Это наиболее важное в контексте демонстрации престижа событие. На похоронах семья или группа родственников показывает обществу свои достоинства и недостатки, демонстрирует свои финансовые возможности. Все, кто приходит почтить память усопшего, особенно старики, внимательно следят за соблюдением правил, запретов, обычаев и выражают свое неудовольствие, если что-то было сделано не так. «Похоронить нужно так, чтобы не хуже, чем у других, было, чтобы потом никто ничего не говорил. На похоронах полагаются всем мужчинам, которые присутствовали при погребении, выдать носовые платки или небольшие полотенца, женщинам тоже дают полотенца или салфетки, а вот на похоронах соседа, почему-то платки не раздавали. Мяса, конечно, было много – лошадь и корову забили на поминки, как и положено. Но мясо не доварили. Никто его есть не стал. Это что? Это – пренебрежение к памяти отца и неуважение к обществу»³.

По существу, задумываться о собственных похоронах начинают задолго до смерти – даже высокую рождаемость в кыргызских семьях информанты объясняют тем, что многочисленным потомкам будет легче в будущем разделить бремя затрат на родительские похороны. Как отмеча-

¹ Мадлен Ривз: По ту сторону экономического детерминизма – микродинамика миграции из сельского Кыргызстана. – 2009.20.11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258712400>

² Корни Каракалпакии «Память не подвластна времени». – 03.12. 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://nukus-memory.ucoz.ru/index/musulmanskij_obrjad/0-28

³ Из архива авторов: информант, Аксуйский район, Иссык-Кульская область, Кыргызстана.

ет К.Э. Джамангулов, смерть на «чужбине» страшит сегодня многих киргизов: «Несмотря на грубую трансформацию киргизского жизненного уклада, общество не перестает пребывать во власти традиций и обычаев. Особенно ярко это прослеживается в проведении похорон, свадеб, построении отношений с родственниками. Каждый киргиз подспудно знает, где он будет похоронен и кем оплакан в день его памяти. Для киргизов добрая память о себе очень важна»¹. Любой киргиз, по представлениям современного киргизского общества, должен быть похоронен у себя на родине, даже если он и прожил большую часть своей жизни в России, где живут его дети, супруга (хотя эта традиция противоречит канонам ислама). Погребение киргиза на чужбине – исключительный случай, который не могут припомнить информанты, проживающие, в частности, в Бурятии. Даже если у родственников умершего нет финансовой возможности привести из России тело, им обязательно помогут земляки, которые считают своим долгом похоронить киргиза на родине.

Добрая память о человеке выражается по-разному. Например, в погребальных сооружениях. Киргизские кладбища поражают своими роскошными памятниками, некоторые из них представляют собой усыпальницы, сделанные из мрамора. Оформление места погребения – это тоже возможность продемонстрировать свои финансовые возможности. *«Кто богаче и круче – у тех и надгробные памятники шикарнее. А что мертвым? Им все равно. По шариату вообще запрещается ставить всякие памятники на кладбище, так как кладбища со временем могут вновь использоваться под сельхозработы»*².

В целом в любой религиозной традиции, за исключением буддизма, существует лазейка, через которую может проявиться стремление общества продемонстрировать свой материальный достаток, высокий социальный статус. Погребально-поминальный обряд в свете подобной цели является наиболее показательным. В культуре разных народов, исповедующих ислам, помимо традиции возведения дорогих надгробных памятников имеют место и другие возможности «показать» достаток семьи. Так, например, на Кавказе, «если умерший был состоятельным человеком и не оставил после себя долгов, то его тело обязательно покрывают тремя кусками ткани. Материя должна соответствовать материальному достатку того, кого хоронят, – в знак уважения к нему. Если умерший был несостоятельным человеком, обязательное условие – покрыть тканью все тело. Тело умершего можно покрывать использованной тканью, но лучше, если ткань новая»³. Вполне ожидаемо, что любая семья, какой бы бедной она ни была, не пожелает покрывать покойного дешевой тканью, стараясь

¹ Джаманкулов Э. 2006 – февраль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060319000219679>

² Из архива авторов: информант, Аксуйский район, Иссык-Кульская область Кыргызстана

³ Корни Каракалпакии «Память не подвластна времени». – 03.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://nukus-memory.ucoz.ru/index/musulmanskij_obrjad/0-28

удерживаться в русле регламентированных религией и поддерживаемых обществом правил.

Ответной реакцией общества на демонстрацию материального достатка является уважение, возвышение семьи по лестнице социальной иерархии, а это стоит того, чтобы до изнурения работать в России. Информант исследовательницы Мадлен Ривз¹ объясняет необходимость проведения этих праздников актуальностью традиционных общественных норм, правил, ревитализация которых отмечается в Кыргызстане: «На нынешних праздниках (той), – объяснял Жениш, – люди смотрят не только на то, какие угощения подаются. Их интересует, как отремонтирован твой дом, что в нем есть, какие вещи тебе удалось привезти [из России]». «А если вообще не делать той?» – спросила я. «Это будет означать уят», – отвечал Жениш, используя понятие, обозначающее одновременно негодование, стыд и отступление от общественных приличий. Действительно, как отмечали некоторые из моих собеседников, именно «инфляция» расходов, связанных с ритуальными торжествами, удерживает молодых людей в России на протяжении большей части года. Вот высказывание старика из Баткена: «Они весь год без устали работают в России для того, чтобы потом собрать на праздник всех, а также пригласить лучшего певца! Когда люди возвращаются назад, им хочется, чтобы их дом посетили все, они желают, чтобы все видели: они уезжали, но теперь, вернувшись, могут позволить себе устроить настоящий той. Так они показывают, что не зря ездили туда». С точки зрения носителей традиционных ценностей, к достатку и благополучию, собственно, для того и надо стремиться, чтобы актами щедрости возвращать себе доброе имя (равнозначно – инвестировать в социальный капитал), вызывая одобрение мира-окружения. Согласно перлам фольклорного творчества, стратегии щедрости способны ломать и социальную иерархию, открывая дополнительные лазейки для социальной мобильности².

Жизнь в обществе, в котором сохраняют свои позиции и даже усиливаются традиционные механизмы социализации и контроля, а престижная экономика является обязательной и неотъемлемой частью повседневности, делает задачу накопления материального достатка сложной. Необходимость сохранения статуса уважаемого человека подразумевает строгое соблюдение традиционных норм и правил, выработанных в традиции общества и, следовательно, обязывает членов общества принимать участие во всех значимых праздниках, мероприятиях – юбилеях, свадьбах, похоронах и т.д. – это та *проблема, которая мешает копить деньги, когда*

¹ Мадлен Ривз: По ту сторону экономического детерминизма – микродинамика миграции из сельского Кыргызстана. – 20.11.2009 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258712400>

² Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умаслить, отблагодарить»: курсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // *Laboratorium*. 2010. №1: 50 – 72.

*живешь в Киргизии»*¹. Отказ от участия невозможен – это вызовет обиду, чувство оскорбленного достоинства, пойдет молва. С этой точки зрения, трудовая деятельность в другой стране позволяет мигранту копить заработанные деньги, не расплескивая их на празднества. Хотя мигранты, находясь за рубежом, чаще всего тоже находятся в кругу родственников и земляков, масштабы празднеств на чужбине значительно уступают по расходам «домашним» торжествам. За рубежом, вдали от Родины реализуется один из стандартов двойной экономики домохозяйства – рутинный, повседневный, бережливый, противоположный другому стандарту, который осуществляется дома, – праздничному, расточительному, ориентированному на внешнего ценителя.

Стремление каждого кыргыза отвечать высоким стандартам, выдвигаемым обществом, приводит к тому, что на родине мигрантов соревнование между семьями, стремящимися показать свой достаток, только наращивает обороты – свадьбы и юбилеи проводятся все расточительнее и пышнее. Общество озабочено только тем, как отметить праздник «покруче», где найти денег на юбилей или иное мероприятие – в ход идут средства, заработанные тяжелым трудом за границей, люди влезают в долги, занимая у родственников и знакомых, оформляя кредиты. Такое положение в стране уже не в первый раз привлекает внимание правительства: очевидно, сам уставший от череды всевозможных праздников премьер-министр Кыргызстана Жанторо Сатыбалдиев предложил ввести временный мораторий на праздники и повысить налог для увеселительных заведений страны² на осенне-зимний период, когда обычно и справляются свадьбы:

- «Необходимо ввести мораторий на банкеты и тои на 2-3 года. Проведение затратных праздничных мероприятий и застолий косвенно влияет на бюджет страны. Или взимать с организаторов налоги», – сказал Сатыбалдиев, выступая на заседании парламента.

Депутат Максат Сабиоров поддержал премьера, но усомнился, можно ли будет реализовать это предложение: «Наверное, на правительственном уровне можно будет запретить проведение различных юбилеев и пышных мероприятий. Но сможем ли мы остановить банкеты? Тои вошли в традицию нашего народа, ни одно мероприятие кыргызов не обходится без праздничного застолья».

Данная тема уже не первый раз поднимается в стенах парламента. И в отдельных городах и районах акимы своим решением ограничили проведение пышных свадеб и поминок. По неофициальным данным, кыргызстанцы тратят на проведение свадеб, поминок и других мероприятий более \$1 млрд в год³.

¹ Из архива авторов: информант, г. Каракол, Иссык-Кульская область, Кыргызстан.

² В 2012 г. места в ресторанах уже забронированы до конца февраля 2013 г.

³ Вести содружества – 2012 – ноябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://gpnews.ru/politics/434281-premer-kyrgyzstana-predlozhit-vvesti-moratoriy-na>

Безусловно, проведение таких масштабных по количеству гостей и потраченных средств празднеств сложно признать с полной уверенностью наследием древних обычаев кыргызского народа. Основной целью современных праздников стала демонстрация своего благосостояния и возможностей заработать это благосостояние. Даже печальные события, такие как похороны, облакаются в оболочку бахвальства, демонстрации своего превосходства над соплеменниками. В связи с этим современные пышные тои вполне обоснованно можно включить в число «новых» традиций кыргызов, которые основываются на финансовой базе трудовых миграций.

Для определенного слоя кыргызского общества – молодежи – традиционные устои выступают своеобразными жесткими рамками, ограничивающими свободу мысли и действий. Современный представитель молодого поколения Кыргызстана, преимущественно житель сельской глубинки, у которого нет перспектив состояться в качестве успешного человека на своей малой родине, ориентирован на миграцию задолго до окончания школы – либо поэтапную (первоначально на отъезд из родного села в райцентр, затем в Бишкек и далее), либо прямую – отъезд из страны. Образовательный уровень представителей молодого поколения очень низкий, с этим фактом соглашаются и официальные лица. *«Я замечу, что образовательный уровень наших мигрантов в большинстве своем недостаточен. К сожалению, это уровень средних школ сельской местности. Некоторые практически не знают русского языка и им в России вообще делать нечего. Поэтому наша трудовая миграция и занимает самые низкие слои трудовой иерархии»*¹.

Несмотря на множество существующих проблем, молодые люди адаптируются к этим сложным условиям. Возраст мигрантов и связанный с ним личностный потенциал позволяют компенсировать им непомерные физические, психологические и моральные нагрузки, получаемые в ходе трудовой миграции. Мотивируя свой отъезд в Россию перед своими родственниками необходимостью заработать деньги, многие молодые люди ожидают от своей поездки и реализации иных интересов. Это не только желание увидеть мир, но и возможность выйти из-под строгого контроля старшего поколения, окунуться в жизнь большого города, завязать знакомства с девушками, почувствовать легкость свободных, ни к чему не обязывающих отношений. Как показывают наблюдения в Бурятии, молодые люди из Средней Азии редко проявляют инициативу в знакомствах – в каждом городе можно встретить девушек, не обремененных высокими моральными принципами, которые сами предлагают и дружбу, и кров, и уход. Было бы глупостью со стороны мигрантов, как правило, нуждающихся и в жилье и во внимании, отказаться от таких отношений.

pyshnye-bankety.html

¹ Нур Омаров, Досмир Узбеков. Отток трудоспособных граждан из Кыргызстана – прямая угроза национальной безопасности страны. – 2006. – 31.10. [Электронный ресурс]. URL: msk <http://www.fergananews.com/article.php?id=4674>

По-другому складывается жизнь молодежи, попадающей в Россию по родственным и земляческим каналам. Они изначально оказываются под опекой старших, которые не позволяют им отлынивать от работы, увлекаться противоположным полом. Старшие родственники или земляки считают своим моральным долгом нести ответственность за вновь прибывшего, поэтому они оказывают посильную помощь в адаптации мигранта на новом месте, если нужно наказывают, регулярно отчитываются перед его родителями или родственниками, оставшимися на родине. Ответственность перед родней новичка распространяется и на родственников того, кто пригласил либо привез с собой новоиспеченного мигранта на заработки. Один из информантов, вернувшийся из России на родину насовсем, отмечал, что именно такая ответственность доставляла ему больше всего хлопот: *«Когда я жил в России, – все время на нервах был. Больше всего устал от своих. Я за старшего был и всегда наши земляки ко мне шли со своими проблемами – то у них товар отобрали, то ограбили, то избili, могли среди ночи прийти. А я как главный должен был нести ответственность за своих, а что делать, как откажешь. Потом приедут на родину и будут говорить – Курманбек такой сякой, не мог!»*¹.

Большинство молодых людей Кыргызстана не видят или не хотят видеть возможностей для самореализации в своей стране, хотя бы потому, что уже по сложившимся представлениям, Россия – это огромная и очень богатая страна и там можно найти фантастические заработки, каких никогда не заработаешь на родине. Съездить в Россию – уже престижно, сам факт того, что человек отважился на такой шаг, повышает самооценку и вызывает уважение со стороны общества. Поэтому для молодых кыргызов выехать на заработки в другую страну – это необходимый этап социализации, своего рода инициация, после прохождения которой молодой человек становится самостоятельным. Миновать этот этап в своей жизни большинство молодых кыргызов не может.

Таким образом, можно говорить, что экономическая потребность, лежащая в основе миграционной активности населения Кыргызстана, – понятие неоднозначное и содержание этого понятия у разных семей различаются от ее нижнего уровня с определениями «жизнь за чертой бедности»/«прожиточный минимум» до верхнего уровня, представленного маркерами «благополучие»/ «богатство и уважение».

¹ Из архива авторов: информант, г. Бишкек, Кыргызстан.

Литература

1. Джаманкулов Э. 2006 – февраль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060319000219679>
2. Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умаслить, отблагодарить»: дискуссии об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // *Laboratorium*. – 2010. – № . – С. 50 – 72.
3. Нур Омаров, Досмир Узбеков. Отток трудоспособных граждан из Кыргызстана – прямая угроза национальной безопасности страны – 31.10. 2006. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=4674>
4. Вести содружества. – 2012. – Ноябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://gpnews.ru/politics/434281-premer-kyrgyzstana-predlozhl-vvesti-moratoriy-na-pyshnye-bankety.html>
5. Мадлен Ривз: По ту сторону экономического детерминизма – микродинамика миграции из сельского Кыргызстана. – 20.11. 2009. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258712400>
6. Корни Каракалпакии «Память не подвластна времени» – 03.12. 2012. – [Электронный ресурс]. URL: http://nukus-memory.ucoz.ru/index/musulmanskij_obrjad/0-28

Содномпилова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМБТ СО РАН.

Нанзатов Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМБТ СО РАН.

Sodnompilova M.M. – PhD, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, RAS (Ulan-Ude).

Nanzatov B.Z. – PhD, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, RAS (Ulan-Ude).

УДК 325 (517.3)

© **Kh. Mendsaikhan**

Immigration Policy in Mongolia (1921–1940)

This article deals with the evolution of the Mongolian immigration policy from 1921 to 1940. Author traces the changes in the rules of admission and naturalization of migrants. Attracting considerable amount of archival material and historiography, the author traces the changes in the rules and laws that gave the right to citizenship, focusing on mixed marriages and registered immigrants from Buryatia, Inner Mongolia and Tibet. Furthermore, the author makes a comparison of the Mongolian immigration laws with international immigration law.

Key words: immigration policy, immigration law, Mongolia.

© **Х. Мендсайхан**

Иммиграционная политика в Монголии (1921–1940)

Статья посвящена эволюции монгольской иммиграционной политики в период с 1921 по 1940 г. Автор прослеживает изменения в правилах приема и натурализации мигрантов. Привлекая значительный массив архивных материалов и историографии, автор прослеживает изменения в правилах и законодательных актах, дававших право на получение гражданства, заостряя внимание на смешанных семьях и незарегистрированных иммигрантах из Бурятии, Внутренней Монголии и Тибета. Кроме того, автор проводит сравнение монгольского иммиграционного законодательства с международным иммиграционным правом.

Ключевые слова: иммиграционная политика, иммиграционное право, Монголия.

During the period from 1921 to 1940, Mongolian immigration laws and regulations for people of Mongolian descent or foreign nationals were revised and improved. This meant that regulation of immigration received important and improved legal grounds. Thus, it is clear that the Mongolian Government solved crucial problems related to the future of thousands of people. Undoubtedly, dealing with the immigration issues was an important factor showing Mongolia as an independent country as far as immigration laws and regulations are concerned. For example, Mongolia solved immigration problem of the Buryats through negotiations and conclusion of a treaty with Russia. It was stated in the law that those immigrants who lived as a family in Mongolia for at least five years or lived in Mongolia 10 years in total may apply for citizenship.

However, until now, Mongolia has not developed and passed any laws and regulations on immigrants leaving in Mongolia. This can have some disadvantages for the national security.

It was crucial for the Mongolian Government to make up and enforce legal grounds for regulating repatriation of Mongolian ethnic groups and immigration of foreign nationals in Mongolia

Many Mongolian ethnic groups were returning to Mongolia after its declaration of independence in 1911, and thanks to Mongolia's National Harmony Policy. For instance, right after the Mongolian independence in 1911, seven counties of Altai Urainkhais repatriated to Mongolia. Kazakhs, who moved into Mongolian territory (Khovd area) and settled there from the second half of nineteenth century onward, were subjects of the Manchurian Qin Dynasty until 1911 and then subjects of Bogd Khaan's Mongolia between 1911 and 1921. Likewise, Torguts, who were subjects of Amban of Khovd since their submission to the Qin Dynasty in 1771, were subjects of Mongolia since 1911 [1].

According to Mongolian State Archive documents, 30.000 people or over 500 families moved in and became subjects of Mongolia from various Banners and Counties of Inner Mongolia in 1912. [2] Then more than 200 families in 1916 and 500 Barga families[3] in 1919 became subjects of Mongolia. Moreo-

ver, Erdene Pandit Geshe and Tsorje Lama Jigmeddanzanjamts of Uzemchin County of Shiliin-gol Province of Inner Mongolia followed by their disciples moved to Mongolia and requested to be subjects of Jetsundamba. Since they had lived in Khalkha Yeguzer Khutagt's Monastery for six years, their request was granted and confirmed [4] on 13 May 1921. Thus, the conception of securing the independence and harmony of the nation favored from 1911 has continued after the national democratic revolution of 1921. In this way, dealing with the immigration issue, which is the topic of the following paper, went on.

Mongolia made its request to the Soviet Union to give back Tagna Uraikhais together with their land, which was seized by Imperial Russia, and to make Buryats, who were Russian subjects, Mongolian subjects as Buryats themselves wished [5] during the friendship treaty between Mongolia and Soviet Union concluded in November 1921.

It was the main topic of the Mongolian People's Party's Second Great Khural to allow those Buryats, Torguts, Inner Mongolians and Barga as well as other Mongolian ethnic groups to immigrate to Mongolia and make them Mongolian subjects forever. By doing so they would be incorporated into the Mongolian culture, if they, themselves wished to. At that time, the Mongolian population was very small, financially poor and the state power was not strong enough while the territory was large.

Thus, it is very clear that the newly established Mongolian People's Party and its government enforced certain decisions and orders and took some steps towards reuniting ethnically and confessionally close Barga, Inner Mongolian and Urainkhai people.

The reports of the Mongolian People's Party's Central Committee during the Third Great Khural of Mongolian People's Party held in 1924 stated about Inner Mongolia and Barga,

«The Important Objective of our Party is to establish relations and communications with those numerous Mongolian ethnic groups and reunite all Mongolians. But we still do not have relationships and communications with Barga, Inner Mongolia and Uriankhai. These are part and parcel of our religion and ethnos... so, it is important to enforce a special order statement to intensify the relationships and communications; and to reunite them... to try to reunite them.» [6].

However, according to the historical documents, this was much more difficult to carry out in real life.

In 1924, the Tagna Uriankhai people revolted against the revolutionary regime that was imposed on them by the Soviet Union and the Comintern and against the oppression of the local Russians. They made a very clear request to repatriate to Mongolia. The Soviets ruthlessly crushed this uprising [7]. At the same time, the Mongolian Government solved immigration issue of those people to a certain extent.

According to the registration book of Buryats, preserved in the National Archive of Mongolia, the Mongolian People's Government accepted the request of over 15.800 Buryats (or 4.000 families) from Russia during the years

of 1923-1924. Not only did Mongolia accept them as Mongolian subjects, but also the Mongolian Government organized them as a separate county in its new administrative division. Moreover, 18.322 Buryats or 5.162 families became Mongolian subjects in 1925 [8].

Furthermore, we will mention some statistics on the Buryats, who requested to be subjects of different counties of Mongolia in 1926-1929: 142 Buryat families[9] in Bogd Khan Uul Province in 1926, 46 families on 12 March of the same year in Bogd Khan Uul Province's Noyon Uul and Khutag-Undur Uul Counties, 54 families[10] in Khan Khenty Province, 111 families[11] who applied for citizenship in Khutug-Undur Uul County of Bogd Khan Uul Province, 45 families in Zuunburen Khan Uul County, 60 families in Onon gol County of Khan Khenty Uul Province, 208 families in Ulz Gol Buryat County, 139 families in Khalkh Gol Buryat County, 262 families in Onon Gol Buryat County, 52 families in Kherlen Gol Buryat County, 52 families in Bulgan Khan Uul County, 17 families in Ikh Tushig Uul County, 57 families in Yuroo Gol Buryat County, 18 families in Zuunburen Khan Uul County, 39 families[12] in Ulaanbaatar administration, 27 families[13] in the town of Altanbulag; 45 families in Kherlen Gol County of Khenty Uul Province and 14 families[14] in Yuroo Gol County in 1927; 74 families in Khan Khenty Province in 1929. All of them were registered as Mongolian subjects. [15] Moreover, 566[16] persons or 111 Barga families from Khulunbuir made their request to be subjects of Mongolia and they were granted citizenship.

Thus, around 10.575 Buryat families became subjects of Mongolia between 1923 and 1929.

However, the total number of Buryats in Mongolia greatly decreased due to the Political Suppression of 1939. As a result, the Buryats made up the meagre 3.1 per cent of the Mongolian population by 1940.

Nevertheless, the Mongolian Government had taken certain steps towards improvement of the living standards of Mongolian ethnic minorities.

For example, in April 1925 the Mongolian People's Government accepted an officially sealed written request from a part of the Altai Torguts to become subjects of Mongolian People's Republic. The Mongolian People's Government made those Torguts exempt from any type of taxes and customs duties until 1927 and cancelled their loans [17] made when they were subjects of a foreign country in recognition of their poverty. Likewise, the Mongolian People's Government appointed special agents for registering the people travelling across the border without requiring any prior notification or imposing fines on them. As it is stated in the official letter of the Ministry of Foreign Affairs to the administration of Khan Khenty Uul Province, «...hereby to declare to impose proper fines and taxes on those people who are living in Mongolia without registration from the Immigration Office and support the poor among them.» [18] These well-planned and organized steps were, indeed, very helpful for the national unification of Mongolia. Thus, the Mongolian Government's successes in uniting ethnic minorities of Mongolian descent actually formed a strong foundation for Mongolia's political independence.

Some foreign citizens, registered by the Mongolian Government, were engaged in trade and industry. Others were wanderers, whose permits expired. They lived and worked in Mongolia temporarily for short (from one to three months) and long (over six months) periods. This clearly shows that they had both political and economical interests.

Thus, foreign citizens made up a certain percentage of the entire population of Mongolia at that time. There are some slightly different calculations of some researchers. For example, according to Russian scholar I.M. Maysky, in 1918, there were 524.500 Mongolians, 100.000 Chinese, 5.000 Russians and the total population of Mongolia was 647.500. However, Dr. J. Urangua presented different figures. She calculated the Mongolian population at 610.800 Mongolians, 105.000 Chinese and a certain number of Russians. In her work, entitled «Mongolia in the Beginning of Twentieth Century, 1911-1919» she estimated the total population of Mongolia at 715.8000 people by 1918. If we compare this to O. Purev's calculation of the Mongolian population at 729.600 the same year, there is a 13.900 difference. These differences are possibly due to the territorial and temporal differences at the time of calculation. Regardless of these differences, it is clear that foreign nationals made up 14-16 per cent of the entire Mongolian population. There were 10.900 Chinese traders[19] out of a total number of over 23.000 Chinese in Mongolia. Moreover, as O. Batsaikhan wrote in his work, entitled «Complicated Problems Experienced During the Development of Mongolia»,

«The number of traders, who had permits for private trade, was 234 in 1922, and then it increased to 286 in 1923 and 636 in 1924. Due to favorable conditions for the development of trade the number of Mongolian traders multiplied by 2.7; the number of English, US and German traders was multiplied by 12.4, Russians by 5.7 while Chinese by 1.6 during the years of 1922-1924.» [20].

So, the number of private foreign traders was increasing year by year. It was due to Mongolian Government policy to reduce the number of foreign companies in general, Chinese companies in particular. Those companies made profits from multiple interest of loans and supported those mobile private traders in order to meet the domestic demands since national industries were extremely weak.

According to the statistics given in the documents of Second Great Khural of the Mongolian People's Republic, in 1925 there were 28.118 Chinese, 2.520 Soviet citizens, 374 Tibetans, 199 persons of other nationalities, and in total 31.207 foreign nationals [21] in Mongolia.

Likewise, O. Lattimore wrote in his 'Nomads and Revolutionaries' about the Mongolian population in 1925 as 651.700 and 709.000 in 1928.

If we do some calculations based on these facts, by 1925 foreign nationals made up 4.4 per cent of the Mongolian population. That is to say, there was one foreign person for each 22 Mongolians.

J. Tseven, an outstanding Mongolian scholar of that period, wrote about foreign nationals in Mongolian territory, «There are some foreign nationals

such as Chinese, Russian, Tibetan and Tangut, etc, living in Mongolia. If we define the number of Mongolians it can not exceed 700.000. As for the Chinese, they are about 40.000. There are 10.000 Russians. There are not so many Tibetans and Tanguts. As for the English, Germans, Americans and Romanians, each group is not more than one or five or ten.» [22] From this fact it is clear that 50.000 foreign nationals, 40.000 Chinese and 10.000 Russians, were collectively calculated as Mongolian citizens.

Generally, foreign nationals living in Mongolia, were engaged in trade and industrial work for a long time. Moreover, there were many unregistered foreigners and political refugees. Those people lived in Mongolia for a long time doing various types of physical labor to earn their living. Some of them got married to Mongolian nationals and had children. Similarly, they fulfilled various other conditions to be accepted as Mongolian citizens. Those people might complicate for the Mongolian Government the solution of its immigration issues.

In the process of this research, I still could not find registrations of foreign nationals during certain years as well as the registrations of those who became Mongolian citizens before 1933. Therefore, it is not possible to compare statistics year by year. The reason why we cannot find them so far is because of many factors. For instance, laws and regulations of Immigration Acts, registration and monitoring of foreign nationals were just at the initial stage and so on.

Furthermore, the Mongolian Government made certain progress towards solving the immigration and registration issues by enforcing some specific rules and regulations on foreign nationals in Mongolia. The Mongolian Government even started a practice of putting certain immigration limitations for national security reasons.

During 1926–1928, the Ministry of Foreign Affairs of the Mongolian People's Republic enforced a specific regulation on registering foreign nationals who lived on the Mongolian territory as Mongolian citizens. It was stated, «those who have been living in Mongolia for a long time, or who married Mongolian wives and had children and lived in Mongolia for more than five years are eligible to become Mongolian citizens.» «Those foreign nationals willing to become Mongolian citizens should make their requests to local administrations where they want to be subjects... requests should be discussed by the commoners' khural (meeting) and ...if there is no reason to be rejected then these requests should be sent to respective embassies and consulates in case they have some reasons to refuse.» «If there are no refusals on the part of their original countries' embassies, then their property and wealth should be excluded from the original countries' account and passports should be handed in. Then and then alone they became citizens of Mongolia. This procedure should be conducted by the Ministry of Internal Affairs.» [23] After reading this it becomes very clear that the regulations and rules for foreign nationals living in Mongolia were the responsibility of the Ministry of Internal Affairs.

There are many facts related to these regulations and rules. For example, there was a request made in 1928, of Lamjav from Shiliin Gol Chuulgan (prov-

ince) of China. He moved from his original place into Mongolia on pilgrimage in 1916 and lived for 10 years in Bayantumen Khan Uul County of Khan Kheny Uul Province. So, he made a request to become a subject of that particular county. The Government of Mongolia granted his request by its Third Khural's decision's first article based on the Ministry of Foreign Affairs' evaluation on the testimony letter of Bayan Tumen Khan Uul County. [24] It is very clear that the Mongolian Government granted citizenship to foreign nationals who lived in Mongolia for over 10 years without committing any crime based on its rules and regulations. But, on the other hand, from this fact one may draw a conclusion that even those foreign nationals, who moved into Mongolia as wanderers some 10 years back and lived there without any proper registration, could become Mongolian citizens just based on their long-term residence. This is clearly an act of taking advantage from the inconsistency of laws. Furthermore, the immigration issue was deepened by laws and regulations of marriage. For examples, In Article 60 of the Civilian Law of the Mongolian People's Republic that was passed in 1926, it is stated, «In case of marriage registration of a Mongolian citizen to any foreign national, it is appropriate to remain subjects of their countries of origin. Though if one wishes to apply for another country's passport it should be possible in accordance with related laws and regulations.» In Article 67, it is also stated, «if one of the parents is a Mongolian national and is living in the Mongolian territory, then whether a child is Mongolian citizen or not», «...in case of having a child born when parents are living in a foreign country they should make a clear decision about which country their child would belong to» [25], etc.

Furthermore, it is stated in Article 55 of the first chapter of «Family Rights and Responsibilities», which was enforced by Article 1 of State Baga Hural, dated on 6 May 1927, «There should not be any discrimination of nationality and religion in any marriage.» One can see that it was properly in accordance with the international human rights. It also states that «if men and women of this country marry nationals of other countries, then those foreigners are entitled to have the same rights as Mongolian nationals.» Therefore, the Third Article of this very regulation is confirmed, that declared any foreigner married to a Mongolian national, having a child and living in Mongolia for more than five years eligible to apply for Mongolian citizenship. So, it was due to social conditions of that particular period and in order to prevent any criminal from entering Mongolia by any possible way.

Likewise, it was stated, «the marriage of those foreigners who married each other while living in Mongolia may be registered in their respective Consulates but they have to follow this law for their actual marriage» in Article 51 of Family Law, which is enforced by the fourth section of the decision of the 75th Meeting of State Baga Hural and the first section of the decision of 32nd Meeting of the Mongolian Government in October 1929. It is also stated that «a foreign citizen married to a Mongolian national in the territory of Mongolia should register the marriage in accordance with this law» [26] in the 3rd Section of the 46th Article of this law.

Let us take a clear fact related to the application of this law. There is an immigration application dated 1930 from a Russian citizen named Nina, who was married to a Mongolian national named Namnandorj. There she wrote, «To: Ministry of Internal Affairs of People's Republic of Mongolia; I, citizen of the USSR, am from the Leningrad region and came to Ulaanbaatar together with my husband in July this year and settled down. Now I would like to become Mongolian citizen in order to live with my husband, and therefore I wholeheartedly request you to grant my request by registering me as a Mongolian citizen and issuing permissions from respective departments, etc, as soon as possible. Nina.» [27].

Moreover, there were many high incarnated lamas and their followers in Mongolia. However, all of them belonged to a particular Banner (Khoshuu), some of them had neither registration nor residence permit. Through donations from the people they acquired considerably large herds of livestock and locals had faith in them. They lived in Mongolia for many years. On this basis local communities made requests on their behalf to become citizens of Mongolia. Such requests were denied by the Government. For example, Members of the Department of Mongolian Government decided to deny Tibetan Lama Losan Tashi's citizenship application during the meeting that was held on 4 January 1927. The decision states, «Tulku Lama Losan Tashi arrived together with his followers from Tibet and lived for a long time in Bayan Baishir Khoshuu of Tsetserleg Mandal Aimag... This lama requested to become a Mongolian citizen based on many years of his actual residence in Mongolia and a large number of disciples. We, the Department of the Mongolian Government, at our 209th Meeting decided to deny his request based on the Second Section of Order.» [28] Similarly, most foreigners, who came to Mongolia on religious grounds, were Tibetans. This was due to Mongolian and Tibetan friendly relationship and the spread of Tibetan Buddhism at that time.

Furthermore, in 1928 the Mongolian Government made a decision to «send back those foreigners to their countries and not to receive others instead» [29] in order to solve immigration issue of foreigners who lived in Mongolia temporarily and permanently in particular, and the visa issue in general. Likewise, Chinese nationals, especially traders working in Mongolia, were moving back to their home country as a official document of that particular period states, 'those who have bicycle riding their bicycles, those who have cars driving their cars, those who have neither bicycles nor cars travelling on foot, all following a great road of Khuree to Khaalgan' because China stopped any exports to Mongolia effective from August 1929». [30] This can be interpreted as the Comintern's policy to push out any other foreign traders and economic agents and make domestic economy dominant in this country. As a result, over 10.000 Chinese nationals[31] were expelled from Mongolia. This is very clear in M. Amgayev's account. He was a Comintern representative in Mongolia and reported to the Secretariat of the Oriental Department of Communist International's Foreign Affairs office. There he stated, «Even though nowadays capitals of the Chinese traders are greatly influential in Mongolia, they are already losing

major roles. So they are almost losing their former dominance on the Mongolian market now.» [32].

This shows how the Communist International Organization's representatives, Soviet advisors and trainers were deeply involved into the Mongolian Government's manifold activities aimed at solving the foreign nationals' issues. Starting from 1928, so many Buriats, citizens of Russia, moved to Mongolia and requested to be Mongolian nationals, that there was a necessity to improve the registration and monitoring of those immigrants. In order to do this the Ministry of Internal Affairs of Mongolia issued an order in 1930 stating that, «The number of foreign nationals applying for Mongolian citizenship is growing. As it turns out we do double work because we receive incomplete documents from local administrations, then we have to start from the beginning, and therefore, those local administrations and related departments should thoroughly check all reasons and grounds and send them to us along with their own suggestions whether we should deny or accept citizenship applications.» [33].

The Government of the Mongolian People's Republic tightened rules and regulations by its Section 7 of Order 37 in 1930. There it states, «for accepting foreign nationals as Mongolian citizens, they should apply to local government or the Ministry of Internal Affairs and then an application should be checked by that ministry jointly with the Ministry of Foreign Affairs. After this process, application should be handed over to State Baga Hural for final decision. If there are both adults and children it should be checked thoroughly whether they can be immigrants to Mongolia, whether they lived long in this country, whether Mongolia has specific contract related to this matter with their countries of origin. The Ministry of Internal Affairs should take care of all those immigration rules and instructions like they should have the same rights and responsibilities with Mongolian nationals as soon as their citizenship is confirmed and declared.» [34] Likewise, the Government of the Mongolian People's Republic and the Soviet Union negotiated and made a decision on a disputed case of immigration on 20 May 1930. There it states that, «Hereafter, the two countries should not accept immigrants from each other without proper permission... so it should be done through Embassy of the USSR in Mongolia and Embassy of Mongolia in the USSR.» It also states that, «the government of the USSR accepts those citizens of the USSR, who immigrated as Mongolian citizens, in the territory of Mongolia until the fourteenth year of Mongolia and those who are listed in the name list of the fourteenth year of Mongolia to exclude them from its citizen registration.» «It is permitted for the Mongolian Government to re-evaluate those names who are not listed in the aforementioned list and cases of those immigrated to Mongolia up to now in close cooperation with the Embassy of the Soviet Union in Mongolia.» [35] For example, one of all 14 citizens working at a veterinary clinic in Erdene Bulgan Uul Banner (khoshuu) of Tsetserleg Mandal Aimag, did not have any citizenship and most of them did not have residence permit or visa from both states. They only obtained Mongolian residence permits in 1930. [36] It was a really supporting factor for solving

many other immigration issues of foreign nationals. Furthermore, the Governments of Mongolia and the Soviet Union established a protocol on solving immigration issues once for all on 26 May 1930. This document served as a «legal ground» for re-evaluation of those Buryats, who immigrated to Mongolia since 1924, and cancelling their immigration status using a pretext of false political and criminal cases. In the 1930s, the Soviet Union claimed back the Buryats, who had already become Mongolian citizens and were in the high posts of our government like Gombo Badamjav, Tsogt Badamjav, Dash Campilov, etc. In this way, over 100 individuals[37] were forced out of Mongolia. This was how the Buryat intellectuals, who made considerable contributions to the development of Mongolia, suffered under political repression on false accusations of being «Japanese spies and enemies of the revolution.»

Particular articles of Mongolian immigration laws and rules on accepting foreign nationals as Mongolian citizens passed in 1926–1928 and 1930, like those which state, «if a foreigner who now acquires full confidence for living long with his property on the territory of Mongolia, marries a Mongolian woman, has children and lives in Mongolia more than five years, he can be made Mongolian citizen by temporary proposal», etc, are duly in accordance with the international human rights. Based on these regulations, the Executive Committee of the Mongolian Government made the following decision at the 12th Section of its 9th Meeting Order on 19 February 1931, «The Ministry of Internal Affairs confirms these Chinese and Tibetan people 59 in total, who requested to become Mongolian citizens many times, living long in Mongolia and having Mongolian wives and children; and there are no objections from other related agencies, and therefore, ...State Baga Khural granted their requests.» «...the Special Committee is established under the Government and head of this committee is appointed from the Ministry of National Security, four members are appointed from panel of adjudicators (2) and the Central Union of Workers (2),...everything should be checked and prepared by this committee before discussing by the Government; other than those applied ones such as those do not live long and property is unclear, etc, should also be gone through this committee's evaluation.» [38] In this way, by the decision of the State Baga Khural six persons from Tibet, five from the Soviet Union, one from Germany, two from Korea, in total 14 foreigners in 1933; 34 from China, 41 from the Soviet Union, seven from Tibet, altogether 82 foreigners in 1935; one from the Soviet Union, five from China, two from Tibet, altogether eight in 1936; three from the Soviet Union, three from Tibet, five from China, altogether 11 in 1937; one from Poland, three from China, two from the USSR, altogether six in 1938; two from USSR, two from China, altogether four in 1939; six from China [39] in 1940 and altogether 131 [40] foreigners became Mongolian citizens.

Foreigners granted Mongolian citizenship during 1933–1940 by the State Baga Khural are shown in the table below:

1933	1935	1936	1937	1938	1939	1940
14	82	8	11	6	4	6

These foreigners were accepted as Mongolian citizens because they lived for a long time (some as long as 30 years) in Mongolia, got Mongolian wives and children and there were no objections from their respective Consulates. So it was in exact accordance with both international and Mongolian laws and regulations. There were also some indications about people who did not have any proper permission and lived as refugees. If we take Buryats for example, «Bud Tudev is 56 years old, Buryat. He entered the Mongolian territory through Khuder Border Post of Soviet Union without any permission in 1923. At the beginning he was planting vegetables in the land of Mandal of Selenge, and then moved to the 6th Bag of Batsumber Soum, Tub Aimag as a cattle breeder in 1932. Now he made his request to be a citizen of the Mongolian People's Republic.» «Barimad Puntsag is Buryat and 41 years old. He came to Mongolia through Khuder Border Post of Soviet Union without any permission in 1930. He worked as a accountant and harvester, etc, at the Sugnugur Agricultural Firm for 16 years during the years of 1935- 1941. Now he is living in the 6th Bag of Batsumber Soum, and he has applied for citizenship of the Mongolian People's Republic. Tseren Gombojav, 46 years old, Buryat, came to Mongolia through Hiran on the Soviet border following his father in 1930. He has been serving in the high post as accountant of Cattle-breeder's Union, Vice-Director of Bag, etc for 15 years. Now is engaged in cattle-breeding in the Third Bag of Batsumber, and he has requested to be a citizen of the Mongolian People's Republic.» [41] From their positions in Mongolia, it is very clear that Mongolia lacked well educated and trained human resources on the one hand, and the Buryats contributed a lot to its development on the other hand.

At the same time Mongolia improved its laws and regulations on immigration issues or foreign applicants for Mongolian citizenship. For example, the Executive Committee of the Mongolian Government enforced order of «stopping foreign nationals wandering in the country without any permission» [42] by its Fourth Section of 205th Meeting's Decision in 1928. Of similar nature were the decisions made about «Chinese and Tibetan applicants for Mongolian citizenship» [43] in 1931, «Stay permit of foreign nationals in Mongolia» [44] in 1935, «Accepting foreign country's citizens as citizens of People's Republic of Mongolia» [45] in 1941 and so on. Thus, the Government of Mongolia took several important steps towards a well planned manner of evaluating and enforcing the rules and regulations on foreign nationals and immigration issues.

In conclusion, it should be noted that many immigration issues were solved thanks to the «National Unity Conception» of Mongolian National Independence in 1911, and specific policies of People's Government of Mongolia under the program of «Reunification of the Mongolian Peoples» and «Immigration Issues» from 1921 onward. Concisely, the results can be formulated as follows:

- Since 1911, Mongolia adopted a policy of accepting other Mongolian ethnic groups into Mongolia and solved the disputed issue of Russian Buryats applying for Mongolian citizenship through the two parties' negotiation.
- In order to solve the immigration issues the Government of Mongolia applied certain criteria, such as being married to a Mongolian wife, having children, certain property and living in Mongolia for at least 5 years. The long-term residence in Mongolia meant at least 10 years.
- We should also mention that in comparison with the international immigration law there still are some disadvantages of Mongolian immigration laws and regulations. For example, up until now there is no specific law that takes into account the national security concerns while admitting immigrants. Therefore, possibilities of staying in the country for a long time without any permit and notification and then applying for citizenship based on the «long-term residence in Mongolia» are still open for illegal migrants.

Literature

1. Пүрэв О. Монгол улсын түүхэн газар зүй (1911–1931). – Улаанбаатар, 2004. – 48–49-р тал.
2. Пунцагдаш О. Иргэний харьяаллын
3. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байгуу уллагын үйл ажиллагааны эхэн үеийн түүхийн асуудалд // Эрдмийн зэрэг горилсон бүтээл. – Улаанбаатар, 1999. – 33-р тал.
4. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-А-3. Д-1. ХН-1182,
5. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байууллагын үйл ажиллагааны эхэн үеийн түүхийн асуудалд // Эрдмийн зэрэг горилсон бүтээл. – Улаанбаатар, 1999. – 33-р тал.
6. МАН-ын III их хурал. Дэлгэрэнгүй тайлан. – Улаанбаатар, 1966. – 220-р тал.
7. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байууллагын үйл ажиллагааны эхэн үеийн түүхийн асуудалд // Эрдмийн зэрэг горилсон бүтээл. – Улаанбаатар, 1999. – 34-р тал.
8. Мэндсайхан Х. Монголд дагаар орсон буриадуудын асуудалд. – Улаанбаатар сургууль. Эрдэм шинжилгээний бичиг. №7/1/ 2007.
9. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-41. ХН-45.
10. Ibid. ХН-598.
11. Ibid. ХН-453, нугалбар-7.
12. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-4. Д-1. ХН-402.
13. Ibid. ХН-402.
14. Ibid. ХН-435. Нугалбар, 46-76-р хуудас.
15. Ibid. ХН-476.
16. Мягмарсамбуу. Баргын эрх чөлөөний тэмцэл: нүүдэл, суудал. – Улаанбаатар, 2007. – 48-р тал.
17. Сандагдорж М. Ардын төрийн түүх. – Улаанбаатар, 1974. – 165-р тал.
18. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-72. Д-1. ХН-654. Нугалбар-12.
19. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байууллагын үйл ажиллагааны эхэн үеийн түүхийн асуудалд // Эрдмийн зэрэг горилсон бүтээл. – Улаанбаатар, 1999. – 65-р тал.

20. Батсайхан О. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. – Улаанбаатар, 1997. – 27-р тал.
21. МАХН-ын IY их хурал. – Улаанбаатар, 1978. – 319-р тал.
22. Цэвээн Ж. Түүвэр зохиолууд. – Улаанбаатар, 2000. Д-2, 128-129-р тал.
23. Гадаад Харилцааны төв архив. Ф-1. ХН-282.
24. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-72. Д-1. ХН-525. Нугалбар-1.
25. БНМАУ-ын иргэний хууль (1926 он). – Улаанбаатар, 2000. 24, 26-р тал.
26. Засгийн газрын албаны сэтгүүл. 1930. №53. 44-р хуудас.
27. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-4. Д-1. ХН-674.
28. Засгийн газрын албаны сэтгүүл. 1927. №24. 7-11-р хуудас.
29. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байгууллагын үйл ажиллагааны эхэн үеийн түүхийн асуудалд //Эрдмийн зэрэг горилсон бүтээл. – Улаанбаатар, 1999. – 73-р тал.
30. Дашдаваа Ч. Улаан түүх. – Улаанбаатар, 2003. – 239-р тал.
31. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байгууллагын үйл ажиллагааны эхэн үеийн түүхийн асуудалд. – Улаанбаатар, 1999. – 74-р тал.
32. Коминтерн ба Монгол. – Улаанбаатар, 1999. – 262-р тал.
33. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-46. Д-1. ХН-78, нугалбар-2.
34. Ibid.
35. Монгол-Зөвлөлтийн харилцаа (1921–1974) I боть. – Улаанбаатар, 1976. – 263-264-р тал.
36. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-4. Д-2. ХН-102.
37. Ширнэн Б. Буриад нүүдэл-хэл аялгууны учир. – Улаанбаатар, 2005. – 87-р тал.
38. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-4. Д-1. ХН-453. 265-р хуудас.
39. Монгол улсын үндэсний төв архив. Ф-11. Д-1. ХН-536.
40. Ibid. ХН-352.
41. Гадаад харилцааны төв архив. Ф-118. Д-01. ХН-50.
42. Засгийн газрын албаны сэтгүүл. 1928. №37. 10-14-р тал.
43. Засгийн газрын албаны сэтгүүл. 1931. № 9-10. 95-96-р тал.
44. Засгийн газрын албаны сэтгүүл. 1935. № 1, 24. 29-р тал.
45. Засгийн газрын албаны сэтгүүл. 1941. № 2, 21. 30-р тал.

Мендсайхан Х. – исследователь, Монголия.

Mendsaikhan Kh. – researcher, Mongolia.

УДК 342.71(517.3)

© П.Н. Дудин

Статус гражданина в основных нормативных правовых актах Монголии в 1911–1960 гг.

В работе детально проанализирован процесс развития института гражданства в Монголии в первой половине XX в. с точки зрения его оформления и закрепления в конституционных актах. Изучено содержание международных договоров Монголии, а также Конституции Китая 1911, 1914, 1923 и 1931 гг. и Конституции МНР 1924, 1940 и 1960 гг.

Ключевые слова: гражданин, Конституция, народ, государство, права, свободы, обязанности.

The status of the citizen in the basic laws of Mongolia in 1911–1960

In the research paper the process of developing of institute of citizenship of Mongolia in the first half of the XX-th century from the point of view of its registration and fastening in constitutional acts is analysed in details. The maintenance of international contracts of Mongolia and China Constitutions of 1912, 1914, 1923 and 1931 also Mongolian People's Republic Constitutions of 1924, 1940 and 1960 are represented.

Keywords: the citizen, the constitution, the people, the state, the rights, freedom, duties.

Тема гражданства в пространстве Внутренней Азии в последние годы приобрела исключительную актуальность. Распад старых и образование новых государств, политические кризисы, военные действия, усиление миграционных потоков – все это затронуло судьбы многих людей и послужило основанием для начала многочисленных научных дискуссий.

Существенно возрос интерес к гражданству и личности, особенно в связи с провозглашением в ряде стран, освободившихся от социалистического влияния, и признанием высшей ценностью прав и свобод личности как основного субъекта большинства правоотношений. Обеспечивая тесную устойчивую правовую связь с конкретным государством и включая взаимные права и обязанности, статус гражданина позволяет определить меру свободы, содержание прав и обязанностей человека, их объем и значение.

В данной работе под юридическим статусом мы понимаем совокупный набор прав, обязанностей и мер ответственности человека, индивида, личности в его взаимоотношениях с конкретным государством. Правовое положение же, в свою очередь, определяет место гражданина в социальной, правовой и государственной системе, исходя из объема его прав, обязанностей и ответственности.

Важно отметить, что и юридический статус, и правовое положение гражданина на разных исторических этапах разнятся – это связано с юридическим и фактическим местом и ролью личности в отношениях с другими личностями, обществом и государством, с политикой данного государства, с формальным закреплением прав и обязанностей граждан в основном и текущем законодательстве страны. При этом сам термин «гражданство» предполагает взаимный, корреспондирующий характер прав и обязанностей гражданина и государства, тогда как схожий по смыслу термин «подданство» такой взаимности не предполагает. Подданство было исторически первым юридическим состоянием индивида, определяющим его обязанности по отношению к носителю государственного суверенитета в ту эпоху – государю. Подданство отличается от гражданства отсутствием обязательств государства перед индивидуумом, отсутствием

гражданских прав у любого частного лица. Гражданство возникает с появлением граждан после Великой французской революции 1789 г., когда Декларация прав человека и гражданина 1789 г. в преамбуле говорила о том, что «... требования граждан, основанные отныне на простых и неоспоримых принципах, устремлялись к соблюдению Конституции и всеобщему благу...», а ст. 6 провозглашала право граждан участвовать лично или через своих представителей в создании закона [15, с. 27].

Современное состояние Монголии в связи с преобразованием политических, экономических, социальных и иных форм организации государственной и общественной жизни, а также преодолением во многом искусственной самоизоляции страны и развитием отношений с другими странами и народами, заставляет обращать внимание на этот важный аспект. Постараемся проследить историю его становления и развития после провозглашения страной независимости в 1911 г.

Регулирование положения граждан в Монголии в обозначенный период характеризуется тремя особенностями. Во-первых, Внешняя Монголия до 1945 г. формально находилась в составе Китая и, таким образом, на нее де-юре распространялось китайское законодательство, в том числе и в части юридического статуса и правового положения граждан. Во-вторых, фактически находясь под опекой России в период 1911–1921 гг., важнейшие сферы государственной действительности регулировались договорами и соглашениями, участниками которых были Монголия и Россия, Монголия и Тибет, Россия и Китай, Россия, Китай и Монголия. При этом вопросы гражданства (подданства), равно как и другие, не находили своего адекватного развития и закрепления. В-третьих, Конституция как основной закон страны была принята в Монголии лишь спустя 13 лет после провозглашения независимости и за период с 1924 по 1960 г. трижды претерпела обновления – собственно в 1924, 1940 и 1960 гг., соответственно этому закреплялись, изменялись и дополнялись статус и правовое положение монгольских граждан.

Исходя из этих особенностей дадим характеристику тем основным нормативным правовым актам, которые затрагивали вопрос о юридическом статусе граждан Монголии и регулировали их правовое положение.

Временная Конституция Китайской Республики 11 марта 1912 г. весьма скупо упоминает о собственном населении. Термины «граждане», «гражданин» не находят своего закрепления в Основном законе страны, который определял лишь статус высших органов государственной власти и управления и административную структуру государства. Статья 5 говорит лишь о том, что народ Китайской Республики пользуется одинаковыми правами независимо от расы, класса и религии. Учитывая, что согласно статье 3 той же Конституции оговаривалась территориальная структура Китая, которую составляли 22 провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай [14, с. 30], то можно утверждать, что жители Внешней Монголии были включены в состав народа Китайской Республики со всем объемом прав и обязанностей. Данный вывод напрашивается

в связи с тем, что в правовом положении китайских провинций и Внешней и Внутренней Монголии, Тибета и Цинхая не было различий: так, ст. 18 Конституции регламентировала, что «от каждой провинции, Внутренней Монголии, Внешней Монголии и Тибета избирается по пять членов Национального собрания, от Цинхая – один».

Временная Конституция не была идеальной с точки зрения юридической техники и логики, но главным недостатком было форсированное введение западных образцов организации государства. В условиях сложной политической ситуации это привело к противостоянию правительства Юань Шикая и парламента, в котором сильные позиции имело созданное революционно-демократическим лидером Сунь Ятсеном в 1912 г. объединение левых сил – Гоминьдан (Националистическая партия). Конфликт закончился изданием президентского декрета о признании партии Гоминьдан антигосударственной и мятежной, а парламент, в котором в результате всего этого не стало кворума, прекратил существование. Юань Шикай издал целый ряд декретов, направленных на укрепление режима личной власти, а также создал специальный совещательный орган по подготовке проекта новой Конституции. Проект был утвержден 1 мая 1914 г.

Новая Конституция наделила президента широкими правами, исполнительная власть была сконструирована по американскому образцу, а двухпалатный парламент заменен однопалатным. Однако на правовом положении граждан эти преобразования не отразились.

Правовую конструкцию, аналогичную конструкции Конституции 1912 г., использует и Конституция Китайской Республики 10 октября 1923 г., где в ст. 2 верховная власть Китайской Республики вверялась всему народу в целом, в то время как ст. 3 определяла территориальную структуру китайского государства состоящей из всех стран, принадлежащих Китаю, без их поименного упоминания. Это объяснялось тем, что и сам Китай, и его провинции уже не представляли из себя единого государства, в то время как Монголия последние 12 лет уже де-факто была самостоятельным политическим образованием, хотя формально продолжала находиться в составе Китая, в связи с чем опять же формально на ее территории продолжали действовать нормы китайского законодательства. Так, положения Русско-Китайской декларации о признании автономии Внешней Монголии 5 ноября/23 октября 1913 г., где в ст. 1 и ноте к ней Россия признает, что Внешняя Монголия находится под сюзеренитетом Китая, касались исключительного права монголов Внешней Монголии, согласно которому разрешалось ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все относящиеся к торговой и промышленной областям вопросы. Другие вопросы, в том числе законодательство, к исключительным полномочиям монгольской стороны отнесены не были и, следовательно, по-прежнему находились в ведении китайских властей.

Тем не менее положения главы 4 Конституции Китая содержали обширный перечень прав и обязанностей граждан. Так, положения статьи 4 гласили, что всякое лицо, законно принадлежащее в силу своей нацио-

нальности к Китайской Республике, является гражданином Китайской Республики, а ст. 5 говорила о равенстве граждан между собой. Статьи 6-8 закрепляли защиту от произвольных арестов, обысков, вскрытия писем и корреспонденции, ст. 9-13, 15-18 гарантировали право на свободный выбор места жительства и профессии, право собираться и образовывать общества, закрепляли свободу слова, печати и творчества, религиозные свободы, право на собственность, судебную защиту, обращение в органы государственной власти, право на несение государственной службы и избирательные права. При этом перечень прав и свобод не являлся исчерпывающим: ст. 14 закрепляла: «Свободы, предоставленные гражданам Китайской Республики помимо упомянутых в настоящей главе и не нарушающие принципа конституционного правления, признаются властью».

Статьи 19-21 содержали исчерпывающий набор обязанностей, к числу которых были отнесены обязанности платить налоги, служить в армии и получать элементарное образование согласно закону.

Отдельно следует упомянуть статью 23, где к ведению вопросов государственного значения отнесены вопросы гражданства, то есть те вопросы, которые решаются высшими органами государственной власти, без участия в этом процессе властей провинций и округов.

Статья 127 Конституции говорила о том, что граждане Китайской Республики, живущие в провинции, по крайней мере, в течение года, приравниваются к гражданам, родившимся или давно живущим в провинции, и пользуются в ней всеми гражданскими правами. А ст. 135 определяла, что Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Кукунор (Цинхай) могут, если их население того пожелает, быть разделены на области двух ступеней, а именно: провинции и округа. До организации провинций и округов в этих странах их административное устройство должно быть установлено особым законом.

Принцип народовластия же раскрывался следующим образом: «Чтобы сделать народ способным к пониманию политических вопросов, правительство должно дать ему образование и руководить им так, чтобы он знал, как осуществлять свои права выборов, отзыва должностных лиц, инициативы и референдума» [12, с. 87].

Содержание национального принципа получило следующее толкование: «Правительство должно покровительствовать и помогать национальным меньшинствам страны (маньчжурам, монголам, тибетцам и др.), с тем чтобы они оказались в состоянии осуществлять свое право на самоопределение и самоуправление, сопротивляясь иностранному притеснению и вторжению. В то же время правительство должно пересматривать договоры, заключенные с иностранными государствами в видах обеспечения национальной независимости и международного равноправия» [12, с. 88].

Уже через год в 1924 г. Конституция была отменена, хотя фактически она в действие так и не вступила в силу политической раздробленности

Китая. Дальнейшую судьбу страны и положение ее граждан с разной степенью успешности регулировали временные и «постоянные» конституционные (2) и органические (3) акты. Так, в Гуанчжоу был выработан и принят 1 июля 1925 г. «Органический закон Национального правительства», опекаемого партией и которое по схеме Сунь Ятсена должно было функционировать на двух этапах: военного правления и политической опеки.

После завершения формального объединения страны к июлю 1928 г. под фактической властью Чан Кайши, 8 октября 1928 г. в новой столице Китая Нанкине был принят «Органический закон об организации Национального правительства», согласно которому период правления партии Гоминьдан («политической опеки») должен продолжаться до 31.12.1934 г. Вслед за этим в марте 1929 г. на III съезде Гоминьдана было сформулировано положение о том, что все население Китая составляет единую нацию, состоящую из отдельных «ветвей» (ханьцы, манчжуры, монголы, тибетцы, хуэйцзу), единых по «расе и крови» и отличающихся лишь по религии и географическому положению.

5 мая 1931 г. начало работу Национальное собрание и приняло новую «Временную Конституцию Китайской Республики периода политической опеки», которая должна была вступить в действие 1.06.1931 г. Китай был разделен на 28 провинций, в отдельную группу территорий с особым статусом (дифан) были выделены Монголия и Тибет, в которых реальная политическая власть давно принадлежала местным правительственным учреждениям и которые лишь формально оставались в составе Китая. Временная Конституция провозглашала, что Китай всегда будет единой страной (ст. 3), но вместе с тем предусматривала возможность «особого статуса» Монголии и Тибета: «Территория Китайской Республики состоит из различных провинций, из Монголии и Тибета (ст. 1), управление в тех местах, которые еще не стали провинциями (т.е. Монголия и Тибет), будет определено законом». В это же время на территории Внутренней Монголии создается 6 новых провинций, однако и эта административная реформа была во многом лишь формальностью: земли, находившиеся на территории Внутренней Монголии, оставались в руках монгольских князей и здесь спустя несколько лет было образовано автономное государство Мэнцзян.

15 июня 1931 г. был выработан новый «Органический закон», он и представлял собой высший закон государства, хотя касался в основе своей управленческой сферы и распределения полномочий между органами государственной власти. 5 мая 1936 г. опубликован проект постоянной Конституции Китая, который предполагалось утвердить на заседании Национального собрания, намеченного на 12 ноября 1937 г., однако начавшиеся 7 июля 1937 г. активные военные действия со стороны Японии помешали этому, проект так и не был принят.

Однако, поскольку сам Китай в рассматриваемый период не представлял из себя политического единства, а Монголия приняла собственную

Конституцию и уже никоим образом не признавала легитимность китайского управления, более детальный анализ указанных выше конституционных актов Китайской Республики не представляется необходимым.

Вторую группу документов, так или иначе касающихся правового регулирования статуса граждан Монголии, составляют договоры и соглашения, которыми определялся юридический статус и правовое положение самой Монголии в первой четверти XX в.

Соглашение России с Монголией 1912 г. не упоминает монгольского гражданства, не идет речь и о подданстве Монголии, хотя о российских подданных упоминается довольно часто (ст. 2 Соглашения, ст. 1, 2, 4-7, 9, 12-16 Протокола к нему) [13]. В преамбуле Соглашения говорится о «монгольском народе», повелителем которого был провозглашен Чжебцун-Дамба-Хутухта, а также о том, что между русским и монгольским народами всегда имела место быть исконная взаимная дружба, руководствуясь которой, российское правительство и берет на себя обязательства по поддержанию возникшего автономного строя. В остальном же жители Монголии, равно как и жители Китая, идентифицируются соотносимо с национально-правовой характеристикой как монголы и китайцы: (ст. 1 Соглашения, ст. 5, 16 Протокола к нему).

Отсутствие упоминания о статусе жителей Монголии объективно, поскольку Соглашение 1912 г. не являлось и не претендовало на статус основного нормативного акта нового государства, цель была в признании фактической независимости и иного, нежели ранее, международно-правового положения самой Монголии со стороны России, в связи с чем другие вопросы в рамках сложившейся ситуации не могли и не должны были быть разрешены этим Соглашением.

Ту же самую цель преследовало и Соглашение о дружбе и союзе, заключенное правительствами Монголии и Тибета в Урге 29 декабря 1912 г. (11 января 1913 г.). Упоминание же в статье 5 о том, что «каждое государство в пределах своей территории будет поддерживать подданных другого, путешествующих по делам религиозно-государственным или по делам религиозно-государственного образования» [10, с. 128], имевшим «технический» характер, и не ставило целью определить юридический статус и правовое положение подданных двух сторон, но предполагало закрепление соответствующих гарантий для своих жителей.

Ни Русско-Китайская декларация о признании автономии Внешней Монголии 1913 г. [13], ни нота к ней данного вопроса не касались, равно как и Кяхтинское соглашение 1915 г. Впервые же в череде многочисленных договоров и соглашений России/ СССР и Монголии/ МНР речь о гражданстве зашла лишь в 1937 г. Позиция обеих стран сводилась к отрицанию двойного гражданства (в Монголии сохранилась до настоящего времени). В соответствии с соглашением, подписанным 24 апреля 1937 г. СССР и Монгольской Народной Республикой, стороны взаимно обязались не принимать на своей территории в гражданство лиц, состоящих в гражданстве другого договаривающегося государства без его согласия

(ст. 1). Общий смысл проводимой политики сводился к тому, что при приобретении гражданства другой договаривающейся стороны первичное гражданство считалось утраченным. Перед натурализацией необходимо было предоставить разрешение о выходе из гражданства другого государства.

Впервые в тексте нормативного акта, имеющего важнейшее для государственности Монголии значение, термин «гражданин» появляется с подписанием Соглашения между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений 1921 г. Цель этого договора, равно как и предыдущих, сводилась к документальной фиксации обновленных отношений и позиций между двумя странами. Тем не менее кроме вопросов фактического взаимного признания, обмена дипломатическими представителями и прочих подобных в тексте договора содержится обширный перечень положений о гарантиях граждан договаривающихся стран, что, в свою очередь, говорит об изменении как внешнеполитической, так и внутрисоюзной ситуации, в условиях чего публичный интерес хоть и продолжал доминировать, но и частноправовые интересы требовали их юридического оформления.

Статья 3 Соглашения предусматривала обязательства обеих сторон не допускать на своей территории мобилизацию или добровольную вербовку как своих граждан, так и граждан иных государств в ряды армий, враждебных другой стороне. Статья 7 говорила о том, что граждане каждой из договаривающихся сторон, пребывающие на территории другой Стороны, пользуются правами и несут обязанности наравне с пребывающими там гражданами наиболее благоприятствующей страны.

В статье 8 говорилось о судебной юрисдикции каждой из сторон, которая, распространяясь на соседнюю территорию, помимо полномочий судебных органов в уголовных и гражданских делах предусматривала, во-первых, льготы и преимущества в области уголовной юрисдикции, судебного разбирательства и исполнения судебных решений, распространяющиеся и на граждан другой договаривающейся стороны, а во-вторых, гарантии цивилизованности и гуманности, отвергающие применение судебными, следственными и иными органами каких-либо карательных или следственных мер, причиняющих физическое страдание или унижающих нравственное состояние человека.

Статьей 9 устанавливались гарантии юридического равенства для граждан обеих договаривающихся сторон при ввозе и вывозе из пределов другой страны товаров, предназначенных для торговли и при уплате установленных пошлин [6, с. 476], с тем что таковые не должны превышать пошлины, взимаемые за ввоз и вывоз тех же товаров с граждан наиболее благоприятствующей страны.

Впервые в основном нормативном правовом акте упоминание о гражданах встречается в 1924 г. в Декларации прав трудящегося народа Монголии, принятой 26 ноября 1924 г. [9, с. 37] Великим Народным Хуралом МНР, которая позднее – 30 июня 1940 г. – стала первой главой Конститу-

ции Монгольской Народной Республики. В двух ст. (6 и 9-й) предусматривалось право личной собственности граждан на скот, сельскохозяйственные орудия и другие орудия производства, сырье, вырабатываемую продукцию, жилые и надворные постройки, юрты и предметы домашнего хозяйства, трудовые доходы и сбережения, также право наследования личной собственности охраняется законом, а также почетная обязанность граждан к честному и добросовестному труду, развитию народного хозяйства, укреплению обороноспособности и дальнейшему росту благосостояния трудящихся МНР.

Вслед за Декларацией в тот же день принимается первая в истории страны Конституция – основной закон Монголии на ближайшие 16 лет, которая расширяет рамки юридического статуса ее граждан. В первой статье первой главы Монголия объявляется независимой народной республикой, в которой вся власть принадлежит трудящемуся народу. Таким образом опосредованно определялось и правовое положение граждан как части монгольского народа.

В качестве основных свобод и одновременно гарантий народной власти провозглашались основные права человека, в том числе свобода совести – церковь отделялась от государства, и объявлялось, что религия есть частное дело каждого гражданина (часть Е ст. 3); равноправие граждан независимо от их национальности, религии и пола (часть Л той же статьи) и другие. При этом национальность, религиозная принадлежность и пол были критериями, не в полной мере раскрывающими суть правового положения монгольских граждан, которое разнилось в зависимости от ряда факторов. Во-первых, определялись категории жителей, обладающие разными правами в области избирательных прав. Так, статьей 34 предусматривалось, что правом избирать и быть избранным в хуралы (Великий, Малый и местные) пользуются две категории граждан республики обоего пола, достигшие ко дню выборов 18-летнего возраста: добывающие средства существования своим трудом, а также лица, занятые своим трудовым хозяйством, и цирики Народно-Революционной Армии. Не избирают и не могут быть избраны: лица, добывающие средства исключительно путем эксплуатации другого человека с целью явной наживы; торговцы и ростовщики, живущие чужим трудом и процентами с капиталов и доходов; бывшие князья, хутухты и те лица духовного ведомства, которые физически постоянно проживают в монастырях; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными и умалишенными; лица, осужденные судом за корыстные и порочащие преступления (ст. 35 Конституции). В остальном Основной закон Монголии либо не упоминает граждан как отдельных субъектов тех или иных правоотношений, либо использует более емкое понятие «народ» (ст. 1 и 3) или «население» (ст. 7 Конституции 1924 г.) [7, с. 157].

Вместе с принятием Конституции получило развитие и гражданское законодательство, которое начиная с 1927 г. оформляется в виде Свода гражданских законов, где в числе прочего содержались положения о на-

следовании (глава II); об органах регистрации актов гражданского состояния и порядке регистрации этих актов (глава III); нормы семейного права; о лицах (глава IV); об обязательственном праве (главы VIII-X) и т.д. Провозглашалась равная имущественная правоспособность граждан, при этом категориальность воспроизводила положения Конституции МНР о равенстве независимо от их пола, национальности и вероисповедания (ст. 80).

На фоне происходящих драматических событий рубежа 1930-1940-х гг., по итогам X съезда Монгольской Народной Революционной партии и принятия новой программы партии Конституция 1924 г. была признана устаревшей и не отражающей новой расстановки классовых сил в стране. Это явилось причиной приведения нормативной базы страны в соответствие с новыми общественными отношениями. 30 июня 1940 г. VIII Великий Хурал утвердил новую Конституцию, а юридический статус и правовое положение жителей Монголии вновь претерпели значительные изменения: класс феодалов был ликвидирован, на его место пришли рабочий класс и народная трудовая интеллигенция.

Конституция уже не так широко, как прежде, использовала дефиницию «народ», заменив его рядом других: трудящиеся, араты-скотоводы, рабочие и интеллигенция. Провозглашалось, что вся власть в Монгольской Народной Республике принадлежит трудящимся в лице хуралов, составляющих политическую основу МНР. Органами власти на местах согласно Конституции 1940 г., были хуралы трудящихся аратов. Аймачные, Улан-Баторский, сомонные и хоронные хуралы трудящихся аратов представляли собой съезды народных представителей, состоящие из делегатов нижестоящих хуралов. Баговые и хоронные хуралы представляли собой общее собрание всех имеющих избирательные права граждан бага или хорона.

Конституция 1940 г. закрепила широкие демократические права и свободы граждан МНР: на труд, бесплатное пользование пастбищами, на отдых, образование, материальную помощь в старости, в случае болезни и нетрудоспособности, право на объединение в общественные организации и союзы, свободное обращение во все государственные органы с жалобами и заявлениями; свободу слова, печати, собраний и митингов, шествий и демонстраций. Равноправие всех граждан республики сводилось к одинаковому набору прав и обязанностей, независимо от пола и национальности. Первым отличительным признаком новой Конституции в этом вопросе явился широкий по сравнению с предыдущей Конституцией набор прав и обязанностей, что позволяло определить юридический статус гражданина Монголии как лица, обладающего основным набором прав и свобод человека. Вторым отличительным признаком было отсутствие упоминания религиозного фактора, в числе прочих который «отдавался на откуп» гражданам и не учитывался при реализации своих прав и обязанностей. Монгольская Народная Республика вступила в новый, социа-

листический, этап революции, где места религии уже не было, не упоминались вопросы вероисповедания и в Основном законе страны.

Аналогично ст. 34 Конституции 1924 г. в новой редакции Основного закона присутствовала ст. 71, которая ограничивала избирательные права граждан в зависимости от классовой принадлежности. В 1944 г. постановлением президиума Малого Хурала в данную статью были внесены изменения, предоставляющие избирательные права всем гражданам МНР, за исключением умалишенных лиц и лишенных политических прав по суду. Новые важные изменения в Конституцию МНР 1940 г. были внесены IX Великим Народным Хуралом, проходившим в феврале 1949 г. Утвердив постановление об отмене ограничения в избирательных правах, Великий Народный Хурал постановил ввести прямые выборы во все органы государственной власти, заменить не вполне равные выборы полностью равными и ввести вместо открытого тайное голосование.

Одновременно шло развитие и гражданского законодательства: 27 мая 1952 г. указом Президиума Великого Народного Хурала МНР был принят Гражданский кодекс МНР, регулирующий вопросы вещного, обязательственного, наследственного, авторского права. При этом конституционное право граждан на собственность исключало право собственности на землю: она была национализирована и принадлежала государству.

Социальные и политические процессы, в условиях которых шло развитие монгольской государственности, потребовали принятия новой Конституции МНР, которая и была утверждена решением Великого Народного Хурала 6 июля 1960 г.

Конституция 1960 г., закрепив достигнутые монгольским народом в строительстве социализма успехи, указывает, что цель МНР – завершение строительства социализма и построение в дальнейшем коммунистического общества. Новая Конституция определяла Монгольскую Народную Республику как социалистическое государство рабочих, кооперированного аратства (араты – скотоводы и земледельцы) и трудовой интеллигенции, основанное на союзе рабочего класса с кооперированным аратством (ст. 1 Конституции).

Вновь появляются дефиниции «народ» и «гражданин», вся власть в Монгольской Народной Республике провозглашается принадлежащей трудовому народу (ст. 3 Конституции). Статья 21 устанавливала, что прием в гражданство и разрешение вопросов выхода из гражданства МНР осуществляет президиум Великого Народного Хурала.

Сам же статус гражданина определялся исходя из следующих положений. Глава седьмая Конституции предусматривала основные права и обязанности граждан Монгольской Народной Республики, основу которых составляло равенство прав граждан независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, социального происхождения и положения (ст. 76). Равенство прав конкретизировалось в тех или иных областях общественной жизни: государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической. Государство гарантирова-

ло равенство всех национальностей, проживающих на территории МНР, возможность развития национальной культуры, обучения и ведения делопроизводства на родном языке. Гарантировалось право на обретение убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, за участие в национально-освободительной борьбе, за деятельность по укреплению мира или за научную деятельность. Особая группа гарантий предусматривалась для женщин.

Равенство граждан обеспечивалось провозглашением всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 4), при этом исключалась классовая сущность активного избирательного права, а Конституция в этом вопросе обретала современные черты.

За гражданами закреплялись политические права: избирать депутатов народных хуралов, избирать состав участковых народных судов, свободно участвовать в управлении государством и обществом, при этом активное избирательное право предоставлялось всем гражданам МНР, достигшим 18-летнего возраста, за исключением лиц, признанных умалишенными, предоставляется право избирать и быть избранными во все органы государственной власти. Принцип доступности к отправлению правосудия предполагал, что судьями и народными заседателями могли быть избраны граждане, достигшие 23 лет и не имеющие судимости. Также предусматривались: право на объединения, право на обращения в органы государственной власти и управления, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода демонстраций и шествий.

Социально-экономические права включали право на труд и оплату труда, право на отдых, установление предельной продолжительности рабочего дня в 8 часов, сокращение рабочего дня для ряда особых профессий, установление еженедельного выходного дня, ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставление путевок в санатории и дома отдыха, посещение театров, клубов и других учреждений обслуживания, право на материальную помощь в старости, при потере трудоспособности, в случае болезни, потери кормильца, право на образование, включая бесплатное обучение. Право собственности подкреплялось конституционными гарантиями в отношении трудовых доходов и сбережений граждан, жилища и личного подсобного хозяйства, предметов личного потребления и домашнего обихода (право личной собственности), равно как и право наследования личной собственности граждан. Запрещалось использовать право личной собственности в ущерб государственным и общественным интересам.

Личные (гражданские) права включали: свободу верования и антирелигиозной пропаганды, свободу слова, неприкосновенность личности, неприкосновенность их жилища и тайну переписки, запрет на произвольный арест.

Глава восьмая, ст. 89 Конституции была посвящена основным обязанностям граждан, в числе которых: отдавать все свои силы и знания делу строительства социализма; строго соблюдать Конституцию МНР, точно

исполнять законы и блюсти дисциплину труда, соблюдать правила социалистического общежития, активно бороться со всеми антиобщественными явлениями; обеспечивать единство личных и общественных интересов, превыше всего ставить интересы общества и государства; беречь как зеницу ока священную и неприкосновенную основу социалистического строя – общественную социалистическую собственность, всемерно укреплять и приумножать ее; всемерное укрепление интернациональной дружбы народов рассматривать как объективную необходимость и на своем участке, своими практическими действиями на деле способствовать укреплению дружбы и солидарности трудящихся, единства и сплоченности народов социалистического лагеря во главе с Советским Союзом, решительно бороться со всякого рода явлениями, способными нанести ущерб этой священной дружбе и единству; воспитывать подрастающее поколение в духе трудолюбия, дисциплинированности и организованности, коллективизма и уважения интересов общества, в духе коммунистического отношения к труду и социалистической собственности, безграничной преданности социалистической Родине, идеям коммунизма и принципам пролетарского интернационализма, в духе уважения ко всем трудящимся без различия национальности; активно содействовать укреплению народно-демократического строя, строго хранить государственную тайну и быть бдительным по отношению к врагам; свято защищать социалистическую Родину от врагов социализма; военная служба в Народной армии МНР является почетной обязанностью граждан Монгольской Народной Республики; точно выполнять все свои гражданские обязанности и требовать того же от других граждан.

Среди механизмов обеспечения прав и свобод граждан Конституция предусматривала и деятельность органов государственной власти, в числе которых были Совет Министров МНР, на который были возложены полномочия по принятию мер обеспечения общественного порядка и охраны личных и имущественных прав граждан; и местные органы власти, которые в рамках ст. 55 обеспечивали соблюдение правил социалистического общежития, защиту прав и интересов государственных предприятий и учреждений, сельскохозяйственных объединений и других кооперативных организаций, а также охрану прав граждан.

Важно отметить расстановку прав и свобод граждан МНР: приоритетное место было отведено социально-экономическим правам, далее следовали политические и уж затем – личные права граждан. Такой порядок соответствовал приоритету интересов в социалистическом обществе и предполагал доминирование общественных и государственных интересов над личными.

Лишь в 1990 г. Монголия стала на путь демократии и либеральной политики и предоставила своим гражданам беспрецедентную свободу и основной набор прав человек и гражданина, который был не только задекларирован в обновленном Основном законе страны, но и получил реальные гарантии и подкрепление в действительности: право частой собст-

венности, право на неприкосновенность, свободу передвижения, открылись государственные границы, причем не только для товаров и инвестиций, но и для мигрантов, как легальных, так и нелегальных. После 1990 г. все граждане Монголии получили право на заграничный паспорт и перемещение за границы страны, чего не было в советский период, право реального влияния на политические процессы в стране, а их формальное, юридическое закрепление обеспечила Конституция Монголии 1992 г., с изменениями и дополнениями действующая и поныне.

Литература

1. Бояре Ю.Р. Вопросы гражданства в международном праве. – М.: Международные отношения, 1986.
2. Ведомости Верховного Совета СССР: 1958. № 4. Ст. 84; 1958. № 9. Ст. 205. 209; 1958. № 17. Ст. 289; 1958. № 35. Ст. 426.
3. Ведомости Верховного Совета СССР: 1966. № 15. Ст. 225; 1967. № 7. Ст. 78; 1970. № 6. Ст. 50; 1979. № 18. Ст. 331; 1981. № 32. Ст. 950; 1984. № 17. Ст. 284.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 49. Ст. 816. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 23. Ст. 435.
5. Вилков Г.Е. Законодательство СССР и международные соглашения по вопросам гражданства. – М.: Международные отношения, 1964.
6. Документы внешней политики СССР. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 4.
7. Дурденевский В.Н., Лудшувейт Е.Ф. Конституции Востока. – Л., 1926.
8. Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. – М., 1960.
9. Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952.
10. Кузьмин С.Л. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные // Восток. Afroазиатские общества: история и современность. – 2011. – № 4.
11. Международное право в документах. – М.: Юридическая литература, 1982.
12. Программа государственного переустройства (1 апреля 1924 г.) // Конституции буржуазных стран. – М.: Соцгкиз, 1936. – Т. 3.
13. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843–1925) // Труды Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. – М., 1927. – Т. VI.
14. Синьхайская революция. – Шанхай, 1957. – Т. 8.
15. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1989.

Дудин Павел Николаевич, кандидат политических наук, Бурятский государственный университет.

Dudin Pavel N. – candidate of politology, Buryat State University.

УДК 314.72 (=531) (571.54)

© Чжон Бон Су, А.Г. Цинадзе

Иммиграция и адаптация корейцев в Республике Бурятия: историко-правовые аспекты

Данная работа посвящена проблемам иммиграции и адаптации корейцев в Бурятии. Автор рассматривает процессы формирования корейской диаспоры в историческом контексте, дает характеристику государственной политики России в отношении корейских иммигрантов за все время существования данной диаспоры.

Ключевые слова: корейцы, миграция, адаптация, Бурятия.

© Jon bon Su, A.G. Tsinadze

Korean Immigration and adaptation in Buryatia: historical and Law aspects

This work is devoted of immigration and adaptation Koreans in Buryatia. The author considers the processes of formation of the Korean diaspora in the historical context, describing the state Russian state policy in respect of Korean immigrants throughout its existence.

Keywords: Koreans, migration, adaptation, Buryatia.

Политико-правовые условия, социокультурные и экономические проблемы, с которыми сталкиваются этнические группы в том или ином государстве, определяются направленностью политики этого государства в целом и правового регулирования в частности. Так, уже около полутора веков в России постоянно проживают корейцы. Для того чтобы понять, как на протяжении этого времени складывалась их судьба, с какими проблемами они вынуждены были столкнуться и сталкиваются по сей день, необходимо обратиться к истории того, как в то или иное время регулировался «корейский вопрос» российским государством.

Русские и корейцы оказались соседями еще в середине 17-го столетия, когда Россия начала утверждаться на берегах Тихого океана. Но лишь после заключения русско-китайского договора 1860 г., по которому Приморье вошло в состав России и была установлена русско-корейская граница по реке Туманган, соседство двух народов стало непосредственным. Вслед за этим началась и корейская эмиграция в «русские пределы» [1]. Политика по отношению к переселенцам была весьма непоследовательной. Очень многое зависело от личных взглядов генерал-губернатора. Противником корейцев был Н.А. Корф, бывший генерал-губернатор Приморья 1880-х гг. С другой стороны, генерал-губернаторы С.М. Духовский (1893–1898) и Н.И. Гродеков (1898–1902) поощряли корейскую иммиграцию и бесплатно давали корейским крестьянам большие земельные наделы. Сменивший их в 1905 г. П.Ф. Унтербергер был противником корейцев и вернулся к дискриминационной политике Корфа. Пытались пре-

пятствовать переселению в Россию и корейские власти, которые были недовольны тем, что за кордон уходили потенциальные налогоплательщики. Время от времени российские и корейские чиновники даже пытались совместно бороться с корейской иммиграцией в Россию [2].

Однако в скором времени советское правительство, нуждаясь в иностранных рабочих на территории Дальневосточной республики (с 1922 г. Дальневосточный край) и Бурят-Монгольской республики, пошло на то, чтобы облегчить процедуру получения российского гражданства. Российским гражданином мог стать теперь любой иностранец, проживающий в РСФСР. Для этого стоило только подать заявление в местный Совет. Ликвидировав в 1922 г. искусственно созданную Дальневосточную республику и объявив всех ее жителей советскими гражданами, правительство получило огромное число иммигрантов, въехавших в Дальневосточный и Сибирский края и в Бурят-Монгольскую республику или еще до 1917 г., или уже позднее [1].

Тем не менее положение корейцев не идеально даже в эти благополучные годы. Несмотря на всю интернационалистическую риторику, центральные власти продолжали относиться к ним с подозрением, причем особое беспокойство вызывала продолжавшаяся и в двадцатые годы иммиграция корейцев. Еще в 1925 г. Наркоминдел (так тогда назывался МИД) распорядился «принять все доступные меры для прекращения притока корейцев и китайцев на советскую территорию». Около 1930 г. была реализована давняя мечта приморской администрации – границу с Кореей и Китаем полностью закрыть. С начала тридцатых годов незаконное движение через границу и, следовательно, нелегальная иммиграция стали невозможны. Именно тогда, по сути, и закончилось начавшееся 70-ью годами ранее переселение корейцев в Россию. С этого времени корейская община извне уже не пополнялась, а ее связи с Кореей оборвались [3]. Решение о выселении всех корейцев из приграничных районов и об их отправке в Среднюю Азию было принято ЦК ВКП (б) и Совнаркомом 21 августа 1937 г. (директива №1428-326бсс). Впервые в советской истории принадлежность к определенной этнической группе сама по себе стала достаточным основанием для наказания. Приказом наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии от 2 июля 1945 г. был подтвержден статус корейцев как спецпоселенцев. 3 марта 1947 г. министр внутренних дел СССР своей директивой № 36 предписал выдавать паспорта корейцам только для проживания в республиках Средней Азии. Запрещалось проживание корейцев в Бурятии, Приморском и Хабаровском краях, а также в Читинской области. Эти ограничения существовали до 1954 г. В Бурятии корейцы стали прочно обосновываться со второй половины 1950-х гг. Хотя их число было незначительным, все они переехали в Бурятию в связи с трудоустройством. Например, Георгий Семенович Ким (корейское имя Ким Гым Сек) переселился в 1956 г., Пак Александр Сергеевич – в 1959 г.; и т.д.

После смерти И.В. Сталина дискриминация корейцев стала слабее, а во многих областях вообще отсутствовала. Уже в семидесятые годы корейцы занимали должности республиканских министров и союзных заместителей министров. Также не существовало серьезной дискриминации в науке, торговле, промышленности, за исключением, возможно, военно-промышленного комплекса. Положение в корейской общине решительно изменилось с началом перестройки. Около 1988 г. начался короткий период «корейского национального возрождения», когда во всех республиках СССР стали возникать корейские национальные ассоциации и группы [4]. Однако весна перестройки длилась недолго, она стала прологом куда более грозных событий – распаду СССР. После событий в Беловежской Пуще «советские корейцы» неожиданно стали «корейцами СНГ», гражданами многочисленных государств, возникших на руинах Советского Союза.

1 апреля 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял Закон о реабилитации российских граждан корейской национальности. Тем самым спустя многие годы сняты обвинения с многочисленных групп корейского населения, проживавшего на Дальнем Востоке и в Сибири, а также переселенных во второй половине 1930-х гг. в Казахстан и республики Средней Азии. После этого корейцы стали активно возвращаться на свои «российские родины», для кого-то из них таковой является Республика Бурятия.

Согласно переписи населения, число корейцев, проживающих в Бурятии, в 1989 г. составило 339 [5], в 2002 г. их число выросло до 596 человек [6]. Согласно последней переписи населения, проведенной в 2010 г., число корейцев в Республике Бурятия составило 486 [7].

Указом Президента Республики Бурятия от 9 февраля 1998 г. «Об образовании Совета Национальностей при Президенте Республики Бурятия» был учрежден соответствующий орган. Совет Национальностей при Президенте Республики Бурятия – общественный республиканский орган, призванный способствовать осуществлению государственной национальной политики, обеспечению конструктивного диалога и сотрудничества между этническими общностями и их общественными формированиями, государственными органами в достижении национального согласия.

Членом указанного Совета является Геннадий Сергеевич Лигай – председатель правления региональной общественной организации «Национально-культурная ассоциация корейцев Республики Бурятия».

Задачами Совета Национальностей являются:

- участие в выработке и осуществлении государственной национальной политики в Республике Бурятия;
- содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в укреплении согласия и развитии межнациональных отношений в Республике Бурятия;

- рассмотрение вопросов, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина, а также коллективных прав и свобод национальностей;
- участие в разработке программ сохранения и развития национальных культур;
- изучение и анализ состояния межнациональных отношений в республике;
- информирование Президента Республики Бурятия об этнополитической ситуации и межнациональных отношениях в республике;
- разработка предложений по вопросам государственной национальной политики и межнациональных отношений в республике;
- участие в обсуждении проектов законов, указов, постановлений и других нормативных актов, касающихся прав и интересов этнических общностей, внесение предложений об изменении действующего законодательства, затрагивающего права и интересы этнических общностей;
- содействие деятельности общественных объединений, направленной на укрепление национального согласия, развитие межнациональных отношений;
- осуществление мероприятий, направленных на предупреждение, предотвращение и разрешение межэтнических конфликтных ситуаций;
- изучение общественного мнения, работа с предложениями участников Программы Республики Бурятия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2011–2012 гг. по совершенствованию ее реализации.

Для осуществления указанных задач Совет Национальностей наделен правом свободно распространять информацию о своей деятельности; участвовать в выработке решений органов государственной власти Республики Бурятия и органов местного самоуправления в Республике Бурятия по вопросам, затрагивающим интересы различных этнических групп; представлять и защищать права, законные интересы народов, их общественных и национально-культурных объединений, а также отдельных граждан как представителей той или иной народности в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в других общественных объединениях; выступать с инициативами по различным вопросам национальных отношений и другим вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти; участвовать в разработке и осуществлении государственных программ сохранения и развития национальных культур.

В сегодняшней ситуации представляется весьма полезным использовать советский опыт регулирования адаптационных процессов между иностранными мигрантами и принимающей стороной. В частности, практический интерес представляет опыт массового обучения иммигрантов русскому языку, что сегодня могло бы способствовать снятию межнацио-

нального напряжения, а также интеграции иностранных мигрантов в российское общество.

Помимо этого следует обратиться к тому, какие правовые меры для адаптации корейцев на своей территории принимают другие государства АТР. Так исторически сложилось, что многие корейцы проживают и на территории Японии. В 1910 г. Япония аннексировала Корею. Договор от 22 августа 1910 г. не предусматривал каких-либо положений о гражданстве, однако все корейцы рассматривались правительством Японии как японские подданные независимо от места их проживания. Следует отметить, что после присоединения соответствующих территорий к Японии была введена раздельная система регистрации подданных. Наряду с так называемым отечественным семейным реестром были учреждены корейский и тайваньский семейные реестры. Включение в определенный реестр было связано не столько с этническим происхождением, сколько с определенным статусом – представителя основного населения, корейца, жителя Тайваня. В начале XX в. корейское население стало мигрировать на японские острова с целью получения образования и трудоустройства. Многие корейцы, прожившие какое-то время в Японии, возвращались на родину, но количество корейцев, оставшихся в Стране восходящего солнца, было достаточно велико. 15 августа 1945 г. Япония заявила о прекращении войны с объединенными нациями, приняв условия Потсдамской декларации. До вступления в действие мирного договора суверенитет страны был существенно ограничен и органы государственной власти не могли принимать решения без согласия штаба оккупационных войск. В феврале 1946 г. штаб направил правительству Японии меморандум, предписывающий осуществить регистрацию корейцев и тайваньцев и выявить тех, кто хочет вернуться на родину. В течение того же года программа репатриации была подготовлена и реализована на средства штаба. К 1947 г. на территории страны осталось приблизительно 570 тыс. корейцев.

Уже в этот период органы государственной власти Японии начинают рассматривать лиц, внесенных в корейский и в тайваньский семейные реестры как иностранцы. В соответствии с законом 1952 г. «О приказах Министерства иностранных дел, издаваемых во исполнение Указа императора в связи с присоединением к Потсдамской декларации» лицам, утратившим гражданство в связи со вступлением в действие Сан-Францисского мирного договора, гарантировалась возможность проживания в Японии. Им не требовалось получать формальный статус жителя в соответствии с Законом об иммиграционном контроле. Таким образом, они приобрели легальный статус, дающий право на трудоустройство в Японии. В 1965 г. Япония и Южная Корея подписали Соглашение о правовом статусе и обращении с гражданами Республики Корея, проживающими в Японии, которое предусматривало возможность предоставления статуса постоянного жителя [8].

После Второй мировой войны Япония стала более открытой страной в отношении приема иностранцев, присоединилась к международно-правовым конвенциям по правам человека, однако в отличие от многих других государств западной демократии она по-прежнему привержена этнокультурной концепции формирования государственности и изоляционистской модели интеграции иностранцев, согласно которой граждане других государств, проживающие в стране, не рассматриваются в качестве полноправных членов японского общества.

В современных условиях повышенного внимания международных общественных организаций к соблюдению прав человека и прав отдельных групп лиц от органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ требуется не только соблюдение и защита прав представителей отдельной социальной группы, но и закрепление за ними дополнительных прав. На примере решения этого вопроса в Республике Бурятия можно увидеть, что такие права не просто декларированы, а являются непосредственно действующими, о чем свидетельствует предусмотренный порядок для их реализации и защиты.

Литература

1. Ланьков А. Корейцы СНГ: страницы истории. [Электронный ресурс] URL: <http://www.korean.ru/node/46>. Дата обращения: 5.04.2012.
2. Мясников В. Корейцы в России. [Электронный ресурс] URL: <http://uznet.biz/koresaram/soryon/KOREITSI-V-ROSSII>. Дата обращения: 5.04.2012.
3. Семенова Е.В. Миграционная политика России на Дальнем Востоке в до-революционный и советский периоды: историко-правовой аспект. СПС КонсультантПлюс.
4. Лебедев А. Русские корейцы. [Электронный ресурс] URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/russkije_korejcy_2011-07-06.htm Дата обращения: 5.04.2012.
5. Национальный состав населения Республики Бурятия, Всероссийская перепись населения 1989 г.
6. Национальный состав населения Республики Бурятия, Всероссийская перепись населения 2002 г.
7. Национальный состав населения Республики Бурятия, Всероссийская перепись населения 2010 г.
8. Васильева Т.А. Правовое положение иностранцев в Японии. СПС КонсультантПлюс.

Чжонг Бон Су – докторант кафедры культурной антропологии Чонбукского государственного университета (г. Сеул, Республика Корея), доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока.

Ценадзе Анжелика Гонериевна – адвокат Второй коллегии адвокатов Республики Бурятия.

УДК 314.727

© А.С. Бреславский

Сельско-городская миграция и социально-экономическая трансформация пригородов Улан-Удэ в постсоветский период*

В статье рассматривается роль постсоветских миграционных процессов в трансформации пригородных поселений г. Улан-Удэ. Автор фокусируется на анализе количественных и качественных изменений в структуре местных сообществ, а также на проблемах пригородной инфраструктуры и архитектуры.

Ключевые слова: миграционные процессы, пригороды, г. Улан-Удэ, местные сообщества.

© A.S. Breslavsky

Rural-Urban Migration and the Socio-Economic Transformation of Suburbs of Ulan-Ude

The article examines the role of the post-soviet migration processes in the transformation of the suburban settlements of Ulan-Ude. The author focuses on the analysis of quantitative and qualitative changes in the structure of local communities, as well as on the problems of suburban infrastructure and architecture.

Keywords: migration processes, Suburbs, Ulan-Ude, local community.

В современных академических дискуссиях, касающихся различий в исследуемой реальности западных городов и городов бывшего СССР, одним из наиболее значимых факторов признается характер миграций [5, с. 76]. Если на западные города начиная с послевоенного времени существенное влияние стали оказывать миграции из «стран третьего мира», то в случае с постсоветскими городами более значимой оказалась внутренняя миграция. Пример постсоветского Улан-Удэ – столицы Бурятии – в этом смысле достаточно показателен. И это объяснимо, поскольку город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов [1, с. 132-155; 2, с. 4; 12; 13, с. 163-184]. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [3, с. 129-154].

Вместе с тем сегодня достаточно значительная территория г. Улан-Удэ [14], как оказывается, уже не может обеспечить потребности новых переселенцев в доступном жилье и земле. В этих условиях – недостаток городской земли, а также ее высокая стоимость – мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды Улан-Удэ. И здесь самое время от-

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «История формирования пригородов в Восточной Сибири во второй половине XX в.» в Межрегиональном институте общественных наук при ИГУ.

метить второе важное обстоятельство, отличающее Улан-Удэ (постсоветские города) от западноевропейских и американских городов. Он никогда не имел ни предместий, ни маленьких городков, окружающих его в качестве пригородов. В советские годы эту роль играли спальные и заводские районы, а также значительные по площади зоны индивидуальной застройки. Вместе с тем сегодня, выехав за пределы городского округа, уже в непосредственной близости от него можно встретить поселения, которые сами местные жители и административная власть называют «пригородом». Что представляют собой эти поселения и населяющие их сообщества? Каким образом г. Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? Предварительный ответ на поставленные вопросы может быть представлен в виде следующей исследовательской гипотезы: пригородные поселения Улан-Удэ до начала 1990-х гг. являлись «пригородом» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг. ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого произошло существенное обновление местных сообществ, а также начала выстраиваться их социальная (связанная прежде всего с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Такого рода формулировка гипотезы подталкивает нас к постановке новых вопросов: становятся ли пригородные сообщества Улан-Удэ «городскими» (по образу жизни, деятельности, идентичности)? Происходит ли урбанизация пригородной жизни (на уровне практик, дискурсов)? Меняется ли внешний облик, инфраструктура пригорода? Чтобы ответить на поставленные вопросы, далее мы последовательно рассмотрим, во-первых, особенности и общие черты интересующих нас пригородных поселений, во-вторых, процессы их визуальной трансформации, изменения в структуре местных сообществ, связанные с воздействием миграционных процессов и, наконец, в заключение обратим внимание на отношение административной власти к «новым» мигрантам и ситуацию, которую они формируют в пригородах.

Пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские поселения. Столицу республики окружают четыре сельских района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. Данное исследование основывается на четырех кейсах – обследованиях, организованных автором в течение апреля-мая 2011 г. в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) [6] Тарбагатайского района республики, селах Нурселение, Сужа [11] Иволгинского района и селе Эрхирик [10] Заиграевского района. Дальнейшие выводы опираются на материалы серии фокусированных неформализованных интервью и возможности включенного наблюдения автора. В качестве информантов (всего 12 человек) выступили жи-

тели обозначенных сел. В исследовании были также использованы статистические и аналитические материалы администраций местных муниципальных образований, взятые с их официальных сайтов [7; 8; 9].

Рассматриваемые села вплоть до последнего времени было сложно сопоставить с пригородами западных городов по многим критериям – количеству населения, уровню инфраструктуры, идентичности местных жителей, образу их жизни. Каждый из рассматриваемых кейсов – Нижний Саянтуй, Сужа, Нурселение, Эрхирик – до середины 1990-х гг. представлял собой достаточно типичное слабоурбанизированное сельское поселение (в советские годы – организованное вокруг колхоза / совхоза), жители которого вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); превалирующей была и «сельская» идентичность. Вместе с тем с начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-е гг. считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом, приобрела высокое символическое значение. Произошедшие за последние двадцать лет изменения выразились, как представляется, в двух значимых тенденциях. С одной стороны, увеличение потока мигрантов в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий обусловило трансформацию структуры местных сообществ, видоизменение облика рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность.

Первая тенденция, о которой мы сказали, связана с увеличением потока мигрантов в рассматриваемые пригородные села. Возвращаясь к сформулированной выше гипотезе, отметим, что именно миграционная привлекательность этих территорий, на наш взгляд, способна обеспечить их «превращение» в «пригород». Рассмотрим этот тезис подробнее. Стоит начать, пожалуй, с ответа на вопрос: что мы знаем о мигрантах в пригородах постсоветского Улан-Удэ? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Опираясь на материалы собственного обследования, мы можем выделить в структуре мигрантов, поселившихся в рассматриваемых поселениях с начала 1990-х гг., две наиболее значительные группы: сельские жители Бурятии, переехавшие «поближе к городу» и собственно городские жители, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. Стоит отметить сразу, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования не было иностранных ми-

грантов и практически отсутствовали переселенцы из других субъектов России (на этот счет нет статистики – опираемся на данные интервью и материалы включенного наблюдения).

Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал достаточно распространенной практикой. Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. При этом представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей, на наш взгляд, было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Поэтому часть из них предпочитают городу – сельский пригород, который выглядит «более безопасным и более близким». По пути в «город» часть сельчан встречает также и непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Главным образом это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, не движимости или ее аренды.

Вторая наиболее значительная группа мигрантов в пригородах – переселенцы из города. Отметим, что в целом переезд жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики – количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Представляется вполне очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь ежегодно подталкивают часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, по возможности в близлежащие села и поселки, в том числе не входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другим (не очевидно, кого здесь больше) – не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Так или иначе к настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия в финансовом плане успешных улан-удэнцев.

Вместе с тем в разрезе четырех рассматриваемых нами кейсов проявились и некоторые особенности в структуре мигрантов, в их количестве и в их количественном соотношении с местным населением. Так, в селе

Нижний Саянтуй (Вахмистрово) – одним из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности – количество мигрантов с каждым годом (по общей для всех четырех кейсов тенденции) лишь возрастает. При этом здесь можно встретить не только жителей из более отдаленных поселений района, но и значительное количество горожан, а также переселенцев из всех сельских районов Бурятии. При все увеличивающемся потоке мигрантов их количество в селе еще не соотносимо с числом местных жителей. Схожая ситуация имеет место в с. Эрхирик Заиграевского района. Однако здесь и самих мигрантов ежегодно, как оказалось, пребывает меньше. Переезжают в основном горожане, в значительно меньшей степени – жители других районов республики (возможно, это можно связать с тем, что граница с городом находится в северо-западной его части, наиболее отдаленной от городского центра).

В селах Сужа и Нурселение Иволгинского района, которые расположены друг напротив друга, наблюдается обратная ситуация. Здесь количество мигрантов постсоветской волны на момент исследования оказалось вполне сопоставимо с числом местных жителей. Это особенно показательно в случае с Нурселением, население которого за последние двадцать лет увеличилось кратно. При этом основную долю мигрантов здесь составляют сельчане – как «местные» (из Иволгинского района), так и из других районов республики.

Рассматриваемые нами села, как мы отмечали, объединяет советское колхозное / совхозное прошлое. В этом смысле важно отметить, что все они на момент обследования представляли собой территории с отчетливо видимыми зонами «старой» и «новой» застройки – советского и постсоветского периода. При этом количественное (визуальное) соотношение старых и новых построек, а также «коренных» и «новых» жителей в этих селах существенно отличалось. Так, в с. Нижний Саянтуй и Эрхирик, Сужа, как показало исследование, преобладают зоны старой застройки, новые улицы начали появляться лишь в последние годы (с 2007–2008 гг.) и в относительно незначительных масштабах (в среднем 30-50 домов). Обратная ситуация характерна для с. Нурселение, население и внешний облик которого претерпели существенные изменения в связи с массовыми миграциями.

С точки зрения формирующегося ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнено из дерева, сохраняет утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены основательно. В целом же, с визуальной точки зрения, пригороды Улан-Удэ на момент исследования сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений современной Бурятии: здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и

развлечений, нет крупных супермаркетов, плохие дороги, жилищное строительство однообразно и утилитарно.

Воздействие постсоветских мигрантов на местные сообщества оказалось, пожалуй, не более значимым, чем их роль в трансформации архитектурного ландшафта. Здесь стоит говорить, на наш взгляд, в основном о количественных, но не качественных изменениях. Местные жители в своих интервью, конечно, говорили, что они замечают новых жителей. Вместе с тем их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом относительно нейтральным – пристального внимания к их жизни они не проявляют. То же характерно, на наш взгляд, и для самих мигрантов. Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т.п. При том, что мигранты оказались в роли «гостей», в рассматриваемых поселениях за прошедшие годы не возникли какие-либо значимые основания для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Не актуальны здесь, как представляется, и какие-то потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этнической срезе практически гомогенными, не привело к сколь-нибудь острым конфликтам. На это влияет традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последних лет не включались в республиканскую или городскую повестку дня, оставаясь «проблемами местного значения». Однако в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Концепции территориального развития Улан-Удэ [4] на них обратили внимание. В Концепции было предложено три варианта развития Улан-Удэ, предполагавших расширение границ городского округа за счет пригородных территорий (в т.ч. поселений) Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов. В намеченной перспективе с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Эрхирик могут войти в состав города. Вполне возможно, что это поспособствует развитию данных территорий, их качественному преобразованию. Пока же подобная перспектива вызывает к жизни достаточно сдержанные, но оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия своих территорий. Так или иначе решение о включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ лишь повысит уровень их миграционной привлекательности, а, значит, поток переселенцев в эти места, наверняка, увеличится. На это сетуют и местные власти, ведь в их взаимоотношении с мигрантами уже сегодня основным вопросом являются проблема незаконного захвата земли и соответственно проблемы регистрации. Стоит

отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском (с. Суза и Нурселение) и Дабатуйском (с. Эрхирик) сельском поселении земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождающей нарушителей закона и местных нормативно-правовых актов от административного наказания. Это позволяет многим переселенцам узаконить свои земельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель.

Другой значимой проблемой, связанной с существенным прибытием в пригородные поселения новых жителей, стало увеличение нагрузки на социальные и коммунально-бытовые службы местных и без того финансово слабых сельских муниципалитетов (школы, детсады, полиция, водоснабжение и электроснабжение и пр.). Рассматриваемые нами поселения уже ни один год считают «пригородом», а в ближайшем будущем их могут включить в городской округ, однако они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водо-, энергоснабжением и т.п. Лишь в последние годы были решены вопросы с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан и чуть в меньшей степени для сельчан до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной миграционной стратегией.

Литература

1. Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX, XX-XXI вв. / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 132-155.
2. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. – 2002. – 1 нояб. – С. 4.
3. Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – [В.Н. Давыдов и др.]. – Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. – С. 129-154.
4. Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 года с увеличением численности населения до 700 тысяч человек [Электронный ресурс]. – URL: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc (16.05.2011).
5. Космарская Н.П. Исследования города // Антропологический форум. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – № 12. – С. 76.
6. Краткая справка о Тарбагатайском районе Республики Бурятия на 01.08.2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/> (16.05.2011).
7. Официальный сайт Заиграевского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.admzgr.e-baikal.ru> (12.04.2011).

8. Официальный сайт Иволгинского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ivolginsk.info> (12.04.2011).
9. Официальный сайт Тарбагатайского района [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru> (12.04.2011).
10. Перечень населенных пунктов муниципальных образований по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571 (16.05.2011).
11. Программа социально-экономического развития сельского поселения «Нижнеиволгинское» на 2008-2010 гг. и на период до 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html> (16.05.2011).
12. Рандалов Ю.Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 165 с.
13. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163-184.
14. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-udeg.ru/tomorrow/razvit/> (22.04.2009).

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), научный сотрудник НОЦ «Межрегиональный институт общественных наук» при ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет» (Иркутск), научный сотрудник АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (Иркутск).

Breslavskiy Anatoly S., Ph.D., scientific fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, RAS (Ulan-Ude), scientific fellow of the Interregional institute of social studies of the Irkutsk state university, scientific fellow of the Centre for independent social researches and education (Irkutsk).

УДК 314.74

© **В.В. Собольников**

**Миграция в контексте
криминологической безопасности
(на примере азиатской территории России)**

В данной статье автор анализирует явление, связанное с миграцией, такое как преступность. Анализируется взаимосвязь между миграционной политикой, миграционной преступностью и антимигрантскими настроениями. Автор подробно рассматривает современную криминальную ситуацию в среде мигрантов на азиатской территории России.

Ключевые слова: преступность, мигранты, диаспора, криминализация.

© V.V. Sobolnikov

Migration in Criminological Security Context (an example of Asia territory of Russia)

In this article the author analyzes the phenomenon, related to migration, as crime. The interrelation between migratory policy, migratory crime and anti-immigrant sentiments is analyzed. The author considers in detail the modern criminal situation among migrants in the Asian territory of Russia.

Keywords: crime, migrants, diaspora, and criminalization.

Глобальные процессы, протекающие в мире, привели к миграционному «взрыву», который обусловил в мировом сообществе, в т.ч. России и ее субъектах, глубокие изменения демографической, социально-экономической и политической ситуации, при недостаточном уровне их правового регулирования [12, 17]. Отсутствие адекватного понимания значения миграции для развития России и узость миграционной политики оказывают на общество все большее негативное влияние [3]. Дефицит конструктивной политики вполне закономерно обусловил значительный рост миграционной преступности, что получило свое проявление в новых видах преступности, связанных с миграцией. К их числу, например, можно отнести нарко- и киберпреступность, рабство, торговлю людьми, расширение различных эксплуататорских практик и видов криминального бизнеса, объектом которых является человек.

В контексте изложенного процесс дальнейшей криминализации миграции в условиях глобализации проявляется в порождении социально-экономических планетарных проблем, противоречий и деформаций, которые в полной мере находят свое выражение в миграционной преступности [13, 14-15]. Вовлекая всех в стихийный процесс жесткой конкуренции на международном и региональном уровне, глобализация ведет к дальнейшей социальной рестратификации общества, углублению неравенства между социальными группами, росту конфликтогенности и значительному усилению не всегда оправданной миграционной мобильности населения, а также массивной криминализации миграционных процессов. По справедливому замечанию В.А. Номоконова, «глобализация преступности не просто сопровождает «мировую экономическую интеграцию», но и является прямым неизбежным следствием в силу того, что она сама по себе есть глобальная криминогенная деформация мира» [7]. Понимание изложенного актуализирует проблему криминализации миграционных процессов в контексте криминологической безопасности [2, 135-144] как составной части национальной безопасности.

В масштабности миграционных процессов убеждает факт одновременного вовлечения в ее сферу 218 стран мира и около 175 млн мигрантов, не проживающих в странах исхода. По прогнозной оценке Международной организации по миграции (МОМ), число мигрантов к 2030 г. со-

ставит 300 млн человек. Миграционный процесс в полной мере проявил себя и в России: в период с 1991 по 2001 г. в страну официально въехало 7,1 млн человек. Однако эксперты указывают цифру в 11 млн мигрантов. При этом отмечается повышение числа въехавших мигрантов над числом выехавших. По данным Пограничной федеральной службы ФСБ России, только за последние три года на территории страны из числа указанной категории осело более 5 млн человек. Количество зарегистрированных фактов пересечения государственной границы за 2008 г. составило 23,5 млн мигрантов. ФМС России утверждает, что только в 2010 г. в РФ въехало 13,6 млн иностранцев. В последние годы число мигрантов с учетом незаконной миграции в России, по данным различных источников, колеблется от 8,6 до 15 и более миллионов человек. Интенсивность миграционных процессов серьезно осложнила ситуацию в стране, а незаконная миграция [10, 4], по заключению В.С. Овчинского, превратилась в криминогенный фактор [5, 3]. В связи с этим следует уточнить, что ранее основная масса мигрантов прибывала из закавказского региона. Однако в последнее десятилетие стало преобладать количество мигрантов из центральноазиатских республик и Китая [8]. Массовое неконтролируемое переселение китайцев, спектр их противозаконной деятельности (контрабанда биоресурсов, древесины ценных пород, финансов, цветных металлов и т.д.), по мнению ряда исследователей, существенно криминализуют ситуацию и создают угрозу безопасности [9].

Различного рода мигрантские перемещения во многом носят неуправляемый характер и связаны с «глобальными мигрантскими структурными сетями», которые представляют собой гибкие, подвижные, неформальные, организованные и находящиеся вне социального контроля структуры. Последние в сущности эффективно «подменяют» работу государственных структур и этнических диаспор своей не всегда законопослушной деятельностью. Формирование и развитие мигрантских сетей происходят как правило, по криминальному варианту и активно используются организованной миграционной преступностью [15, 153-161]. В контексте изложенного анализ мигрантских глобальных структур представляется ценным для понимания сущности криминогенной составляющей миграционных процессов. Природа последней раскрывается через потребностный характер активности мигрантов, которая в норме может проявляться как экспансия (этническая, территориальная, военная, культурная, финансово-экономическая, идеологическая и т.д.). Целью является захват физического, социального, психологического и виртуального пространства любым доступным способом, в т.ч. и путем навязывания чуждых идей и формирования выгодных для инициатора доминант для извлечения из этого разного рода выгод и преимуществ. Одним из признаков повышения деловой активности этнического предпринимательства на территории Сибири и Дальнего Востока является «этническое лобби» (армянское, узбекское, таджикское, грузинское, китайское и др.), которое

представлено в государственных структурах и широко использует в своих целях механизм коррупции.

Одновременно следует учитывать возможность использования отдельными субъектами международного права миграционных процессов в качестве скрытой технологии (по «косовскому» варианту) для передела сфер влияния и территорий. В процессе обострения этнополитической напряженности незаконная миграция может быть использована как силовой инструмент в решении различных проблем, в т.ч. и конфликтов с местным населением. В настоящее время существуют проблемы приграничных и других территорий, где мигранты (например, на территории Дальнего Востока) составляют в отдельных муниципальных образованиях большинство. В условиях глобализации экономики и трансформации пограничного, таможенного и визового режима происходит стирание границ и возникает по этой причине, как справедливо отмечает Л. Моисеева-Элье, угроза безопасности [6, 93].

В этом плане китайская община стала одним из крупных и наиболее жестких объединений, имеющих в азиатской части России мощный криминогенный потенциал. Так, на территории Сибири и Дальнего Востока официально зарегистрировано 300 тыс. китайцев. В ряде исследований общая оценка числа трудовых мигрантов – выходцев из КНР, проживающих в Российской Федерации, на 2005 г. определяется в 800 тыс. человек. В то же время, по мнению экспертов, всего в России проживает более 3 млн, а в ее азиатской части незаконно пребывает около 1 млн граждан КНР. С открытием российских границ активировались торговля и внешнеэкономические отношения, где китайские предприниматели интенсивно включаются в деятельности, используя как легальные, так в большей степени нелегальные способы [14, 32-35]. Наряду с транснациональной преступностью (китайские «триады», японские «якудза», вьетнамская «змея» и др.) сформировались и активно действуют этнические организованные группы. Наблюдается криминальная кооперация с российскими преступными группами, представителями правоохранительных органов и государственных структур. Денежные потоки вместо прежнего вывоза валюты в Китай реализуются по новой схеме: выручка концентрируется в руках крупных китайских бизнесменов и направляется на скупку и вывоз из России леса, цветных металлов, биоресурсов и т.д. Также одновременно продолжают функционировать подпольные китайские банки.

В контексте изложенного видно, что неконтролируемая китайская миграция оказывает серьезное криминогенное влияние на ситуацию, прежде всего, в азиатских регионах России. Последнее находит свое подтверждение в ряде следующих проявлений:

- во-первых, из Китая хлынул поток преступных элементов, привлеченных возможностью быстрого обогащения;
- во-вторых, формирование китайской диаспоры сопровождается значительным обострением криминальной обстановки (контрабанда наркотиков, оружия, боеприпасов, алкогольной продукции, вывоза ценного ле-

карственного сырья растительного и животного происхождения, морепродуктов и т.д.).

В условиях малопривлекательности территории Сибири и Дальнего Востока для внутренней миграции складываются объективные и субъективные предпосылки ее заселения китайцами. При этом использование большинством мигрантов каналов незаконного проникновения в Россию не способствует их легализации в дальнейшем. Так, по результатам проведенного нами в период с 2008 по 2010 г. опроса 350 мигрантов на территории Сибири и Дальнего Востока, не более 35% – получают регистрацию, около 10% – получают разрешение на работу или проживают нелегально на российской территории и находятся вне государственного контроля. В числе причин, способствующих этому, следует выделить ряд наиболее значимых: (а) пробелы в миграционном и трудовом законодательстве; (б) потребности теневой экономики и бизнеса в дешевой неформальной рабочей силе; (в) низкий уровень правосознания мигрантов и недоверие их власти по причине ее коррумпирования и сращивания с криминалом.

Каждая из этих причин является серьезной проблемой, неразрешимость которых инициирует «включенность» мигрантов в «теневую этническую экономику» [4]. Это приводит к выведению их «за рамки правового поля». «Исключенные» составляют социальную базу «теневой экономики», миграционной преступности и иных форм девиации (наркотизм, алкоголизм, проституция и т.д.). Так, за последние десять лет миграционная преступность выросла на 74%. Только за 2008 г. она составила 7,5%. В 2010 г. 29 тыс. иностранцев было вынесено судебное решение об административном выдворении за пределы. Каждое третье преступление совершается представителями незаконной миграции [1]. При этом масштабы трансфертов, перечисляемых мигрантами, ежегодно из России в страны исхода [14, 4], составляет 3–4 млрд долларов. Однако финансовые потери России намного выше и, видимо, приближаются к бюджету других развитых стран, где доля средств, перечисляемых в «теневом» варианте в третьи страны, составляет две трети [15].

Другой проблемой для России является торговля живым товаром в целях сексуальной и иной эксплуатации, что в условиях демографического кризиса приводит к истощению России [11, с. 39-44]. Торговцы людьми представляют собой симбиоз традиционной организованной преступности, коррумпированных властей и представителей правоохранительных органов. Территория Сибири и Дальнего Востока как слабо защищенные в экономическом плане районы раскрывает перед работоторговцами широкие возможности. Так, если в сибирских регионах большая часть женщин продается в Китай, то на Дальнем Востоке – в Китай, Южную Корею и Японию. Статистические данные, отражающие борьбу с торговлей людьми (ст. 127.1 УК РФ) на указанной территории, показывают скромные результаты. Например, в период с 2004 по 2007 г. зарегистрировано только 73 случая, что составляет около 2,7% всего количества совершенных на

территории России преступлений. Очевидно реальные масштабы преступлений намного больше, в чем убеждают материалы СМИ, мнения исследователей, экспертов и представителей НПО, занимающихся данными проблемами. Отмечая высокую латентность преступлений, связанных с торговлей людьми, статистические данные следует рассматривать как ничтожно малую величину, не отражающую реальной ситуации данной проблемы. Являясь одной из сфер извлечения значительных криминальных доходов, торговля женщинами и детьми обретает все большую общественную опасность, расширение ее границ становится одной из форм организованной миграционной преступности.

Результаты анализа процесса криминогенного влияния на миграцию позволяют в числе составляющих выделить следующие:

1. Влияние миграции как ведущего фактора на этносоциальные изменения просматривается при определенной концентрации мигрантов на территории (например, в ряде стран присутствие мигрантов составляет 4,6%). Высокая концентрация сказывается на этносоциальных отношениях, культуре и этноидентичности. При этом неконтролируемая этническая миграция способствует возникновению мигрантофобии, этнокультурных конфликтов, усилению этносепаратизма и экстремизма. В последнем случае миграция может выступать криминогенным фактором.

2. Влияние фактора миграции проявляется в странах, испытывающих демографический спад населения, где прирост населения возможен за счет миграции. В этих условиях миграция приводит к существенным структурным изменениям в этноконфессиональной структуре общества. Следовательно, в миграционной политике следует учитывать не только экономическую компоненту, но и ее трансформационное влияние на этносоставляющую общества. При этом необходимым элементом работы должно стать выявление угроз и рисков в сфере демографической модернизации со стороны неконтролируемой миграции.

3. Влияние миграции на экономические процессы привело к формированию неформальной и теневой этноэкономики, которая, по сути, базируется на использовании мигрантов. В мигрантской среде продолжается уход мигрантов из легальных экономических структур в теневую область с криминальным содержанием. В частности, теневая экономика, по данным российских экспертов, составляет 25% ВВП, а с учетом криминальной деятельности – 48,7% ВВП. По оценкам Госкомстата, на 2001 г. в неформальном секторе было занято как минимум 10 млн человек (15% занятых в экономике). Субъектами такой деятельности являются профессиональные преступники, а объектами – производство запрещенных и дефицитных товаров и услуг.

Использование дешевого труда мигрантов в массовом порядке, в том числе недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом, очевидно. 90% мигрантов заняты в «серой и черной» зонах и в автономном режиме, прочно интегрированы в теневую экономику. Рынок в современных условиях для большинства нелегальных мигрантов стал

одной из основных сфер занятости. В условиях правового бесправия основным механизмом управления такими работниками является физическое и психологическое насилие, т.е. реализуется на практике властно-насильственный механизм, связанный преимущественно с применением различных форм эксплуатации. Для такого рынка характерна долговая, сексуальная и иная (например, наркотическая, деструктивная и т.д.) зависимость, при повсеместном распространении ограничения свободы, изъятия документов и коррупции. Сложилась полукриминальная инфраструктура, в системе которой присутствует «индустрия удовлетворения естественных и социальных потребностей» (например, помощь милиции, «хозяин» рынка или «проститутки в контейнере» и т.д.). «Черные» рынки труда существуют практически во всех областных центрах Сибири и Дальнего Востока. В частности, в Новосибирске такой «рынок рабов» расположен на Хилокском рынке, где собираются мигранты, ищущие работу, и представители работодателей, нанимающие дешевых работников. Рабство практически перестало быть маргинальным явлением, поскольку получило массовое распространение, а система противодействия криминальной эксплуатации мигрантов разъедена коррупцией.

Узость легитимного пространства закономерно привела в рамках «этнокриминальной экономики» к их самоорганизации вокруг «мафиозных диаспорных кланов». В России реально функционирует глубоко коррумпированная, во многом закрытая сфера жизнедеятельности мигрантов, которая породила в обществе антимигрантские настроения и экстремистские проявления. Научный подход к пониманию криминализации миграционных процессов обуславливает необходимость разработки мер по ее предупреждению. Такого рода противодействие криминализации миграционных процессов должно представлять собой многоуровневую систему мер, исходящих от разных субъектов. Среди субъектов предупреждения преступности следует выделить как специализированные (Совет Безопасности РФ, органы суда, прокуратуры, юстиции, органы внутренних дел и другие правоохранительные органы, Межведомственная комиссия по социальной профилактике правонарушений Правительства Российской Федерации), так и неспециализированные (иные организации, юридические и физические лица, средства массовой информации, которые участвуют в предупреждении преступности). В общем плане противодействия криминализации мигрантских процессов можно выделить следующие виды предупреждения:

- общее (общекриминологическое) предупреждение;
- специальное (специально-криминологическое) предупреждение;
- индивидуальное криминологическое предупреждение;
- профилактика виктимного поведения.

Осознание Россией важности данной проблемы, криминологический мониторинг, оценка и прогноз развития миграционной ситуации и миграционной преступности позволяют определить цели и задачи всех

государственных структур в данной области и в рамках субъектов РФ разработать план осуществления таких действий.

Примечания

1. Бастрыкин А.И. Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России // *Право и безопасность*. – 2009. – № 2(31).
2. Впервые понятие криминальной безопасности было обосновано и введено в научный оборот В.А. Плешаковым и Н.Д. Нечвиной, которыми исследуемая категория раскрывалась как «объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами (явлениями, процессами), а также осознанием людьми такой своей защищенности» // Плешаков В.А., Нечвина Н.Д. Криминологическая безопасность в системе общественной безопасности // *Предупреждение преступности и обеспечение безопасности в городах: материалы междунар. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 1999 г.) / Моск. юр. ин-т МВД России*. – М., 1999. – С. 135-144.
3. Гаспарян В.В. Оценка влияния миграционных процессов на экономическую безопасность России и ее регионов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Ставрополь, 2009; Коробов А.А. Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук и др., Орешков С.В. Влияние глобальных миграционных потоков на экономическое развитие страны: проблемы деконструктивных воздействий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. - М., 2007; – Владивосток: 2002 / URL: <http://www.crime/vl.ru/index.php?p=1382&more=1&page=3>.
4. Коваленко В. Экспорт рабочей силы – зло или благо // *Экономическое обозрение*. №18(562) / 14 мая 2004 г. URL: <http://www.try.md/prview.php?DataInter&id=41067iInter&id=41067>
5. Лукьянов А., Григорьев Е., Виноградов Ю., Щерблякин В. Экономика нелегальной миграции в России // *Маркетинг & Консалтинг*. – 2005. – 27 нояб. URL: <http://www.novoenmenie.ru/rassi/191.html>
6. *Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми: сб. ст. / сост. В.С. Овчинский*. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 3.
7. Моисеева-Элье Л. Общественные отношения в области миграции: современная история // *Международные отношения в развитии социально-экономических процессов в странах СНГ: материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 14-15 июня 2001 г.* – Омск, 2001. – С. 93.
7. Номоконов В.А. Незаконная миграция как источник криминальной опасности: региональный аспект // 3-й Международный форум «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма». URL: <http://www.waaf.ru/index..ru.php?section=7¶graph=3&article=19>.
8. Общая численность населения Китая достигла 1262 млн человек, в т.ч. более 200 млн (7–8 млн из их числа являются безработными) на северо-востоке Китая, в его приграничных районах. По этой и ряду других причин является объективным стремление китайцев к миграции и заселению свободных земель на территории Сибири и Дальнего Востока, которые ими воспринимаются как исконно китайские.

9. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: ИНФРА. – М., 2001. – С. 117-120; Номоконов В.А. Незаконная миграция как источник криминальной опасности: региональный аспект // 3-й Междунар. форум «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма» / URL: <http://www.waaf.ru/index..ru.php?section=7¶graph=3&article=19>; Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Нелегальная миграция и организованная преступность: региональные аспекты / URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?ID=1000&print=1&more=1>; и др.
10. Пальников М. Иммиграция в Россию из постсоветских республик // Перспективы. URL:<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=39971>
11. Противодействие торговле людьми: монография // под ред. Ю.Г. Торбина. – Новосибирск, 2009. – С. 308.
12. Собольников В.В. Юридический механизм управления миграционными процессами в России: учеб. пос. – Новосибирск: РАГС, СибАГС, 2001. – С. 17.
13. Собольников В.В. Современная миграционная преступность: состояние, проблемы и система противодействия: монография. – Новосибирск: Изд-во НВИ ВВ МВД России, 2008.
14. Собольников В.В., Нагаев С.А. Совершенствование регулирования миграционных процессов в России: правовой дискурс // Миграционное право. – 2010. – №2. – С. 32-35.
15. Собольников В.В. Криминальные сети как системообразующий элемент глобализации миграционной преступности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2011. – №7. – С. 153-161.

Собольников В.В. – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правового управления Новосибирского государственного аграрного университета, г. Новосибирск (Россия), директор научно-исследовательского центра «Изучение евроазиатских проблем».

Sobolnikov V.V. – doctor of psychology, professor, head of Department of State Legal Department of the Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk (Russia), Director of Research Center «Study of Eurasian issues».

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ».

Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 70x100 1/16.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков.

Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. **Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.** Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием про-

граммы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Научное издание

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования Внутренней Азии

Выпуск 1

МИГРАЦИИ И ДИАСПОРЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редактор
З.З. Арданова
Компьютерная верстка
Т.А. Олоевой

Подписано в печать 18.02.13. Формат 70x100 1/16.
Уч.-изд.л. 10,89. Усл. печ.л. 12,68. Тираж 1000. Заказ № 381.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24
riobsu@gmail.com